S&F

Structures & Functions:

Studies in Russian Linguistics

СТРУКТУРЫ И ФУНКЦИИ:

исследования по русистике

2013 VOLUME I ISSUE 1

International Editorial Board

Elena Belaya, France
Dojcil Vojvodic, Serbia
Rafael Guzman, Spain
Seyed Hasan Zahraee, Iran
Andrey B. Krasnoglazov, Estonia
Swetlana Mengel, Germany
Elena V. Petruhina, Russia
Yury E. Prokhorov, Russia
Olga G. Revzina, Россия
Marina L. Remneva, Russia
Marina Y. Sidorova, Russia
Hannu Tommola, Finland
Emmanuel Toumazou, France
Henryk Fontański, Poland
Zhang Huiqin, China
Alexey A. Chuvakin, Russia
Alexey D. Shmelev, Russia

Editors-in-chief:
Inga Mangus, Estonia;
Victoria V. Krasnyh, Russia

Международный редакционный совет

Елена Белая, Франция
Дойчил Войводич, Сербия
Рафаэль Гусман, Испания
Сейед Хасан Захраи, Иран
А. Б. Красноглазов, Эстония
Светлана Менгель, Германия
Е. В. Петрухина, Россия
Ю. Е. Прохоров, Россия
О. Г. Ревзина, Россия
М. Л. Ремнева, Россия
М. Ю. Сидорова, Россия
Ханну Томмола, Финляндия
Эмманюэль Тумазу, Франция
Хенрик Фонтаньский, Польша
Чжан Хойцинь, Китай
А. А. Чувакин, Россия
А. Д. Шмелёв, Россия

Главные редакторы:
Инга Мангус, Эстония;
В. В. Красных, Россия

Prepress Inessa Zabotonaya

ISSN 2228-2653

Publishing house Pushkin Institute
www.pushkin.ee
Maneezi 7, Tallinn10117, Estonia

При использовании материалов в любом виде ссылка на журнал обязательна.
За точность цитат, библиографических данных и соблюдение прав интелектуальной собственности ответственность несут авторы.

Редколлегия не обязательно разделяет мнение авторов и не всегда согласна с излагаемыми в статьях взглядами. Однако, руководствуясь тем, что исследователи могут принадлежать разным научным школам, придерживаться различных научных концепций и воззрений, вследствие чего в современной гуманитарной науке нет и, пожалуй, не может быть единственной – «правильной» – точки зрения, мы публикуем, в том числе, статьи, которые могут стать предметом острой дискуссии.

Puškini Instituut
(Таллинн)

Vol. 1, issue 1.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительная статья ответственных редакторов журнала ... 4

ПРИГЛАШЕНИЕ К РАЗГОВОРУ / CALL FOR PAPERS ... 7

ОБРАЩЕНИЕ РЕДКОЛЛЕГИИ К БУДУЩИМ АВТОРАМ ... 14

ВОПРОСЫ РУССКОЙ ГРАММАТИКИ

Никитина Е. Н. Категория залога и точка зрения в художественном тексте ... 15

РУССКИЙ ЯЗЫК В ЭЛЕКТРОННОЙ КОММУНИКАЦИИ И СОВРЕМЕННЫХ МЕДИА

Дедова О. В., Куприенко М. С. Текстовое название в электронной коммуникации: код *vs*. текстуальность ... 37

ДИСКУРС-АНАЛИЗ И ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА

Александрова И. Б., Славкин В. В. Лингвистика речи как объект современных филологических исследований ... 46

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Жданова Л. А. – Общество в русской языковой картине мира ... 59

СОЦИОЛИНГВИСТИКА

Фролова О. Е. Европа в зеркале социолингвистического эксперимента (взгляд из России) ... 70

ИСТОРИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Николенкова Н. В. Механизмы формирования научного стиля церковнославянского языка XVII века (на примере географических сочинений) ... 78

Савельев В. С. – Количественное восприятие пространства: пролегомены к изучению количественных показателей в «Повести временных лет» (Статья 1) ... 87

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Милютина М. Г. «Метаморфозы» настоящего времени в поэтическом тексте ... 107

Кукуева Г. В. Рассказ-очерк В. М. Шукшина как результат взаимодействия первичных и вторичных речевых жанров ... 118

РЕЦЕНЗИИ

Кулибина Н. В. К. А. Рогова, Д. В. Колесова, Н. В. Шкурина и др. / Под ред. проф. К. А. Роговой. Учебно-научное пособие «Текст: теоретические основания и принципы анализа». СПб.: Златоуст, 2011. ... 128

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ ВЫПУСКА ... 132

Уважаемые коллеги!

Новый журнал «Структуры и функции: исследования по русистике», первый выпуск которого Вы видите перед собой, призван знакомить читателей с достижениями русистики как в традиционных областях научных изысканий, так и в молодых дисциплинах.

Мы планируем печатать статьи ведущих русистов (как российских, так и зарубежных) и надеемся, что журнал станет своего рода дискуссионной площадкой для обсуждения актуальных проблем современной филологической науки. Таким образом, первая цель нашего издания – создать своего рода форум специалистов по русскому языку, который позволит представлять результаты своих исследований, излагать свои идеи и делиться открытиями, знакомиться с достижениями коллег, обмениваться мнениями, узнавать о новых публикациях и под.

Другая цель, которую мы преследуем, приступая к изданию нового журнала, – дать возможность коллегам из разных стран знакомиться с достижениями современной российской науки: с взглядами, концепциями, теориями, разрабатываемыми сегодня отечественными русистами, со школами и направлениями, существующими в наши дни в России. Данная необходимость представляется вполне очевидной, поскольку, во-первых, не все издания, появляющиеся в России, оказываются доступны зарубежным коллегам, во-вторых, сегодня основным языком научного общение становится английский (как иногда говорят: «Bad English is the language of good science»), что, с одной стороны, помогает исследователям, независимо от их родного языка, быть в курсе того, что происходит в области их знаний, но с другой – ограничивает возможности публикаций для российских русистов в зарубежных изданиях.

Соответственно, еще одна цель – укрепить позиции русского языка как языка международного научного общения в области исследований, непосредственно с русским языком связанной, т. е. в сфере русистики, где русский язык должен быть не только объектом научных изысканий, но и средством общения русистов всего мира.

И, наконец, нельзя не сказать еще об одной цели, которую мы ставим перед собой, исходя из собственно научных причин. Ни для кого не секрет, что новая научная парадигма, выкристаллизовавшаяся на рубеже веков в российской филологии в целом и русистике, частности, с одной стороны, была обусловлена становлением во второй половине XX века ряда наук (психолингвистики, этнопсихолингвистики, социолингвистики, лингвокультурологии, компьютерной, когни-

тивной и корпусной лингвистики и др.), с другой – дала толчок к развитию традиционной лингвистической науки, предопределив новые направления исследований. Сегодня филологическая наука зачастую имеет дело с новыми проблемами, новыми феноменами, новыми предметами исследований, что необходимо требует разработки и использования новых методов, которые позволили бы адекватно отвечать на вызовы нашего времени. Соответственно, цель нашего издания мы видим также в том, чтобы, с одной стороны, способствовать сохранению того лучшего, что есть в российской филологической традиции, что следует передавать последующим поколениям исследователей, с другой стороны, поддерживать и пропагандировать новые достижения современной русистики.

На страницах журнала мы планируем обсуждать широкий круг проблем, касающихся исторических судеб и современного состояния и функционирования русского языка. Соответственно, в журнале предполагаются следующие рубрики:

- Вопросы русской грамматики
- Современное словообразование
- Фонетика и фонология русского языка
- Вопросы лексики и проблемы лексикографирования
- Актуальные проблемы изучения фразеологии
- Вопросы стилистики
- Дискурс-анализ и лингвистика текста
- Русский язык в электронной коммуникации и современных медиа
- Социолингвистика
- Психолингвистика, этнопсихолингвистика
- Когнитивные исследования
- Лингвокультурологические исследования
- Компьютерная лингвистика
- Корпусная лингвистика
- История русского языка
- Лингвистический анализ художественного текста

Обязательной рубрикой в каждом выпуске будет рецензирование трудов, вышедших в свет в последнее время.

Указанный перечень рубрик не является закрытым и может дополняться за счет новых тем, которые могут быть предложены нашими авторами, и расширяться по мере развития науки.

Мы приглашаем к сотрудничеству профессиональных русистов и лингвистов широкого профиля, работающих на русском материале и занимающихся как теоретическими проблемами русского языка в синхронии и диахронии, так и исследованиями в области его функционирования.

Приглашаем к разговору и ждем ваших статей!

Отв.ред.

ПРИГЛАШЕНИЕ К РАЗГОВОРУ / CALL FOR PAPERS

Том 1, выпуск 2 / Volume 1, issue 2

Лексика, стилистика, лингвистический анализ художественного текста

В каждую конкретную эпоху своего исторического существования картина мира, данная в языке, являет себя в первую очередь в его лексике и в его стилистической организации. В художественном тексте находит воплощение важнейшая когнитивная способность человека – творческое отношение к языку и художественное познание мира. Научные перспективы и научные открытия в языкознании и в русистике XX1 века во многом зависят от прорыва в названных областях гуманитарного знания. Здесь важны как теоретические изыскания, так и конкретные исследования. Насущным представляется обсуждение на страницах журнала следующих вопросов:

1. Вызовы времени и номинативные стратегии русского языка.

2. История слов и эволюция понятий. Актуальность создания историко-тематических словарей русского языка.

3. Специфика русской стилистической системы. Каким должен быть понятийный аппарат стилистики?

4. Функционирование русской стилистической системы в X1X–XX1 вв. Структурная идентичность и динамические процессы. Можно ли говорить о необратимых изменениях русской стилистической системы в XX1 веке?

5. Эвристическая ценность традиционных и новейших подходов в исследовании художественного языка и художественного текста.

6. Диалогическая взаимосвязь между конкретным текстом и целями и методами его анализа. Множественность интерпретаций как универсалия существования художественного текста во времени.

7. Стилевая организация и интертекстуальность в информационном пространстве русского дискурса. Лики интертекстуальности.

8. В чем состоит специфика словесно-художественного мышления? Какие инновационные проекты могут последовать из определения художественной речи как творческой лаборатории языка? Русский художественный дискурс во времени: стратегии забвения и стратегии памяти.

Lexicology, Stylistics, Linguistic Analysis of Literary Text

At any particular period of its existence the worldview as expressed in language reveals itself in its lexis and in its stylistic organization. It is in literary texts that the most significant human cognitive capacity – the creative attitude towards language and the imaginative cognition of the surrounding world – finds its regular realization. The perspectives of, and the discoveries in, the XXI-century linguistics and Russian language studies to a great extent depend on a break-through in the above-mentioned spheres of the humanities. Of considerable significance here are both the theoretical investigations and the concrete practical studies. Hence the topicality of the issues suggested for discussion in the present journal:

1. Contemporary challenges and the nominative structures of the Russian language.

2. History of words and evolution of notions. The current value of creating the historical-thematic dictionaries of the Russian language.

3. The specificity of the Russian stylistic system. What should the conceptual apparatus of stylistics be like?

4. The functioning of the Russian stylistic system in the XIX-XXI centuries. Structural identity and dynamic processes. Is it right to speak about the irreversible changes of the XXI-century Russian stylistic system?

5. The heuristic value of traditional and modern approaches to studying literary texts and the language of literature.

6. The dialogical connection between a particular text, and the objectives and methods of analyzing it. Multiplicity of interpretation as a universal of the diachronic existence of a literary text.

7. Stylistic organization and intertextuality in the information space of Russian discourse.

8. What does the specificity of verbal-imaginative thinking consist in? What innovative projects may ensue from viewing verbal art as the creative laboratory of language? Russian literary discourse in diachrony: oblivion strategies and memory strategies.

Том 1, выпуск 3 / Volume 1, issue 3

Грамматика, словообразование

В современной лингвистике новый импульс получили многие идеи предшествующего этапа ее развития. Становится очевидным, что расширение интересов лингвистики в современной научной интегрирующей парадигме не вступает в противоречие с пониманием языка как семиотической «системы систем», но ставит задачи соотнесения знаний об устройстве языковой системы и функциях языковых единиц с другими знаниями – о ментальном, духовном, эмоциональном, эстетическом внутреннем мире человека как носителя языка, с его когнитивными способностями и представлениями о внешнем мире. Лингвистические исследования в этом направлении показали, что широкие гуманитарные знания человека как члена этноса тесным образом взаимодействуют с системой семантических координат и ориентиров, явным или скрытым образом выраженных в языке, в частности в его грамматике и словообразовании. В этой лингвистической парадигме особую значимость приобретает также исследование исторической памяти языка и связей между синхронией и диахронией. В связи с этим считаем интересным и актуальным обсудить следующие вопросы **русской морфологии и словообразования**:

- производное слово как единица извлечения, систематизации и хранения знаний человека о мире;
- функции словообразования в современном русском языке, в том числе дискурсивная, адаптирующая (в сфере заимствований) и игровая;
- когнитивная значимость словообразовательных гнезд и словообразовательных категорий;
- лакунарность русской словообразовательной системы и заполнение «пустых клеток» потенциальными производными;
- современные процессы в русском словопроизводстве;
- связь словообразования и морфологии как типологическая черта русского языка;
- универсальные и специфические свойства грамматикализации в русском языке;
- роль словообразования и морфологии в выражении доминантных и типовых смыслов русской языковой картины мира;
- категоризация в сфере грамматики;
- межкатегориальные связи;
- культурно-историческая мотивация словообразовательных и морфологических категорий и единиц;
- семантический спектр русских именных и глагольных морфологических категорий;
- грамматика конструкций;
- дискурсивные функции морфологических категорий.

Grammar, Word-Formation

In modern linguistics many ideas expressed in the preceding stages of its development have been given new impetus. It is getting obvious that broadening the interests of linguistics in the modern integrating scientific paradigm does not contradict the understanding of language as a semiotic ″system of systems″, but sets the goal of relating the knowledge of the way the linguistic system is structured and of functions of linguistic units 1) with other kinds of knowledge – that of the mental, spiritual, emotional, aesthetic inner world of a human being as a native speaker of a language, and 2) with a person's cognitive capacities and ideas about the surrounding world. The linguistic investigations in this direction have shown that the wide humanitarian knowledge of a human being as a member of an

ethnos are closely interrelated with the system of semantic coordinates and hallmarks explicitly and implicitly expressed in language, in its grammar and word-formation in particular. Within this linguistic paradigm of special importance is the investigation of the historical memory of a language and of the connection between synchrony and diachrony. This makes us think that the following issues of Russian morphology and word-formation are of interest and topicality:

- a derivative word as a unit of extracting, systematizing and keeping human knowledge about the world;
- functions of word-formation in Modern Russian, including the discourse function, the adaptive function (as displayed in the sphere of loan-words) and the game function;
- the cognitive significance of word-formation families and word-formation categories;
- the lacunal character of Russian word-formation system and the filling of the gaps by potential derivatives;
- the connection between word-formation and morphology as a typological feature of the Russian language;
- the universal and the specific properties of grammaticalization in Russian;
- the role of word-formation and morphology in expressing the dominant and the standard semantic categories of the Russian linguistic worldview;
- categorization in the sphere of grammar;
- inter-categorial connections;
- cultural-historical motivation of word-formation and morphological categories and units;
- the semantic capacities of Russian nominative and verbal morphological categories;
- grammar of constructions;
- the discourse functions of morphological categories.

Том II, выпуск 1 / Volume II, issue 1

Психолингвистика, социолингвистика, когнитивные исследования

Во второй половине и особенно в конце XX века лингвисты столкнулись с рядом вопросов, на которые традиционная наука не всегда могла дать ответ. Среди этих вопросов были и абсолютно новые, возникшие в связи с развитием цивилизации и науки (в частности с появлением новых технологий, с достижениями нейронаук и т. д.) и спровоцированные задачами нового времени (например, необходимостью диалога «человек – машина», актуальностью решения проблем машинного перевода и под.), и такие, которые занимали умы ученых на протяжении долгого времени (что есть язык, как язык связан с мышлением, что есть языковая норма и под.). На многие из этих вопросов исследователи до сих пор ищут ответы.

Для обсуждения в данном выпуске предлагаются следующие проблемы:

- как влияет современная языковая среда на формирование речемыслительной деятельности ребенка?
- влияют ли изменения языковой среды на образ мира и как именно?
- связано ли появление новых типов текста с изменениями в речевой деятельности и языковом сознании?
- как влияет культурно-языковая полифония на формирование языковой личности?
- каковы факторы возникновения конфликтогенных зон в коммуникации?
- как устроена и как «работает» языковая картина мира?
- существует ли сегодня норма в русском языке?
- где сегодня проходят границы между литературным языком и «-лектами»?
- каково состояние современного русского языка: катастрофа или обновление?

Данный список содержит основные темы выпуска, но не ограничен только и исключительно ими, однако мы просим в работах строго придерживаться основной проблематики дисциплин, обозначенных в названии выпуска.

Psycholinguistics, Sociolinguistics, Cognitive Studies

In the second part and especially at the end of the XX century linguists faced a number of questions which traditional linguistics was not always able to answer. Among these questions there were both 1) the absolutely new ones which arose because of the development of civilization and science (the appearance of new technologies, the achievements of neurosciences etc.) and which were caused by the goals of modern epoch (the necessity of establishing ″man – machine″ dialogue, of solving the problems of machine translation, and the like), and 2) those which had been occupying the scholars' minds since time immemorial (what is language, the connection between language and thinking, what is linguistic norm, and the like). Scholars keep looking for answers to many of these questions up to now.

In the present issue of the journal the following problems are suggested for discussion:

- how does modern linguistic milieu influence the formation of a child's speaking and thinking capacities?
- do the changes in linguistic milieu affect one's image of the world and in what way specifically do they do it (if at all)?
- is there any connection between the appearance of news types of texts and the changes in speech and in linguistic thinking?
- how does the cultural and linguistic polyphony influence the formation of a linguistic personality
- for what reasons do zones of conflict appear in communication?
- what is the structure of linguistic worldview and how does the latter work?
- is there such a thing as norm in Modern Russian?
- where does one now find a border-line between literary language and all kind of ″-lects″?
- what is the present state of the Russian language: catastrophe or rejuvenation?

The above list contains the main topics of this particular issue of the journal, though it is not confined to them only and exclusively; however, we strongly recommend that thematically our authors should keep strictly within the bounds of the linguistic disciplines mentioned in the title of the issue.

ОБРАЩАЕМ ОСОБОЕ ВНИМАНИЕ НАШИХ БУДУЩИХ АВТОРОВ!

Статьи, представляемые в редколлегию, должны быть оформлены в соответствии с требованиями (см.: www.pushkin.ee). Рукописи, оформленные не по правилам, к рассмотрению не принимаются.

Все присылаемые в журнал статьи подвергаются обязательному анонимному рецензированию членами экспертного совета, которые оценивают ясность, логичность и четкость изложения, качество оформления текста, структурированность и содержательность статьи, ее методологическую основу и актуальность. Окончательное решение о публикации принимается редколлегией журнала на основе экспертного заключения и не подлежит обсуждению.

Все статьи, предлагаемые для публикации в нашем журнале, должны быть написаны специально для данного издания и не могут дублировать уже опубликованные работы.

Представляя рукопись в редколлегию, авторы тем самым выражают согласие с ее безгонорарным опубликованием в журнале в печатном и / или электронном виде.

Является желательным (но не обязательным) цитирование работ, ранее опубликованных в нашем журнале.

Редколлегия

ВОПРОСЫ РУССКОЙ ГРАММАТИКИ

Категория залога и точка зрения в художественном тексте

Category of voice and point of view in fiction texts

Никитина Елена Николаевна

Nikitina Elena Nikolaevna

В статье соединяется обсуждение грамматической категории залога и анализ русских художественных текстов. Залог рассматривается на примере финитных форм глагола (возвратные глаголы) в связи с удлинением модусной части субъектной перспективы (особенностями пространственной и психологической позиции субъекта сознания), в связи с наличием / отсутствием семы «причина» в предложении с возвратным предикатом и в текстовом фрагменте.

The paper studies grammar and functions of category of voice with help of linguistic analysis of Russian fiction texts. Reflexive verbs (representatives of Russian voice) are regarded in relation to their subjective role in discourse (special location and psychology of Observer), in relation to the seme of cause in sentence and discourse that contains a reflexive.

Ключевые слова: возвратные глаголы, диктум, модус, декаузатив, причина, наблюдение, субъективность.

Keywords: reflexives, dictum, modus, decausative verb, cause, perception, subjectivism.

Категория залога и точка зрения в художественном тексте

Е. Н. Никитина

Текст позволяет изобразить как вещественную картинку, так и позицию говорящего (автора) по отношению к изображаемому – пространственно-временную, психологическую и идеологическую, т. е. содержание текста делится на пропозициональное, диктальное, и модусное – зоны говорящего (автора) и адресата.

Центральной категорией в понимании художественного текста и интерпретации авторского замысла стала категория «образ автора». «Он является формой сложных и противоречивых соотношений между авторской интенцией, между фантазируемой личностью писателя и ликами персонажей» [Виноградов 1936: 105].

В работе «О языке Толстого (50-е – 60-е годы)» В. В. Виноградов писал о герое, чье ««сознание», <…> «внутренний монолог», образует лишь изменчивую и колеблющуюся субъектную призму, через которую проявляется и преломляется стиль автора», о возможности «изображения» и «понимания» события в художественном тексте «непосредственно от автора («объективно») или преломленно, через посредствующую призму персонажа» [Виноградов 1939: 172-173].

Идея взгляда через «посредствующую призму персонажа» получила серьезную разработку в лингвистической литературе. Совпадение точки зрения автора и героя называют внутренней точкой зрения (Б. А. Успенский), фокусом эмпатии (Т. В. Булыгина), совпадением автора и героя в сфере субъекта сознания[1] в рамках субъектной перспективы (Н. К. Онипенко); см. также об ипостасях говорящего: [Падучева 1996] и, особенно, [Падучева 2011], где речь идет о «деконструкции» говорящего в пользу «исполнителя роли говорящего», т. е. героя / субъекта сознания при интерпретации «эгоцентрических валентностей»

1 Термин «субъект сознания», введенный Е.В. Падучевой, в Коммуникативной грамматике понимается шире: как владелец перцептивного или ментального модуса, воплощенного в текстовом фрагменте. На субъектную сферу субъекта сознания может претендовать автор либо автор и герой в фокусе эмпатии. Автор данной работы разделяет понимание термина, принятое в Коммуникативной грамматике.

перцептивных глаголов в нарративе и косвенной речи (гипотаксисе)[2]. Сюда же следует отнести и разграничение Н. Н. Болдыревым двух типов интерпретации события: «денотативного» типа (относительно «деятеля») и «интенционального» типа (относительно «наблюдателя», «говорящего субъекта») [Болдырев 2000] посредством залоговой модификации предложения (переходный глагол *vs*. декаузатив).

«Декаузативы» и семантика причины

Предложения типа *Дверь открылась* уже рассматривались в исследованиях описательного плана.

В рамках вербоцентрического (а тем самым лексикографического) подхода, важной характеристикой которого является работа с изолированным предложением, такие предложения анализировала Е. В. Падучева [Падучева 2001]. В условиях парадигмы – в списке исходных и трансформированных предложений – однокоренные переходные и возвратные глаголы (*открыть – открыться*) интерпретировались в терминах наличия / отсутствия семы причины в семантике глагола. Рефлексивы были названы «рефлексивными декаузативами»: постфикс закрывает валентность агенса – личного каузатора действия, сема «причина» уходит из семантики рефлексива, а тем самым из «концепта ситуации» (взгляд, обусловленный лексемоцентричной идеологией исследователя).

Если для Е. В. Падучевой была важна семантика причинности, точнее, ее «уход» из предложения, то для Н. Н. Болдырева, соотносившего (в рамках методики «Логического анализа языка») пару предложений в составе сконструированных текстов типа «*Он* поднялся на третий этаж и осторожно *открыл дверь* своим ключом» – «Он подошел к двери и позвонил. Щелкнул замок, *дверь открылась*», семантика причинности была очевидна и нашла выражение в термине «внешний каузатор», а в центре внимания оказался подход «от семантической категории» пространства, которое, выступая в виде «пространства деятеля» и «пространства наблюдателя», позволяет находить точку зрения, с которой излагается со-

2 На самом деле, по всей вероятности, есть основания сближать косвенную речь и нарратив, ибо текстовый фрагмент (фрагмент нарратива), в котором воплощена та или иная модель речевой деятельности, или коммуникативный регистр, предполагает модусную рамку (модусный предикат) с определенной семантикой, соответствующую реализованному регистру, а грамматически рамка является главным предложением в составе сложноподчиненного изъяснительного: *видно, как…* (перцептивный модус, репродуктивный регистр); *знаю, что…, кажется, что…* (информативный регистр) и т. п. О косвенной речи и нарративном режиме интерпретации как инструментах изучения субъективных языковых средств на разных исторических этапах лингвистики; см. [Онипенко (в печати)].

бытие, и интерпретировать категорию залога как способ категоризации «событийного пространства»: от активного источника события либо от того элемента, который находится в центре внимания говорящего [Болдырев 2000: 213].

Полностью соглашаясь с выводами Н. Н. Болдырева, можно поставить следующие задачи, касающиеся интерпретации залога в тексте: категоризовать лексическую семантику предикатов, способных к передаче «декаузативного значения»[3]; уточнить тип модуса (что связано с семантизацией понятия наблюдателя, т. е. с ограничением модуса рамками перцепции); предложить объяснительный механизм для «декаузативных» предложений с помощью «модели субъектной перспективы», которая соединяет субъектов диктума и модуса (т. е. участников речевого акта и актантный набор участников ситуации); определить владельца модуса (наблюдателя); обсудить особенности позиции наблюдателя (покажем, что она обусловлена не только категорией физического пространства, но и категорией психологии наблюдателя); объяснить выбор глагольного средства при переводе на английский язык не только особенностями модусной составляющей субъектной перспективы, но и диктальной, денотативной.[4]

Нас будут интересовать предложения со **статическими субъектами**, сопряженными с возвратными **динамическими предикатами** (выделены в примерах) в условиях **репродуктивного регистра** (перцептивного модуса). Репродуктивный регистр речи характеризуется: (а) актуальным временем; (б) конкретностью именной семантики и референтностью именных групп, (в) наличием фигуры наблюдателя. Статическими субъекты названы потому, что в силу своей предметной сущности не обладают собственной волей и не способны к перемещению за счет воли; динамическими предикаты названы потому, что обозначают перемещение в пространстве. Для анализа были взяты текстовые фрагменты с предложениями, организованными глаголами одной семантической группы – с переместительной семантикой (*пистолет* ***вздернулся***, *копье* ***поднялось***, *дверь* ***открылась***), в классификации В. В. Виноградова большинство из них относится к средне-возвратным [Виноградов 1947].

В художественном тексте предложения с возвратными предикатами выполняют субъективирующую функцию. В рамках репродуктивного регистра (единства пространства и времени, обусловленного позицией наблюдателя) «уход» агенса как причины изменения фрагмента внеязыковой действительности имеет причину в интерпретаторе (субъекте сознания) этого фрагмента внеязыковой дей-

3 Подробно это сделано в [Никитина 2008].

4 Переводам русских возвратных глаголов в художественном тексте на английский язык посвящена статья, которая будет опубликована в одном из последующих номеров журнала.

ствительности – т. е. потеря агенса обнаруживает того, кому принадлежит наблюдение и интерпретация: событие увидено так, что агенс не входит в поле зрения наблюдающего субъекта. Возвратный предикат маркирует наблюдателя, выдвигая на первый план именно его, а каузатора действия помещая за рамками изображаемой картинки, тем самым возвратный глагол приближает действие к субъекту сознания, удаляет его от субъекта действия. Эти предложения позволяют соотнести образ автора с наблюдателем не только (1) в пространственно-временном плане, см. [Успенский 2000: 100], но и (2) в плане психологии [Там же, 139].

Залоговая модификация предложения не столько меняет пропозициональные смыслы, сколько свидетельствует о том, что внеязыковую ситуацию «проинтерпретировало» сознание говорящего (или субъекта сознания в художественном тексте). Если в исходном предложении (с переходным предикатом) центр тяжести находится на диктальной стороне высказывания, переходный предикат позволяет представить ситуацию как «объективную»[5], нейтральную, то в залоговой модификации центр тяжести переносится именно на модус. В исходном предложении субъективное только сопровождает объективную информацию; в предложении, модифицированном залогом, возможно обратное: диктальные смыслы становятся сопроводительными, они выступают поводом для изображения субъективной позиции говорящего (или субъекта сознания) по отношению к объективному смыслу высказывания. Субъективирующая сущность залога состоит в том, что не только предикативные категории являются «следом», который оставляет в высказывании субъект речи, но и само расположение актантов (предицирование объекта действия), «значимое отсутствие» субъекта действия несет на себе печать ментальной деятельности говорящего. Субъективизм залога наиболее ярко проявляется в художественном тексте, где, благодаря «значимому отсутствию» субъекта действия, точки зрения автора (говорящего) и героя соединяются в сфере субъекта сознания. Возвратный предикат, маркирующий позицию субъекта сознания, позволяет установить субъектную перспективу и выявить владельца модуса, т. е. ту позицию, с которой подается изображение.

Модель субъектной перспективы предложения с рефлексивным предикатом, встроенного в текстовый фрагмент, выглядит так:

5 Субъективное, связанное с говорящим, находит отражение в предикативных категориях – модальности, времени и лица.

Авторская рамка		**Текстовое пространство (сюжет)**			
S5 **Читатель** ***Ты / Вы***	**S4** **Автор** ***Я***	**S3** **Субъект сознания**	**S2**	**S1**	**S0**
	Герой 2 – наблюдатель (не выражен в предложении, но обычно присутствует в предтексте) **= Автор** солидаризируется с героем			**Герой 1 – Субъект действия** (основной модели предложения) – не выражен в модифицированном предложении, может присутствовать в предтексте или посттексте	**Объект действия** (основной модели предложения) = подлежащее в модифицированном предложении

Особенность сферы субъекта сознания здесь состоит в том, что на нее в одинаковой мере претендуют и автор, и наблюдающий герой; между автором и героем-наблюдателем устанавливаются отношения совпадения (отождествления), автор не противопоставлен герою, т. е. представлена внутренняя точка зрения. По отношению к субъекту действия позиция субъекта сознания – эксклюзивна, т. е. представлена внешняя точка зрения.

Представленность в таблице субъектных зон S3 и S4 в одном поле (соединяющем диктум и модус) иллюстрирует виноградовскую мысль о «сошествии автора в изображаемый им мир», на этот раз, правда, не открытом, а под «прикрытием» наблюдающего героя[6].

Рассмотрим фрагменты из романа Толстого «Война и мир».

> (1-1) В это время Петя в первой комнате, увидав и схватив сабли и испытывая тот восторг, который испытывают мальчики при виде воинственного старшего брата, забыв, что сестрам неприлично видеть раздетых мужчин, отворил дверь. <…> Девочки отскочили. Денисов с ис-

6 Ср. о «Пиковой даме»: «…интересна такая стилистическая деталь: в конце первой главы происходит открытое сошествие автора в изображаемый им мир. Композиционно оно выражено в таком переходе от диалогической речи к повествовательному языку: «Однако, пора спать: уже без четверти шесть. *В самом деле*, уж *рассветало*: молодые люди допили свои рюмки и разъехались»» [Виноградов 1936: 107-108].

пуганными глазами спрятал свои мохнатые ноги в одеяло, оглядываясь за помощью на товарища. ***Дверь*** пропустила Петю и опять ***затворилась***. За дверью послышался смех.

(1-2) Из комнаты его (Пьера) повели по коридорам, поворачивая взад и вперед, и наконец, привели к дверям ложи. Вилларский кашлянул, ему ответили масонскими стуками молотков, ***дверь отворилась*** перед ними.

(1-3) Через два часа после этого князь Андрей тихими шагами вошел в кабинет к отцу. Старик все уже знал. Он стоял у самой двери, и, как только ***она отворилась***, старик молча старческими, жесткими руками, как тисками, обхватил шею сына и зарыдал, как ребенок.

Толстой в полной мере использует возможности всесильного автора, перемещая свой наблюдательный пункт от одного героя к другому или сохраняя свою «нетождественность» персонажам. Фрагменты, кроме позиции автора-наблюдателя, содержат субъекта диктума (героя), который сам является наблюдателем.

Сцена (1-1) организована в основном средствами репродуктивного регистра, т. е. связана с перцептивным модусом, и субъектами этого модуса оказываются и повествователь, и младшие домочадцы из семьи Ростовых (Наташа, Соня, Петя), и мужчины (Денисов, Николай Ростов). На присутствие повествователя, который видит происходящее в обеих комнатах, указывают такие слова, как *в это время*, *в первой комнате* (повествователь знает, что в это время происходит в *соседней комнате*). Повествователю принадлежит и часть сложного предложения, вводимая словом *который*, данная в генеритивном регистре. Особенность этой сцены состоит в том, что герои друг друга слышат, а видит их повествователь. Герой-наблюдатель (Денисов) обнаруживается по высказыванию *Дверь пропустила Петю и опять затворилась*, где отсутствующая директивная синтаксема (*в комнату*, в «мое» пространство, туда, где находится Денисов) является сигналом действия эгоцентрического механизма[7], т. е. соотносит высказывание с *Я* наблюдателя. Субъектом зрительного восприятия в этой сцене становится Денисов, зрение которого, сосредоточенное на движении двери, исключает из «картинки» Петю – субъекта действия. Таким образом, предложение является ключевым для выстраивания субъектной перспективы. Оно сигнализирует о переключении точек зрения: если в предтексте можно говорить о позиции автора около героя (автор видит, как…), то с фразы *Дверь пропустила Петю и*

7 То, что «ориентировано на ego, т. е. на говорящего» [Падучева 1996: 258].

опять затворилась точки зрения автора и героя (Денисова) сближаются абсолютно, персонаж в этой сцене выполняет две роли: субъекта действия и субъекта восприятия.

В фрагменте (1-2) персонажем, соединяющим эти же две роли, становится Пьер (и Вилларский), в (1-3) старый Болконский. В (1-2) на наблюдателя (наблюдателей) указывает также и синтаксема *перед*+Тв.[8] (в которой семантика имени ограничена личными именами, словом *глаза* и личными местоимениями): …*дверь* ***отворилась*** *перед ними*.

Обсуждая выбор возвратного глагола в контекстах с наблюдателем, Е. В. Падучева пишет (разрядка моя): «…говорящий выбирает в качестве концепта ситуации декаузатив ровно потому, что хочет представить ее как не имеющую Агенса. Так, в контексте примера (20) *Дверь открылась, и вошел Ваня* Ваня, возможно, был тем самым человеком, который открыл дверь. Однако говорящий выбрал концепт с декаузативом – скорее всего, потому что хочет остановить внимание на том моменте, когда Наблюдатель, находящийся в комнате, не видит действие, а только его результат» [Падучева 2001: 62][9]. Из этого можно вывести два следствия: о зрительных ограничениях, накладываемых особенностями пространственной позиции наблюдателя, и о том, что «декаузативом» говорящий закрывает вопрос о каузаторе (агенсе). Обращение к реальным текстам позволяет развить и уточнить представленные в статье положения.

Выбор возвратной формы глагола может быть связан с ограниченной зрительной компетенцией наблюдающего (1-3), неважностью исполнителя действия (1-2), с психологией зрительного восприятия (1-1): зрение может фокусироваться на какой-то детали, «брать ее крупным планом», «вырезая» часть картинки, не интересующую наблюдателя (Денисов физически агенса (Петю Ростова) может видеть, однако сознание фиксирует положение двери, – важно, чтобы дверь была **закрыта**).

В условиях репродуктивного регистра «декаузативом» выражается **отсутствие связи субъекта перцепции с действием**, однако на роль субъекта действия претендует другой субъект бытия. В реалистическом изображении действительности, обусловленном философией детерминизма, – обычно это другой человек (кото-

8 Интерпретация модусной синтаксемы *перед*+Тв. предложена Н. К. Онипенко, см. [Золотова и др. 2004].

9 Фигура «Наблюдателя» создается не только возвратным глаголом, но и отсутствием директивной синтаксемы (*в комнату*), и порядком слов (ср.: **Дверь открылась, и Ваня вошел*), и невозможностью 1-го лица субъекта, так как *Я* говорящего соединено с наблюдателем (ср.: **Дверь открылась, и вошел я*). (См. интерпретацию примеров *Вошла Наташа* и *Наташа вошла* в [Успенский 2000].)

рый находится в том же пространстве и появляется в предложении рядом). Тем самым компонент Причина уходит из предложения с возвратным глаголом, но появляется в соседнем предложении, которое выражает следствие. Установление же логических связей между событиями ведет к изменению модуса – от перцепции к знанию, и к изменению временной последовательности – от прямой к обратной: *Дверь открылась, потому что вошел Ваня*. То, что было временной последовательностью в наблюдении (открытие двери, появление Васи), осмысляется как причинно-следственная связь явлений: то, что во времени следовало за движением двери, становится причиной движения (открывания двери).

В рамках гротеска, фантастического реализма подходящего личного субъекта – претендента на роль субъекта действия в том же пространстве может и не обнаруживаться. Тогда сознание субъекта-наблюдателя тем не менее пытается восстановить каузатора действия – претендентом становится неличная сила. См. пример из «Мастера и Маргариты» – шествие невидимых Маргариты и свиты Воланда:

> (2) Когда, неся под мышкой шпагу и рапиру, спутники проходили подворотню, Маргарита заметила томящегося в ней человека в кепке и высоких сапогах, вероятно, кого-то поджидавшего. Как ни были легки шаги Азазелло и Маргариты, одинокий человек их услыхал и беспокойно дернулся, не понимая, кто их производит. Второго, до удивительности похожего на первого, человека встретили у шестого подъезда. И опять повторилась та же история. Шаги… Человек беспокойно обернулся и нахмурился. Когда же ***дверь открылась*** *и* ***закрылась***, кинулся в подъезд, но ничего, конечно, не увидел.

В этом фрагменте, организованном по законам булгаковского художественного мира, законы обыденной логики не действуют: наблюдатель (часовой) видит следствие – движение двери, но оно не сопровождается причиной: появлением человека, каузирующего субъекта (как мы видели в примерах из Толстого (1)). Здесь пересекаются две точки зрения (своеобразный эффект двух камер) – сначала событие излагается с точки зрения Маргариты (и автора), которая видит двух граждан, ведущих слежку, а затем – та же ситуация дается с точки зрения одного из часовых; в применении к этому фрагменту можно говорить и о пересечении двух модусов – наблюдения и знания. Следящий у подъезда сначала слышит шаги, но не видит идущего, затем видит движение двери, но не видит входящих. Для этого наблюдателя зрительно воспринимаемый каузатор не восстанавливается. Однако сознание наблюдателя восполняет этот «пробел»: домысливается таинственный, неличный каузатор – высшая сила. Интересно, что неизвестный герою-наблюдателю ка-

узатор движения двери категоризован отрицательным предметным местоимением, а не личным (***ничего*** *не увидел*, а не *никого*), что увеличивает зону неопределенности причины, а тем самым зону незнания героя: категория личности вмещается в категорию предметности. Различие между знанием читателя, находящегося на стороне всезнающего автора, и незнанием наблюдателя – работника соответствующих органов рождает сатирический эффект.

В связи с идеей невидимого каузатора рассмотрим пример из «Анны Карениной»:

> (3) Он проходил остальное время по улицам, беспрестанно посматривая на часы и оглядываясь по сторонам.
> И что он видел тогда, того после уже он никогда не видал. В особенности дети, шедшие в школу, голуби сизые, слетевшие с крыши на тротуар, и сайки, посыпанные мукой, которые *выставила невидимая рука*, тронули его. Эти сайки, голуби и два мальчика были неземные существа. Все это случилось в одно время: мальчик подбежал к голубю и, улыбаясь, взглянул на Левина; голубь затрещал крыльями и отпорхнул, блестя на солнце между дрожащими в воздухе пылинками снега, а из окошка пахнуло духом печеного хлеба и ***выставились сайки***. Все это вместе было так необычайно хорошо, что Левин засмеялся и заплакал от радости.

Текстовый фрагмент совмещает композитивы как информативного, так и репродуктивного регистра, начинающегося словами *мальчик подбежал…* Субъект сознания в этом фрагменте – Левин, только что получивший согласие Кити на брак и испытывающий счастье, совмещает две субъектные роли – наблюдающего (репродуктивный регистр) и сознающего (информативный регистр) героя. Одно и то же событие интерпретируется дважды: *и* ***сайки****, посыпанные мукой, которые* ***выставила невидимая рука*** *– из <…> окошка* ***выставились сайки***, сначала оно подано информативно, а затем средствами репродуктивного регистра. Условия наблюдения во фрагменте таковы, что наблюдатель, находящийся на улице, не может видеть субъекта действия, скрытого в помещении, на что и указывает возвратный глагол. С точки зрения Левина появление саек может интерпретироваться двойственно: не только по законам обыденного мира – как результат действия неопределенного исполнителя-человека, но и, в условиях всего фрагмента, наполненного радостью и осознанием правильности и справедливости законов бытия, как результат действия неличной силы (это может подтверждаться и подлежащим-инструментом при переходном глаголе: *невидимая рука*; колебания между личностью и неличностью каузатора решались бы более однозначно в пользу личности,

если бы присутствовал неопределенно-личный местоименный посессив: **чья-то невидимая рука*). Ср. с наблюдателем из булгаковского фрагмента: отсутствие видимого каузатора действия (*дверь открылась и закрылась*), также связанное с домысливанием высшей силы, выглядит для наблюдающего зловеще.

Два этих литературных примера с «невидимым каузатором» (2, 3), содержащие двойную интерпретацию одного события – движения двери, движения саек – подтверждают, что причина изменения, происшедшего в наблюдаемом пространстве, должна восстанавливаться (и восстанавливается) в сознании наблюдающего героя: модус перцепции сменяется модусом ментальным.

Как было сказано выше, выбор возвратного глагола не всегда диктуется физической невозможностью наблюдать. Выбор может быть связан с особенностями психологической позиции субъекта сознания, от которой зависит наблюдение (как в примере с Денисовым – 1-1).

Особенно ярко психологический эффект обнаруживается в тех контекстах, где изображается движение мелких предметов, где **часть является представителем целого**, где вообще не может быть речи о том, что субъект действия скрыт от наблюдателя или неизвестен ему. См. фрагмент, изображающий Вронского и Анну:

> (4) Она отклонилась от него, выпростала, наконец, крючок из вязанья, и быстро, с помощью указательного пальца, ***стали накидываться*** одна за другой ***петли*** белой, блестевшей под светом лампы шерсти, и быстро, нервически **стала поворачиваться** тонкая кисть в шитом рукавчике.

Пространственные позиции Анны и Вронского сближены. Взгляд Вронского ограничен в силу его психологического состояния (а не пространственной позиции), фиксация на мелких деталях создает эффект неподвижного, застывшего взгляда, что сравнимо с кинематографической техникой крупного кадра. Это еще раз говорит в пользу интерпретации подобных контекстов в терминах **статики** наблюдателя – в случае мелкой детали речь идет о статике взгляда[10].

Можно говорить о том, что Толстой, изображая психологию героев, совершил новаторские операции по отношению к категориям времени и пространства: в повести «Детство» раздвинув границы времени (целые главы посвящены изображе-

10 Динамические возвратные глаголы могут передавать и динамику взгляда наблюдателя при неподвижности наблюдаемого: *Мокрый, скользкий **проспект пересекся** мокрым проспектом под прямым, девяностоградусным углом; в точке пресечения стал городовой…*(движение Аполлона Аполлоновича в карете); *Со стола **поднялась** длинноногая **бронза*** (Андрей Белый, Петербург).

нию нескольких часов из жизни юного героя), а в «Анне Карениной» раздвинув рамки пространства (и сосредоточив взгляд героя на мельчайших деталях).

В принципе некоторые «мелкие» предметы нормально («типично») находятся в центре внимания: это обычно части человеческого лица, ср.: *глаза остановились,* классическая губка «маленькой княгини» из «Войны и мира»: *губка поднялась*. В таких случаях можно говорить о том, что в центре внимания находится объект наблюдения (тот, о чьих губах или глазах идет речь). Ср.:

> (5) Когда княжна Марья вернулась от отца, маленькая княгиня сидела за работой и с тем особенным выражением внутреннего и счастливо-спокойного взгляда, свойственного только беременным женщинам, посмотрела на княжну Марью. Видно было, что глаза ее не видали княжны Марьи, а смотрели вглубь, в себя – во что-то счастливое и таинственное, совершающееся в ней. <…> Глаза ее улыбались, ожидая, ***губка*** с усиками ***поднялась*** и детски-счастливо осталась поднятой (субъект наблюдения – княжна Марья).

Однако Толстой, приближая необычные для наблюдения предметы к наблюдателю, смещает фокус внимания на то, что обычно находилось на периферии взгляда, на незначимые для изображения внешней действительности детали (*петли стали накидываться*), и это способствует характеристике именно субъекта наблюдения (Вронского), а не объекта (Анны).

Ср. фрагменты (6, 7) из Булгакова, в которых зафиксирован аналогичный прием – изображение психологического состояния наблюдателя в опасной ситуации посредством ограничения зримой картинки:

> (6) – Прошу глядеть вверх!.. Раз! – в руке у него оказался пистолет, он крикнул: – Два! – Пистолет ***вздернулся*** кверху.

– Наблюдатель – публика, взгляд прикован к опасному предмету.

> (7) Волк вынул из кармана черный, смазанный машинным маслом браунинг и направил его на Василису. Ванда тихонько вскрикнула: «Ай». Лоснящийся от машинного масла кольт, длинный и стремительный, оказался в руке изуродованного. Василиса согнул колени и немного присел, став меньше ростом. Электричество почему-то вспыхнуло ярко-бело и радостно.…Гигант тотчас тряхнул сундук, как ко-

робку, а изуродованный шмыгнул к печке. ***Револьверы спрятались***. Изуродованный кулаками постучал по стене, со стуком открыл заслонку, из черной дверцы ударило скуповатым теплом.

– Испуганный «обыском» Василиса не видит налетчиков, он следит только за оружием в их руках.

В примерах (3, 7) возвратные предикаты не только создают «место» субъекта сознания, но и участвуют в реализации временной динамики. Замена рефлексивного предиката на именной (страдательное причастие) позволила бы сохранить количественный состав вербализованных актантов, ср.: *Револьверы спрятались – Револьверы (были) спрятаны; Выставились сайки – (Были) выставлены сайки*, однако преобразованные предикаты разрушают грамматическое единство контекстов, которые организованы сериями динамических глагольных предикатов сов.в. (подчеркнуты) с семантикой мгновенности, реализующими быструю смену событий, ср.:

*Гигант тотчас тряхнул сундук, как коробку, а изуродованный шмыгнул к печке. ***Револьверы были спрятаны.*** Изуродованный кулаками постучал по стене, со стуком открыл заслонку, из черной дверцы ударило скуповатым теплом.

*..мальчик подбежал к голубю и, улыбаясь, взглянул на Левина; голубь затрещал крыльями и отпорхнул, блестя на солнце между дрожащими в воздухе пылинками снега, а из окошка пахнуло духом печеного хлеба и ***были выставлены сайки***.

Далее, диалог доктора Трубина с пациентом Русаковым:

(8) – Помилуйте, что у вас на каждом шагу слово «святой». Ничего особенно святого я в своем труде не вижу. Беру я за курс, как все. Если будете лечиться у меня, оставьте задаток.
– Очень хорошо.
Френч расстегнулся.
– У вас, может быть, денег мало, – пробурчал Турбин, глядя на потертые колени. – «Нет, он не жулик… нет… но свихнется».

В фрагменте (8) в предложении *Френч расстегнулся* форма предиката обусловлена не декаузативацией (расстегнулся сам собой), а изображением психологической позиции доктора Турбина, эффектом крупного кадра (диктальное содержа-

ние сцены: пациент расстегивает френч). Вообще структура сцены приближена к драматической: она решается как диалог с вкрапленными короткими ремарками, одной из которых и является предложение с рефлексивом, что помогает автору избежать подробных описаний внутреннего состояния героя.

Драматическая манера, однако, совмещена с изображением внутренней точки зрения. Может возникнуть вопрос – какое имя должно восстанавливаться при партитивном существительном *колени* – пациента Русакова или Турбина? Русакова: предположение Турбина о том, что у пациента денег немного, мотивировано в посттексте тем, что у пациента потертая, старая одежда; ср. тот же прием опущения Род. посессивного при *френч*. Отсутствие именной синтаксемы Род. п. при существительных *колени* и *френч*, устанавливающей референцию к пациенту Русакову, становится указанием на внутреннюю точку зрения Турбина – сосредоточенность субъекта сознания на единственном объекте наблюдения и мысли не требует референциальной именной посессивной синтаксемы[11]. В булгаковском тексте, таким образом, точка зрения Турбина задается грамматически (нуль референциальной синтаксемы, возвратный глагол *расстегнулся*), что поддерживается и перцептивным глаголом в деепричастной форме (*глядя*).

11 Этот пример из Булгакова, в котором лексико-синтаксический нуль при существительном релятивной семантики относится именно к наблюдаемому объекту, а не к наблюдающему субъекту (субъекту сознания), – повод обратиться к интерпретации известного стихотворения А. Ахматовой «Клеопатра», предложенной Н. К. Онипенко [Онипенко 2007]. Н. К. Онипенко считает, что синтаксические нули при предикатах, организующих начало стихотворения, в обязательном порядке задают внутреннюю точку зрения, т. е. строки произнесены как бы от имени самой Клеопатры и требуют восстановления *Я, меня*:

Уже целовала Антония мертвые губы,
Уже на коленях пред Августом слезы лила…
И предали слуги.

Однако, как видим, нуль может указывать на ментальную и эмоциональную поглощенность говорящего (либо субъекта сознания) своим объектом – наблюдения, размышления. Тогда начальные строки ахматовского стихотворения можно понимать как авторскую речь, Клеопатру – как объект размышления, а субъектные и объектный нули при предикатах (*целовала, лила, предали*) можно восстановить по 3-му лицу – *она, ее*, как это и может быть осознано на фоне заглавия – «Клеопатра». На размежевание автора, интерпретирующего шекспировский сюжет, и героини может указывать и авторское «всезнание», распространяющееся на прошедшее (представленное предикатами начальных строк) и на будущее: Клеопатре предстоит «еще с мужиком пошутить» – услышать шутку крестьянина, который принесет змею, о чем не может быть известно героине, но известно автору, знакомому с шекспировской трагедией. Если говорить об эгоцентризме как грамматической технике в применении к этому тексту Ахматовой, то это «эгоцентризм» модусного субъекта, не совпадающего с диктальным, но позволяющего себе не называть последнего – в силу единственности и исключительности собственной точки зрения. Ср. также с авторскими тактиками в детском тексте.

Кроме того, аргументом в силу третьеличности «Клеопатры» может стать тот факт, что у Ахматовой есть несколько сюжетно-эпических стихотворений, обусловленных внешней точкой зрения, см. Библейские стихи. Вдруг с набережной послышались пушечные выстрелы (это стреляли в ознаменование мира с турками), и толпа стремительно бросилась к набережной – смотреть, как стреляют. Петя тоже хотел бежать туда, но дьячок, взявший под свое покровительство барчонка, не пустил его. Еще продолжались выстрелы, когда из Успенского собора выбежали офицеры, генералы, камергеры, потом уже не так поспешно вышли еще другие, опять ***снялись шапки*** с голов, и те, которые убежали смотреть пушки, бежали назад. Наконец вышли еще четверо мужчин в мундирах и лентах из дверей собора. «Ура! ура!» – опять закричала толпа.

Итак, соединение статического предметного субъекта с динамическим предикатом становится изобразительным приемом, выступая своеобразным аналогом кинотехники: создает эффект **крупного кадра**, приближая действие к наблюдателю.

Посредством этого приема может создаваться не только крупный кадр, но и **общий план (панорамный взгляд)**. В «Войне и мире» таким образом многократно изображаются массовые сцены (речь идет о предложениях типа *снялись шапки*), увиденные героем с наблюдательного пункта, находящегося на возвышении, о чем находим специальное упоминание в сцене; здесь приведу лишь один пример (курсивом выделена пространственная синтаксема, указывающая на наблюдательный пункт):

> (9) … все эти разговоры теперь не занимали Петю; он сидел *на своем возвышении пушки*, все так же волнуясь при мысли о государе и о своей любви к нему. Совпадение чувства боли и страха, когда его сдавили, с чувством восторга еще более усилило в нем сознание важности этой минуты.
>
> Вдруг с набережной послышались пушечные выстрелы (это стреляли в ознаменование мира с турками), и толпа стремительно бросилась к набережной – смотреть, как стреляют. Петя тоже хотел бежать туда, но дьячок, взявший под свое покровительство барчонка, не пустил его. Еще продолжались выстрелы, когда из Успенского собора выбежали офицеры, генералы, камергеры, потом уже не так поспешно вышли еще другие, опять ***снялись шапки*** с голов, и те, которые убежали смотреть пушки, бежали назад. Наконец вышли еще четверо мужчин в мундирах и лентах из дверей собора. «Ура! ура!» – опять закричала толпа.

Возвратные глаголы передают особенности пространственной позиции субъекта сознания (удаленность от места действия). Не вычленяя зрением каждого субъекта действия в отдельности (множественный, групповой субъект действия), наблюдатель фиксирует общее движение в наблюдаемом пространстве[12].

Возвратные глаголы, имеющие сему звучания, могут маркировать субъекта не зрительной (общая перцепция), а **слуховой перцепции** (частная перцепция): *Дверь загремела… **Заперлась**…* – в фокусе эмпатии – группа домочадцев и гостей Турбиных, которые находятся в смежном пространстве по отношению к прихожей, в которой происходит действие: Мышлаевский запирает дверь за почтальоном. О доминировании лексики аудиоканала в рамках репродуктивного регистра в «Белой гвардии» см. в [Сидорова 2000].

11 Об особенностях общих планов у Толстого см. в [Успенский 2000].

Рассмотрим фрагмент:

> (10) Утирая слезы, Маргарита Николаевна оставила тетрадь, локти положила на подзеркальный столик и, отражаясь в зеркале, долго сидела, не спуская глаз с фотографии. Потом слезы высохли. Маргарита аккуратно сложила свое имущество, и через несколько минут оно было опять погребено под шелковыми тряпками, и со звоном *в темной комнате* ***закрылся замок***.

Здесь есть семантика перцептивности (обусловленная слуховой перцепцией – ***со звоном*** *закрылся*). Возникают вопросы: где находится позиция, откуда ведется наблюдение, и кто является наблюдателем? Из внутритекстовых субъектов в сцене представлена только Маргарита, она является субъектом действия (*закрылся замок*) и находится снаружи темной комнаты. На дистанцированность наблюдателя от действия указывает возвратный глагол (т. е. это не Маргарита).

Частноперцептивная лексика, на фоне прилагательного ***темная*** *комната* (как упоминается в предтексте: *темная, без окон, комната*), заставляет думать, что зрительная перцепция невозможна (поэтому и задействован аудио-канал), т. е. наблюдатель должен находиться в запираемой комнате, рядом с сокровищами Маргариты. В условиях особой субъектной перспективы и реконструируемой пространственной позиции это означает, что роль наблюдателя берет на себя и помещает себя в *темную комнату* всезнающий и всесильный автор. (Автор-наблюдатель, пространственно отделенный от героини, открыто проявляет себя употреблением таксисного предиката «отражаясь в зеркале» при предикате *сидела*: Маргарита не может видеть себя в зеркале, ибо не спускает глаз с фотографии мастера.)

Финал фрагмента содержит четыре перфектных предиката (*высохли*, *сложила, погребено, закрылся*), три последние из них входят в состав сложного предложения – последнего в композитиве. Одна из текстовых ролей перфектива – закрытие темы, сигнал границы (см. подробно [Золотова 2005]). Простые предложения в составе финального сложного объединены общим мотивом (это и мотив всей сцены в целом) – это «имущество» Маргариты («то единственно ценное, что имела в жизни»). В первом предложении это рема, во втором тема, в третьем «имущество» является частью пространства – темной комнаты. Перфектные предикаты *погребено, закрылся* предполагают статику и единство пространства (*темная комната*) и завершают микротему этого композитива (в следующем абзаце открывается новый сюжетный поворот).

Если рассуждения выше верны, то посредством такой тактики – отсутствия пространственного сближения с внутритекстовым субъектом – Булгаков буквально отвечает на вопрос, заданный впоследствии в филологическом романе А. Битова «Пушкинский дом» (1964–1971): «Нас всегда занимало, с самых детских, непосредственных пор, где прятался автор, когда подсматривал сцену, которую описывает. Где он поместился так незаметно? В описанной им для нас обстановке всегда имелся некий затененный угол, с обшарпанным шкафом или сундуком, который выставляют за изжитостъю в прихожую, и там он стоит так же незаметно и напрасно, как тот автор, который все видел как бы своими глазами, но только скрыл от нас, где были эти его глаза…».

В следующем фрагменте из «Мастера и Маргариты» (казнь Иешуа) также обнаруживается наблюдатель, не совпадающий ни с одним из субъектов диктума (участников сцены). Вообще для перехода к библейским сценам в романе используется прием «ввода» – в частности, через сознание читающего или грезящего героя: Маргариты, Ивана Бездомного, при этом изображение обусловлено либо точкой зрения автора романа в романе (ср. с кино, где взгляд зрителя – это повторенный взгляд оператора) – при чтении (Маргарита), либо точкой зрения грезящего героя-визионера (Иван Бездомный) – тогда библейские события приобретают новую степень объективности, будучи поданы с точки зрения очевидца. Рассматриваемый ниже фрагмент библейской истории явлен Ивану Бездомному во сне.

> (11) – Пей! – сказал палач, и пропитанная водою ***губка*** на конце копья ***поднялась*** к губам Иешуа. Радость сверкнула у того в глазах, он прильнул к губке и с жадностью…

В анализируемом фрагменте наблюдатель не Иешуа, о чем свидетельствует анафорическая связь *Иешуа* – указательное местоимение *тот*, выражающая внешнюю точку зрения. Взгляд на палача – внешний, обусловлен и семантикой имени субъекта действия, и употреблением возвратного предиката, характеризующего действие палача, т. е. палач сам является объектом наблюдения. «Монтажный шов», который соединяет передвижение взгляда наблюдателя, смену объекта наблюдения (от палача к губке), находится на границе частей сложносочиненного предложения, где в первом предикативно сопряжены личный субъект и его действие, во втором – предметный субъект и его перемещение.

Обращение к тексту позволяет исследователю (читателю) увидеть диктального каузатора ситуаций, обозначенных возвратными предикатами: энергия и воля, за счет которых совершается перемещение, принадлежат личному (обыч-

но) субъекту, который реально присутствует в диктальной картинке, однако по какой-то причине не вошел в «изображение». Следовательно, диатеза с объектом в подлежащем потенциально располагает той же возможностью, что и повышение ранга инструмента: обе диатезы являются предложениями с «суженной перспективой на фоне более широкого события» – так, по Ч. Филлмору, предложение типа *Палка ударила по забору*, исключая «оперирующую сущность» из перспективы, тем не менее подразумевает агенса, см. [Филлмор 1981: 523]. Собственно, буквальным частным случаем «суженной перспективы» является «крупный кадр», когда агенс («оперирующая сущность») остается «за кадром» – и в лингвистическом [Падучева 2004], и в «кинооператорском» понимании.

Конкретная пространственно-временная локализованность контекста с «декаузативами» напрямую связана с определенностью пространственно-временной позиции субъекта сознания (наблюдателя) и его конкретно-референтным статусом. Количественно диктальная картинка зависит от позиции модусного субъекта: уменьшая диктальный объем высказывания, возвратный предикат удлиняет модусную часть субъектной перспективы: он обнаруживает **субъекта в фокусе эмпатии**, который выступает в роли наблюдателя, часто эта роль соединяется с ролью субъекта мысли, осознающего причину наблюдаемых изменений, концептуализованных возвратным предикатом. Тем самым отсутствие в предложении актанта с каузирующей семантикой **усиливает семантику каузативности в сфере модуса**: наблюдатель либо сам каузирует отсутствие каузатора в наблюдаемом пространстве (в силу особенностей своей пространственной или психологической позиции), либо пускается на (ментальный) поиск каузатора, соединяя с ролью наблюдателя роль субъекта мыслящего.

«Декаузативы» в связи с художественным миром автора

Когда-то Г. А. Золотова предложила лингвистический эксперимент, целью которого было показать иллюзорный характер синонимичности действительной и страдательной конструкции [Золотова 2003: 40]. Для эксперимента был взят текстовый композитив повествовательно-репродуктивного регистра из «Героя нашего времени», оформленный преимущественно аористивными предикатами (прош. вр. сов. в.) глаголов конкретно-физического действия, которые дают текстовое значение временного следования:

> Я ***вытащил*** из чемодана восковой огарок и, засветив его, ***стал раскладывать*** вещи, ***поставил*** в угол шашку и ружье, пистолеты ***положил*** на стол, ***разостлал*** бурку на лавке.

Предикаты в ходе эксперимента были поставлены в возвратную форму, а смысл полученного признан некорректным:

> Восковой ***огарок вытащился*** (мной) из чемодана, ***вещи стали*** (мной) ***раскладываться***, ***шашка*** и ***ружье поставились*** (мной) в угол, ***пистолеты положились*** (мной) на стол…

Лингвистический эксперимент не только подтвердил отсутствие абсолютной синонимии между активом и пассивом, но и неожиданно высветил возможную предназначенность возвратных форм сов. в. в связи с авторским замыслом. Полученный в результате трансформации фрагмент в плане грамматическом теряет репродуктивность (становится информативным, обобщаясь по категории времени), *Я*-субъект в Тв. при формах сов.в. выглядит комично, а в плане индивидуального стиля фрагмент теряет лермонтовское звучание, однако приобретает черты гротескного гоголевского художественного мира. Ср.:

> В доме тот же час произошло преобразованье. <…> ***Все начало размещаться*** в осветившихся комнатах. На этом угольном столе ***поместилось*** вынутое из чемодана ***платье*** <…> ***все это разместилось*** один на другом пирамидкой и ***прикрылось*** сверху носовым платком. В другом углу…***выстроились*** рядком ***сапоги*** <…> ***они*** также стыдливо ***занавесились*** шелковым носовым платком <…> На письменном столе тотчас же в большом порядке ***разместилась шкатулка*** <…> Чистое ***белье поместилось*** в комоде… (Мертвые души).

Грамматическое сходство отрывков – предикативное сопряжение предметных субъектов и динамических предикатов в возвратной форме (правда, нет места синтаксеме Тв. субъектного *мной*), сов. виде, прош. вр., функция видо-временных форм теперь уже не аористив, а скорее перфектив – состояние, достигнутое в результате совершенного действия, семантика временного следования меняется на стативно-перфективную семантику, репродуктивность сменяется информативностью; вовлеченность в действие *Я*-субъекта (при переходных глаголах) сменяется отстраненностью от действия, взглядом со стороны. Гротескность отрывков – как гоголевского, так и полученного в результате преобразования лермонтовского текста – в том, что перфективность может быть осмыслена дважды: как резуль-

тат действия, оторвавшийся от субъекта действия, и как результат произвола самих вещей (ср. «декаузатив») – благодаря тому, что результат действия изображен без самого действия. Квалификатор *стыдливо* может соотноситься как с личным каузатором действия, так и с очеловеченными предметами. Но если гротескность трансформированного лермонтовского отрывка бессмысленна, ибо потеряла связь с замыслом автора, то при анализе гоголевского текста уровень языковой формы соотнесен с авторской стратегией.

В гоголевском отрывке за изменениями в собственном доме, обусловленными появлением Чичикова, наблюдает Тентетников (т. е. каузация изменений, приведших к наведению порядка в доме, принадлежит не ему). В предтексте изображается отрыв вещи от человека, который предопределен инертностью и апатией Тентетникова, за счет его бездействия активность и неконтролируемость приобретает внешний мир, представленный «личной сферой» (ближней – мир личных вещей, дальней – дворянский дом в целом, прислуга и живность). Неконтролируемость (и некаузированность личным субъектом) предметного мира усилена и выражается в соединении акциональных переходных предикатов с неодушевленными субъектами:

> В доме *завелись гадость и беспорядок*. … ***Панталоны заходили*** даже в гостиную. <…> и до того стала ничтожной и сонной его жизнь, что не только *перестали уважать его дворовые люди*, но *чуть не клевали домашние куры*. Взявши перо, бессмысленно чертил он на бумаге по целым часам рогульки, домики, избы, телеги, тройки. Но иногда, все позабывши***, перо чертило само собой***, без ведома хозяина, маленькую головку с тонкими чертами, с быстрым пронзительным взглядом и приподнятой прядью волос, и в изумлении видел хозяин, как выходил портрет той, с которой портрета не написал бы никакой знам<енитый> художник.

«Декаузативы» указывают на точку зрения Тентетникова (и, возможно, автора), характеризуют быстроту изменений, восприятие результата, наличие внешней активности (вещного мира) и внешнего каузатора (Чичиков), отчужденность наблюдающего от действий и, шире, отчужденность личного субъекта от бытия в реальном материальном мире.

Существуют художественные системы, в которых востребованы возвратные глаголы – как средство экспрессивного синтаксиса. Эти формы соединяют план грамматики, речевых тактик с авторским замыслом, получая прочтение не на уровне предложения, а на уровне текстового фрагмента и в связи с категорией «образа автора».

Подведем итоги.

Обращаясь к идее коммуникативной грамматики, определяющей главное направление филологического исследования как изучение языковых средств в связи с текстовыми тактиками и приближением к авторской сверхзадаче, стоит задаться и таким вопросом: что дает исследование текста для понимания устройства языковой системы, что возвращает текст грамматике? Залог как средство субъективации, обнаружения точки зрения оказывается в одном ряду не только с порядком слов[13], который обнаруживает наблюдателя и его пространственную позицию (*Наташа вошла в комнату – В комнату вошла Наташа*), но и с меной Им. – Род. субъектного в отрицательных предложениях: Род. помещает в фокус эмпатии «место» (а с ним и модусного субъекта, наблюдателя сцены), а не «вещь» (*Иван не был на собрании – Ивана не было на собрании*)[14]. Тем самым залог и порядок слов не всегда реализуют в русском языке актуальное членение; порядок слов, как и субъектный падеж, может грамматикализовать тип предиката (акциональность – бытийность); препозиция локатива и Род. субъекта, как и залог, маркируют наблюдательный пункт.

12 См. также в [Болдырев 2000: 216] об «импликации говорящего» посредством инвертированных синтаксических конструкций в английском языке.

14 См. [Борщев, Парти 2002].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Болдырев Н. Н.* Отражение пространства деятеля и пространства наблюдателя в высказывании // Логический анализ языка. Языки пространств. М., 2000. С. 213-216.

2. *Борщев В. Б., Парти Б. Х.* О семантике бытийных предложений // Семиотика и информатика. 2002. Вып. 37. С. 59-77.

3. *Виноградов В. В.* Стиль «Пиковой дамы» // Временник Пушкинской комиссии, 2. М.; Л., 1936.

4. *Виноградов В. В.* О языке Толстого: (50-60-е годы) // Литературное наследство. Т. 35-36. М., 1939. Кн. I. С. 117-220.

5. *Виноградов В. В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.; Л., 1947.

6. *Золотова Г. А.* Перфектив как категория структуры текста // Язык. Личность. Текст: Сб. к 70-летию Т. М. Николаевой. М., 2005. С. 149-161.

7. *Золотова Г. А.* Проблемы грамматики русского глагола // Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы. М., 2003. С. 40-43.

8. *Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004.

9. *Никитина Е. Н.* Акциональность / неакциональность возвратных глаголов и категория субъекта (к грамматической сущности категории залога): Дисс. … канд. филол. наук. М., 2008.

10. *Онипенко Н. К.* Грамматика и проблемы интерпретации текста (еще раз о «Клеопатре» А. Ахматовой) // Лингвистика и поэтика в начале третьего тысячелетия: материалы Международной научной конференции, Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН, Москва, 24-28 мая 2007 г. М., 2007. С. 290-298.

11. *Онипенко Н. К.* Субъектная перспектива и проблема классификации эгоцентрических элементов (в печати).

12. *Падучева Е. В.* Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.

13. *Падучева Е. В.* Каузативные глаголы и декаузативы в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2001, № 1. С. 52-79.

14. *Падучева Е. В.* Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). М., 1996.

15. *Падучева Е. В.* Эгоцентрические валентности и деконструкция говорящего// Вопросы языкознания. 2011, № 3. С. 3-18.

16. *Сидорова М. Ю.* Особенности репродуктивного плана в тексте романа М. А. Булгакова «Белая гвардия» // Русский язык сегодня. М., 2000. Вып. 1. С. 562-572.

17. *Успенский Б. А.* Поэтика композиции. М., 2000.

18. *Филлмор Ч.* Дело о падеже открывается вновь // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. М., 1981. С. 496-530.

РУССКИЙ ЯЗЫК В ЭЛЕКТРОННОЙ КОММУНИКАЦИИ И СОВРЕМЕННЫХ МЕДИА

Текстовое название в электронной коммуникации: код *vs.* текстуальность

Text Name in Electronic Communications: Code *vs.* Textuality

Дедова Ольга Викторовна, Куприенко Марина Сергеевна

Dedova Olga Viknorovna, Kuprienko Marina Sergeevna

В статье обосновывается понятие *электронный заголовочный комплекс* и рассматриваются элементы, его составляющие. Делается вывод о том, что технология интернет-текста продуцирует инновационные формы текстовых названий (наиболее значимые и распространенные – доменное имя и название файла), которые активно осваиваются коммуникацией и перестают быть лишь «техническими» элементами текста. Одновременно в Интернете возрастает роль собственно текстовых названий, соотносимых с традициями печатной литературы, что обусловлено фрагментарностью и дисперсностью нелинейного гипертекста.

The article substantiates the concept of *electronic text name's* and examines its elements. It is concluded that the technology of Internet text produces innovative forms of textual names (the most important and common are domain name and filename). These forms are now being adopted by communication and should not be considered as ″technical″ elements of text only. At the same time the role of actual text titles in Internet is constantly increasing due to dispersion of non-linear hypertext.

Ключевые слова: интернет-лингвистика, Рунет, гипертекст, типология интернет-текстов, заголовок, название

Keywords: Internet Linguistics, Runet, hypertext, typology of Internet texts, text name

Текстовое название в электронной коммуникации: код *vs.* текстуальность

О. В. Дедова, М. С. Куприенко

Интернет – сравнительно новая коммуникационная среда, привлекающая к себе пристальное внимание исследователей. Основной формой представления письменной информации в Интернете становится гипертекст, и технологии его сетевого представления оказывают самое непосредственное воздействие на категории электронного текста в целом.

Гипертекстовые технологии создавались в процессе выработки принципов перенесения письменного текста на компьютерный экран: необходимо было создать программное обеспечение, позволяющее систематизировать передаваемую информацию и выдавать ее пользователю в максимально удобной форме. Наиболее распространенным средством представления информации в Интернете в настоящее время является гипертекстовый протокол передачи данных (HTTP), предполагающий использование языка гипертекстовой разметки HTML. Вследствие этого письменная информация в Интернете – это специфическая контаминация программного кода и естественного языка на основе инновационных принципов текстовой композиции, формализуемой при помощи сложной системы гипертекстовых переходов. В результате подобной контаминации формируется особое текстовое пространство – как внешнее, пространственно-графическое, так и смысловое.

Специфика текстовых форм, развивающихся в результате коммуникативного освоения новых программно поддерживаемых платформ Интернета, может быть выявлена в результате сопоставления с единицами и категориями традиционной («печатной») письменности. Один из возможных аспектов сопоставления различных интернет-систем (а также электронного и печатного текстов в целом) – это текстовые названия, которые приобретают в Интернете новые формы и новые функции.

В процессе нашего исследования сетевых названий стало очевидно, что этот материал чрезвычайно многообразен и научные предпосылки, выработанные на основе анализа печатной литературы, не всегда позволяют его адекватно интерпре-

тировать. Таким образом, говоря о роли названия / заголовка в электронной коммуникации, следует пересмотреть традиционные представления об этом текстовом элементе, поскольку они не могут в полной мере отразить сути исследуемого явления.

Как известно, термин *название* не является однозначным. Можно отметить две основные традиции употребления данного термина: 1) название как компонент текста; [Валгина 2003; Новикова 1986]; 2) название как имя, данное единичному объекту действительности в процессе акта номинации. В первом случае название исследуется в рамках текстологии и теории текста и является синонимом термина заголовок / заглавие либо приравнивается к термину «заголовочный комплекс», охватывая, таким образом, все компоненты текста, выносимые в заглавие произведения. Другой аспект использования термина «название» (как «имени собственного, словесного обозначения какого-либо одного предмета, явления и т. п., выделяющего его из ряда однородных» [Кузнецов 1998]) *относится к области ономастики и входящих в нее научных дисциплин.*

Эти две возможные трактовки термина не исчерпывают функциональной специфики названия в электронной коммуникации. Здесь необходимость дать имя отдельным гипертекстовым компонентам вызвана одновременно несколькими причинами. Прежде всего стоит выделить навигационную и аттрактивную функции названия, поскольку неименованные или неверно именованные объекты гипертекстовых переходов будут дезориентировать пользователя, а невыразительные, безынтересные формулировки источников ссылок или позиций меню (эти гипертекстовые реалии, с нашей точки зрения, также функционально сопоставимы с текстовыми названиями) не приведут к осуществлению гипертекстового перехода, что приостановит сам процесс чтения. С другой стороны, как и в печатной коммуникации, гипертекстовое название служит семантическим кодом, лаконично передающим весь комплекс ассоциаций и установок, реализуемых в тексте.

Гипертекстовая технология предполагает использование инновационных форм наименования коммуникативных единиц, в результате чего электронное название характеризуется полиморфизмом. Нами выделены следующие формы интернет-названия / заголовка: доменное имя, название файла; название в верхней строке браузера, совпадающее с именем сайта во вкладке; непосредственно текстовый заголовок; подзаголовок; названия отдельных элементов сайта: баннеров, текстовых компонентов и блоков, постов, тем, альбомов и проч.; текстовые формулировки меню; формулировки источников гипертекстовых ссылок.

Следует отметить, что, помимо доменного имени и названия файла, являющихся компонентами URL-адреса, наличие любого из представленных типов названий не обязательно. Специфика функционирования разнообразных форм названия во многом будет обусловлена типом конкретного интернет-ресурса.

Одной из наиболее важных и специфических форм электронного названия является так называемое доменное имя – уникальный сетевой адрес (или его часть) сервера, подключенного к Интернету. Доменное имя, состоящее из букв латиницы (или сочетания латиницы с цифрами), пришло на смену адресам, которые ранее обозначали набором цифр, поскольку цифровой адрес был сложен для запоминания и воспроизведения. В настоящее время в Интернете активно внедряются домены на национальных языках, однако мы считаем несколько преждевременным анализ кириллических доменов Рунета, так как они еще не нашли широкого распространения. В большинстве случаев доменное имя оказывается непосредственно связано с содержанием сайта, что позволяет его рассматривать не только как технически необходимый элемент интернет-коммуникации, но и как часть электронного заголовочного комплекса.

Посещаемость сайта напрямую зависит от запоминаемости и воспроизводимости доменного имени, поэтому главной стратегией повышения его эффективности становится соотнесенность со значимыми языковыми единицами, что может достигаться различными способами. Проведенный нами анализ выявил приемы, используемые при создании доменных имен:

- Доменное имя совпадает с заголовком сайта или его частью, напр.: сайт «Окулус», посвященный астропсихологии – http://www.oculus.ru; магазин женского белья «Империя чувств: MonAmour» – http://amour.ru.

- В доменном имени есть указание на тематическую направленность сайта: сайт «Золотое руно. Вышивка и пряжа» – http://www.rukodelie.ru.

- В качестве имени домена берется слово, являющееся гипонимом по отношению к номинации заголовка сайта: «Народный каталог православной архитектуры» – http://sobory.ru.

- Доменное имя образовано путем соединения фрагментов заголовка сайта, причем используемые фрагменты могут быть как транслитерированы, так и переведены на другой язык. Могут соединяться часть слова и целое слово: «Зачарованный мир» – http://mystworld.ru (ср.: mysterious world); части слов: «Казанские ведомо-

сти» – http://www.kazved.ru; начальные буквы слов (принцип аббревиатуры) и слова: «Медиа Пилот онлайн» – http://www.mpilot.ru; русские и иноязычные слова: сайт «ГДЕ: обзор культурных событий Москвы» – http://www.gdemoscow.ru.

- Домен создан путем усечения ключевых слов, входящих в название сайта: «Российский архитектурный портал» – http://www.archi.ru.

- Аббревиация – доменное имя создается из первых букв названия компании или сайта: «Absolute games» (крупнейший в России игровой портал) – http://www.ag.ru.

- Дезаббревиация – название сайта представляет собой аббревиатуру, расшифровка которой происходит в доменном имени: сайт «КГ» – http://www.kino-govno.com.

- Использование латинских букв, совпадающих по начертанию с русскими. Совпадение может быть полным (http://cmapocmu.net; http://www.xumuk.ru) или частичным (http://cyclik.net; ср.: суслик).

- *Обыгрывание омонимии завершающей части доменного имени (так называемого домена верхнего уровня, имя которого пишется после точки). Наиболее популярными оказались домены «tv» и «fm», используемые для сайтов, связанных с телевидением* (http://www.corbina.tv; http://www.ru.tv) *и радио* (http://www.moskva.fm; http://deti.fm). *Сравнительно немного сайтов, тематически обыгрывающих домены верхнего уровня «пи» и «cd». Омонимическая соотнесенность этих доменов может указывать на эротическую тематику* (http://oblaka.nu) или на cd-продукцию (http://yees.cd), соответственно. *По такому же принципу в Рунете идет игра с доменами зон «ru», «su» и «com» (*http://volonte.ru – волонтеру, http://tova.ru – товару; http://beloru.su – белорусу; http://pesh.com – пешком; http://umni.com – умником).

- Замещение слова или части слова буквой или цифрой. Подобная игра пришла в практику создания доменных имен из американской культуры, где данное явление широко распространено (неформальная электронная переписка, реклама и т. д.) [Гусейнов 2000]. Надо отметить, что в современной русскоязычной коммуникации также есть случаи идеографического использования букв и цифр: этот принцип используется в рекламе, смс-сообщениях, при создании ников и т. д., а также в доменных именах (http://www.qpknigu.ru, ср: q – ку, p – пи; http://live4fun.ru, ср: 4 – for, аналогично http://www.zone4iphone.ru /).

Итак, в современном Рунете доменное имя тяготеет к вербализации и в большинстве случаев связано с названием и / или тематической направленностью сайта, что позволяет рассматривать его как специфическую форму текстового названия. Помимо этого, интернет-коммуникация, естественно, сохраняет и традиционный заголовочный комплекс с присущими ему функциями. Именно заголовок сайта, блога, игры становится смысловой «рамкой» проекта и во многом способствует его успешности. Интернет актуализирует роль текстовых названий, о которой писал Р. Барт. Согласно концепции Р. Барта, современное общество в силу своей коммерциализации приравнивает текст к товарному изделию, как следствие – для всякого текста возникает потребность в маркировке. Именно заглавие призвано маркировать текст, тем самым представляя его в виде товара [Барт 1992]. Электронные заглавия полностью сохранили данную функцию. Заголовочный комплекс сайта является основным средством его опознаваемости в Интернете. Исследование принципов создания сетевых заголовков способно дать богатый материал для выявления «жанровых» особенностей различных сетевых платформ. Так, например, в играх, принесенных в Рунет с Запада, заголовки не подвергаются переводу на русский язык. Иногда происходит «одомашнивание» названия англоязычной игры, как случилось, например, с игрой Lineage (пер. ‘родословная, клан’), которая в результате омофонического сближения стала «Линейкой». В большинстве случаев способом адаптации названия будет русская транслитерация (WarCraft – Варкрафт, Diablo – Диабло и т. д.). Вместе с тем в русскоязычной игровой среде довольно быстро появляются аналоги зарубежных игр с русифицированными сюжетами, на что указывают их названия: «Богатыри», «Три богатыря», «Казаки» и т. д.

Обширное поле для исследования представляют собой заголовки сайтов, созданных на основе различных платформ интернет-коммуникации. Безусловно, своей спецификой обладают заголовки так называемых постов (законченных мини-сообщений в пределах персональной страницы) в блогах и социальных сетях. Кроме этого в этих средах могут фигурировать названия групп, страниц по интересам, альбомов и т. д. Выделяемые типы интернет-заголовков определенным образом соотносятся с традициями печатной коммуникации, прежде всего с заголовками художественных произведений и СМИ. Но текстовые названия Рунета обладают и рядом специфических особенностей. Например, здесь достаточно широко распространены локализирующие заголовки, уподобляющие текстовое пространство сайта пространству физическому. Данный тип заголовка встречается в самых разных интернет-«жанрах»: в блогах («Хроники необитаемого города»; «Живые улицы»; «Вторая улица»), на учебно-дидактических сайтах («Страна мастеров» – сайт о ремеслах и рукоделии), на коммерческих («Вселенная красоты», «Город красоты» – сайты косметических фирм) и тематических сайтах («Адениум дома» – сайт цветоводства; «Вселенная женщины»,

«Вселенная радости» – астрология и самопознание), на форумах (форум «Вселенная») и в социальных сетях («Страна мам»). Возможно, популярность заголовков-местоположений обусловлена спецификой концептуализации Интернета как некоего пространства (двухмерного или трехмерного), что отражено в таких номинациях, как *зайти на сайт, бродить по Интернету, висеть в Интернете* (о пользователе или об информации), *шаг* и под. Не менее популярными являются заголовки, указывающие на конкретный жанр устной или письменной коммуникации (как печатной, так и электронной). Они встречаются в личных («Машенькин дневник», «Сказки от Метели», «Живые записки Антона Носика») и специализированных («Заметки о псориазе») блогах, в чатах («Беседа»), форумах («Разговоры о любви»; «Заметки розничника»), на тематических сайтах («Православная беседа», «Заметки по еврейской истории»).

Обсуждая проблему текстовых названий в интернет-коммуникации, нельзя не коснуться такой реалии, как меню. Меню – важнейшее средство структурирования информации и организации доступа к ней – представляет собой перечень интерактивных источников ссылок, ведущих к основным композиционным блокам сайта. Формулировка позиции меню может не совпадать с заголовком вызываемого текста, тем не менее между этими двумя элементами наличествует семантическое взаимодействие. Это обусловливает необходимость рассматривать позиции меню как часть заголовочного комплекса электронного текста. Непосредственный прототип меню в доэлектронной коммуникации – книжное оглавление. Необходимо отметить, что некоторые исследователи традиционных печатных текстов также рассматривают оглавление и названия композиционных частей текста в едином функционально-прагматическом контексте. Так, например, Н. А. Веселова включает книжное оглавление в состав заголовочного комплекса как основной навигационный компонент, в котором «маркированы относительно законченные фрагменты текста и зафиксирована их последовательность» [Веселова, 2005]. При этом автор указывает на дополнительную функцию книжного оглавления – смыслообразующую, которая, в отличие от навигационной, не является обязательной. «Данная функция появилась у оглавления в процессе становления литературы нового времени, когда все больше прежде нейтральных элементов формы стали участвовать в смыслообразовании. Фиксируя последовательность заглавий, оглавление выступает ключом к пониманию текста: представляет в снятом виде его внутренние смысловые доминанты, выявляя тем самым логику построения. Логика может быть основана на разных принципах: алфавитном, номинативном, антологическом, календарном» [Веселова 2005: 175].

В современных интернет-ресурсах представлены два типа меню: основное меню сайта и меню отдельных блоков: книг, выпусков журналов, каталогов и т. д. Второй тип меню наиболее близок своему традиционному «бумажному» аналогу – оглав-

лению, и с наибольшей полнотой отражает информацию, представленную в тексте. Композиция основного меню ресурса, напротив, является достаточно условной и в меньшей степени соответствует формальной и содержательной структуре сайта. Поскольку организация нелинейного гипертекста хуже поддается структуризации и представлению в виде меню-оглавления, наметилась тенденция к обозначению в меню лишь самых общих разделов; «это приводит к тому, что разножанровые гипертексты имеют схожие основные меню с достаточно стандартным перечнем позиций: о проекте, об авторах, партнеры, форум, «пишите нам», библиотека, ссылки на схожие ресурсы и т. д.» [Дедова 2008: 218]. Помимо этого явления, в ряде случаев негативно воздействующего на процесс навигации, можно наблюдать и обратную тенденцию. Меню как система заглавий не только в сжатой форме представляет весь сайт, но отражает его стилистику в целом, передавая при этом определенную модальность и эмоциональные оттенки. Например, при исследовании русскоязычных сайтов музыкальных школ нами была отмечена высокая частотность формулировок меню, маркированных стилистически и характеризующихся специфической образностью, что должно акцентировать значимость музыки и музыкального образования (напр., «Миссия школы», «Страна воспоминаний», «Музыкальная гостиная», «Первые шаги в волшебную страну»).

Итак, заголовочный комплекс – важнейший аспект сетевой коммуникации, поскольку его элементы лежат в основе гипертекстовой навигации. Особенности сетевых текстовых названий определяются двумя основными факторами. Во-первых, в Интернете появляются инновационные формы текстовых названий (наиболее значимые и распространенные – доменное имя и название файла); данные реалии активно осваиваются коммуникацией и перестают быть лишь техническими элементами текста. Во-вторых, в Интернете возрастает роль собственно текстовых названий, соотносимых с традициями печатной литературы. Это обусловлено фрагментарностью и дисперсностью нелинейного гипертекста, структурирующего информацию в виде сравнительно небольших по объему законченных топиков. Мини-тексты, обладающие семантической, структурно-композиционной и зрительной автономностью, с неизбежностью становятся озаглавленными, что маркирует их обособленность в общей композиционной организации сайта. Помимо выполнения навигационной функции, элементы сетевого заголовочного комплекса (прежде всего позиции меню и другие источники ссылок) также призваны привлекать внимание читателя и подталкивать его к осуществлению соответствующего гипертекстового перехода (т. н. аттрактивная функция). Таким образом, электронный заголовочный комплекс – достаточно интересная и специфическая сторона письменной интернет-коммуникации, чье изучение связано с задачей типологического описания сетевых текстов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика: Поэтика. М: Культура, 1992.
2. *Валгина Н. С.* Теория текста. М., 2003.
3. *Веселова Н. А.* Заглавие литературно-художественного текста (Антология и поэтика) / Н. А. Веселова. Автореф. дис…. канд. филол. наук. М., 2005.
4. *Дедова О. В.* Теория гипертекста и гипертекстовые практики в Рунете. М.: МАКС Пресс, 2008.
5. *Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 1998.*
6. *Новикова М. Ю.* Заголовок – метафора и художественный текст // Русская речь. 1986, № 6. С. 90-94.

ДИСКУРС-АНАЛИЗ И ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА

Лингвистика речи как объект современных филологических исследований

Linguistics of Speech as an Object of Modern Philological Research

Александрова Ирина Борисовна, Славкин Владимир Вячеславович

Aleksandrova Irina Borisovna, Slavkin Vladimir Vyacheslavovich

В статье рассматриваются язык и речь как объекты исследования современного речеведения. Различие этих понятий в контексте современной филологии, содержание, трактовка таких терминов, как «текст», «дискурс», «гипертекст», «сверхтекст», – вот проблемы, которые стали предметом изучения филологии нашего времени.

The article is devoted to language and speech as objects of philological research. The difference between language and speech, an analysis of such terms as text, discourse, hypertext, supertext, a short history of development of speech linguistics – these are some problems studied by modern philology.

Ключевые слова: язык, речь, текст, дискурс, гипертекст, сверхтекст

Keywords: language, speech, text, discourse, hypertext, supertext

Лингвистика речи как объект современных филологических исследований

И. Б. Александрова, В. В. Славкин

Лингвистика речи – научная дисциплина, которая изучает функционирование языковых единиц различного уровня в определенной коммуникативной ситуации, предполагающей наличие конкретных адресанта и адресата, единого для них пространства и времени, а в соответствии с этим – использование соответствующего лексико-грамматического (стилистического, речевого) кода. Как пишет Г. Я. Солганик, «изучение речи – главный предмет современной лингвистики, и оно знаменует поворот от исследования языка как системы к изучению языка в его отношении к миру, к обществу, к человеку, от микролингвистики к макролингвистике» [Солганик 2010: 3].

Объектами внимания лингвистики речи стали: 1) история вопроса о смысле и соотношении таких понятий, как язык, речь, дискурс, текст (гипертекст); 2) интенционально-модальные, структурные, семантико-стилистические особенности конкретной реализации языка – речи, дискурса, текста; 3) особенности письменной и устной форм функционирования речи; 4) отражение в речи социолингвистических, психолингвистических, этнолингвистических, лингвокультурологических, прагмалингвистических особенностей того или иного речевого конструкта – дискурса (текста); 5) роль адресанта (автора) – стилеобразующего фактора речи (дискурса, текста); 6) роль адресата в порождении речи (дискурса, текста).

Представление о языке как о «системе систем», которая естественным образом или конвенционально отражает бытие мира, природу вещей, сформировалось и терминологически оформилось еще в античности (первая точка зрения была свойственна Платону, вторая – Демокриту, Аристотелю, софистам и др.). Античные философы рассматривали «систему систем» как средство выражения мысли, придерживаясь «орудийной» концепции языка.

В России попытки описать различия между языком и речью, письменной и устной ее формами, дать характеристику разных сфер «краснословия» были сделаны Лаврентием Зизанием («Грамматика словенска съвершеннаго искуства осми частий слова и иных нуждных. Ново съставленна», 1596), Мелетием Герасимовичем Смотрицким («Грамматики славенския правильное синтагма», 1619), а главное – архиепископом вологодским Макарием («Риторика», 1617-1619). Макарий подходит к вопросу о существовании нехудожественной (деловой) прозы, «украшенной» словесности – устного и письменного красноречия, которое строится по законам эстетики, и стихотворной и ритмизованной речи – так написаны произведения, например, Овидия и риторические «слова» Цицерона.

Терминологически наука об использовании речи окончательно оформилась в работах М. В. Ломоносова «Краткое руководство к красноречию. Книга первая, в которой содержится риторика, показующая общие правила обоего красноречия, то есть оратории и поэзии, сочиненная в пользу любящих словесные науки» (1748; его ранний вариант – «Краткое руководство к риторике на пользу любителей сладкоречия», 1743) и «Предисловие о пользе книг церковных», 1757). В своих «Риториках» ученый применил принцип трихотомичности при характеристике морфологических и синтаксических особенностей русской «украшенной», отличающейся от повседневной, речи, а также звуков, впервые в русской филологии сформулировав законы эвфонии (в частности, звукового символизма). Но наиболее отчетливо идея трехчастности отразилась в лексико-стилистическом описании «речений» русского языка, которое дано в «Предисловии о пользе книг церковных». Соотношение слов этих трех родов «речений» определяет своеобразие «трех штилей», каждый из которых оформляет определенные жанры поэзии и риторики. Реформа М. В. Ломоносова сыграла огромную роль в становлении и развитии русской стилистики. Корни пушкинской формулы «соразмерность и сообразность» следует искать именно в научных изысканиях М. В. Ломоносова – «Петра Великого русского просвещения». Работы М. В. Ломоносова способствовали развитию русского речеведения и конкретизации самого понятия «речь».

Таким образом, оппозиция *язык – речь* сложилась еще в античное время, получила свое развитие в Средние века и укрепилась в век Просвещения. И хотя она не была изначально оформлена терминологически, это противопоставление осознавалось и носителями языка, и философами-учеными, которые посвятили себя занятиям лингвистической наукой. Язык воспринимался как система уровней – фонетического, лексического, грамматического, речь – как реализация языка, при которой использовались языковые единицы разных уровней для достижения наивысшей выразительности словесного искусства в той или

иной области жизни и наиболее эффективного общения адресанта – адресата. Не случайно М. В. Ломоносов уже в XVIII веке понял необходимость теоретического обоснования разграничения этих двух понятий. Об этом говорит создание в 1755 году «Российской грамматики», в которой он попытался систематизировать разрозненные знания о языке, предложив свое описание разных его уровней – морфологического, синтаксического и проч. Интересно, что ранее и грамматика, которая в Средние века воспринималась как умение правильно составлять слова в предложение (вспомним название труда Лаврентия Зизания), и риторика – искусство «краснословия» – входили в число семи важнейших «искусств» (или «художеств»). После появления трудов Ломоносова наметилось изменение отношения к этим дисциплинам: они стали восприниматься как сферы филологической науки.

В последующем наблюдается своеобразная «филологизация» проблемы соотношения языка и речи – тенденция структурировать знание о языке, снабдить его четким научным аппаратом, позволяющим выявить элементы языковой системы и многообразные связи между ее уровнями. В этом контексте риторике все чаще отводилась роль теории красноречия, которая способствует украшению речи, но не претендует на охват всех сфер речевой деятельности человека.

Прорывным в разграничении языка и речи стало учение швейцарского лингвиста Ф. де Соссюра, который в «Курсе общей лингвистики» (опубликован уже после смерти автора, в 1916 г.) представил стройную концепцию, установившую соотношение языка и речи. Язык и речь являются двумя сторонами одного явления – речевой деятельности. Речь – это материальное воплощение языка; она материальна, поэтому поддается непосредственному наблюдению. Выводы о языке можно делать, если мы наблюдаем за речью, в которой язык реализуется. Язык и речь представляют собой два различных уровня: уровень наблюдения и уровень абстракции.

Начиная с Соссюра в работах многих лингвистов заявляется необходимость создания лингвистики речи – чтобы в определенном смысле «догнать» психологию, имеющую давние традиции изучения речи как психической деятельности человека. Тем не менее следует признать, что в лингвистической парадигме XX века лингвистика языка превалировала, о чем, в частности, говорит мощное развитие такого научного направления, как лингвистика текста, а также ряда смежных дисциплин. При этом развитие данного пространства филологического знания не могло не затрагивать условия бытования языка, т. е. анализировать его в действии.

Формируемое сейчас новое научное направление – лингвистика речи – в значительной степени опирается на соссюровское толкование дихотомии «язык – речь», но в то же время не может полностью принять его утверждение, что в речи нет ничего коллективного, что она есть акт индивидуальной воли говорящего. Особенно это проявляется при обращении к такому явлению, как дискурс – «речь, погруженная в жизнь».

Термин «дискурс» в его нынешнем значении был введен в 1952 году. «Дискурс – связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)» [Арутюнова 1990: 136-137].

Понятие «дискурс», широко используемое в современной лингвистике, не имеет, однако, однозначной трактовки. У М. А. Кронгауза [Кронгауз 2005: 215-224], который делает ссылку на П. Серио, встречается восемь трактовок этого термина. В работе А. Ж. Греймаса [Греймас 1983] представлено одиннадцать значений понятия «дискурс». Е. С. Кубрякова [Кубрякова 2004: 523, 525-530] в книге «Знание и язык» приводит семь его определений.

Наиболее интересными представляются трактовки Н. Д. Арутюновой [Арутюнова 1990: 136-137] («Дискурс – речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)»), а также О. В. Дедовой («Наиболее общее понимание дискурса подразумевает связный текст в единстве с факторами, влияющими на его порождение и восприятие (прагматическими, социокультурными, психологическими и др.» [Дедова 2004: 387]). В работе Л. Ю. Буяновой и П. Е. Кондрашова приведены следующие признаки дискурса: динамичность, или процессуальность; коммуникативность; персонифицированность (антропологичность, т. е. личностность или социальность); ситуативная обусловленность; коннотативность (прагматичность); социальная и культурологическая заданность (отнесенность к известной концептосфере и логосфере) [Буянова, Кондрашов 2003: 140-152].

По мнению И. Н. Горелова и К. Ф. Седова, «дискурс – речевое произведение в многообразии его когнитивных (познавательных) и коммуникативных функций. Он находит выражение в многообразных проявлениях речевой деятельности и речевого произведения человека» [Горелов, Седов 2005: 43]. Близка этому представ-

лению о дискурсе концепция В. М. Лейчика, который в работе «Дискурс – речь – текст» говорит, что в качестве исходного системного материала в дискурсе выступает язык, а в качестве совокупных переменных динамических единиц – речь с привлечением «дополнений», появляющихся в соответствующей сфере коммуникативно-когнитивной деятельности: памяти, воображения, мышления. «В связи с этим целый ряд лингво-прагматических видов деятельности целесообразно называть не речью, а дискурсом» [Лейчик 2004: 106-110]. В статье В. М. Лейчика также отмечается, что такой ряд сопоставлений, как «дискурс – текст», должен быть заменен иным – «язык – речь – дискурс».

Особо следует отметить определение этого понятия, предложенное Е. Ф. Кировым: «дискурс – это все, что было написано или сказано на том или ином языке в рамках той или иной культуры за всю историю их существования, т. е. это гигантская ткань из высказываний, сопровождающих и включенных в цепь реальных событий, являющихся их составной частью <…>. Он имеет начало в темной глубине тысячелетий, когда возник язык и языковая форма коммуникации, развивается до настоящего времени и будет продолжаться в будущем» [Киров 2004: 396]. Думается, это избыточно расширительная трактовка термина: каково тогда различие между дискурсом и макротекстом «как объединением всех существующих в культурном пространстве текстов» [Данилевская 2003: 216], между дискурсом и сверхтекстом как «совокупностью высказываний, текстов, ограниченной темпорально и локально, объединенной содержательно и ситуативно, характеризующейся цельной модальной установкой, достаточно определенными позициями адресата и адресанта, с особыми критериями нормального / анормального» [Купина, Битенская 1994: 215].

Как пишет В. И. Карасик [Карасик 2004: 226-250] в работе «Языковой круг: личность, концепты, дискурс», дискурс – это общение людей, рассматриваемое с позиций их принадлежности к той или иной социальной группе или применительно к той или иной типичной речеповеденческой ситуации. При этом, по словам Е. В. Какориной, «для определения разных типов общения учитываются статусно-ролевые характеристики участников общения, цель общения, прототипическое место общения, ценности, стратегии, жанры, прецедентные тексты и дискурсивные формулы» [Какорина 2005: 67].

В любом дискурсе можно выделить текстовую основу. Но не любой текст будет являться дискурсом. «Дискурсом текст становится только в том случае, если он выполняет коммуникативное задание в конкретной ситуации» [Горелов, Седов 2005: 43].

Текст – это тоже важный объект исследований лингвистики речи. Лингвистика текста, сформировавшаяся в 70-80-х гг. XX в., трактовала текст как законченное произведение, как высшую единицу речевой деятельности, причем большинство исследователей сходились на том, что связанность и цельность являются основными категориями текста [Гальперин 1981; Леонтьев 1976]. Данное понимание естественно вытекало из собственно языкового понимания текста – семантически и грамматически объединенной последовательности сложных языковых структур (сверхфразовых единств, эпизодов, компонентов текста и т. п.). Таким образом, он для нас представлял прежде всего *результат*, конечную точку процесса порождения речи. Каждый элемент текста рассматривался с точки зрения его участия в образовании этого единого целого.

Но общий вектор развития гуманитарного знания в настоящее время ориентирует нас на переход от структурно-семантического к коммуникативно-деятельностному аспекту. На это еще в 1986 г. указывал Е. В. Сидоров: «Применение коммуникативного принципа в исследовании текста предполагает <…> научную квалификацию акта речевой коммуникации. Такого рода квалификация должна выявить не только компонентный состав коммуникативного акта, но и его динамику, в которой осуществляются внутренние закономерности, объективно определяющие закономерности организации текста» [Сидоров 1986: 426]. Таким образом, изучение текста должно быть анализом коммуникативной деятельности, причем не только автора, но и реципиента – читателя или зрителя.

Динамический аспект текста становится особенно существенным при анализе журналистского произведения. Журналистское творчество предполагает (и это является его закономерностью) *многоаспектность* контакта автора и его аудитории, не свойственную научному или официально-деловому стилю. Действительно, опубликование текста закона или научной статьи ориентировано на установление достаточно четко определяемых коммуникативных отношений между производителем и потребителем информации. Здесь информирование организуется для достижения конкретных целей – сообщения новой информации, регламентирования действий субъекта, недопущения его нежелательной активности и проч. Журналистский же текст, выполняя с той или иной полнотой указанные цели, порождается и для воздействия на общую ментальную сферу субъекта. Автор медиатекста рассчитывает на то, что его аудитория откликнется на его произведение: у нее возникнут разнообразные эмоциональные реакции, она должна будет проявить творческую активность, сопоставляя полученное новое с имеющимся данным, а возможно, и спрогнозировать дальнейшее развитие событий. Деятельностный аспект изучения журналистского текста предполагает подход к нему не как к статичному, а как к динамически развивающемуся объекту.

Динамика текста может быть рассмотрена на трех уровнях.

Внутритекстовой уровень. Это наиболее тесно связанный с речевой стороной аспект рассмотрения текста. Предметом анализа становится то, как развертывается во времени описание фрагмента реальной действительности, составляющее основу журналистского произведения. Деятельность журналиста, как выступающего в кадре, так и воссоздающего свои действия как реально происходящие в момент получения информации читателем, естественно, характеризуется параметром времени. Конкретные языковые манифестации (видо-временные и личные формы глагола, предложения с незамещенными синтаксическими позициями, указательные наречия и частицы) – это сигналы пространственно-временного континуума в тексте. Следует, правда, отметить, что временной континуум изучался прежде всего применительно к художественной речи [Тураева 1986; Шведова 1978; Храпченко 1985].

Обращение к таким традиционным жанрам публицистического творчества, как репортаж, очерк, статья, показывает, что сопоставление развертывания реального действия во времени и пространстве с тем, как это отражено в медиатексте, весьма плодотворно с точки зрения познания богатства изобразительно-выразительных средств русского языка.

Надтекстовой уровень динамического изучения журналистского текста основывается, на наш взгляд, на различении коммуникативной деятельности автора и читателя (зрителя). Цель первой – порождение текста, определенное кодирование информации; цель второй – ее расшифровка, понимание, усвоение и использование в дальнейшем. Правила коммуникативного поведения обоих субъектов данного двустороннего процесса не совпадают и в большой степени определяются не только речевыми особенностями, но и социальными и психологическими характеристиками журналиста, аудитории, канала коммуникации. Именно поэтому нам кажется подходящим, с учетом важности экстралингвистических факторов, обозначить взаимодействие участников коммуникации как надтекстовое.

Традиционно исследователи журналистских текстов больше внимания уделяли журналистскому творчеству, методам и приемам, позволяющим оптимизировать его результат. Но не менее важно изучать и реакцию аудитории, в разных ее проявлениях: это может быть адекватное восприятие информации, а может быть и элементарное непонимание прочитанного, увиденного или услышанного; различные эмоциональные реакции, порожденные как содержанием, так и формой его

воплощения. Например, нередко появляется раздражение или даже возмущение читателя или зрителя неправильным, неэтичным, неумелым речевым поведением журналиста, что, к сожалению, отличает современные СМИ.

Гипертекстовой уровень. Конкретный журналистский текст воспринимается не только как результат речетворческой деятельности отдельного автора, но и как этап в воссоздании картины мира, имеющий свою предысторию и перспективу. С этой точки зрения признак завершенности текста, который, как уже говорилось выше, воспринимался как ключевой на начальных этапах развития теории текста, в значительной степени теряет свою абсолютность. Более того, не вполне устойчивыми являются и критерии выделения этого признака. Например, книга И. Ильфа и Е. Петрова «Одноэтажная Америка» (1936) – это, бесспорно, единое произведение, собрание путевых очерков, связанных единой сюжетной линией, пространственно-временной организацией, а самое главное – единой авторской тональностью, восприятием окружающего мира, системой оценок, подходом к выбору конкретных изобразительно-выразительных речевых средств – тем, что В. В. Виноградов [Виноградов 1971: 118] называл образом автора. Следовательно, это текст. Но каждый очерк, включенный в эту книгу, композиционно самостоятелен (посвящен отдельному, независимому эпизоду) и, таким образом, реализует определенную коммуникативную интенцию авторов, т. е. также может рассматриваться как текст.

Гипертекстовой уровень изучения медиатекста может опираться на следующее положение: помещенный на странице печатного издания или объективированный в виде объединения вербальной, зрительной и звуковой информации текст есть часть общего, можно даже сказать глобального процесса коммуникации. Собственно вербальная информация часто сопровождается актуализацией ее части типографскими средствами, а также фотографиями, инфографикой, рисунками и пр. Вербальное и иконическое начала, соединяясь в масштабе целого текста, осложняют процесс его восприятия. Это может иметь как положительную, так и отрицательную сторону: восприятие текста аудиторией, с одной стороны, перестает быть однолинейным, а с другой стороны, внимание реципиента может быть перегружено разноуровневой информацией, что может снизить уровень ее освоения.

Ретроспекция и проспекция, оставаясь (наряду с цельностью и связанностью), основными текстовыми характеристиками, приобретают и экстралингвистическое значение. Они отражают динамику текстовой деятельности и конкретного субъекта (в частности, журналиста), и отдельного средства массовой коммуникации. Эти категории могут быть распространены и на массивы текстов, объединенных тематически (предвыборная кампания, полемика по конкретной проблеме и т. п.).

Включенность отдельных текстов в общий речевой поток проявляется и в развитии явления интертекстуальности. «Текст в тексте» (термин Н. С. Валгиной [Валгина 2003]) является не только средством привлечения дополнительной информации, но и эффективным способом активизации аудитории, порождающим разнообразные психоэмоциональные реакции. Разнообразные аллюзии и реминисценции, содержащиеся в медиатексте, также усложняют процесс его дешифрования, поскольку порождают его полифоничность, а это, в свою очередь, иногда приводит к коммуникативным неудачам (в случае с реципиентами, имеющими невысокий культурный уровень).

Важное место в лингвистике речи отводится исследованию гипертекста. «Гипертекст – текст, устроенный таким образом, что он превращается в систему, иерархию текстов, одновременно составляющую единство и множество текстов» [Руднев 1997: 69]. Термин «гипертекст» предложил в 1965 г. программист, математик и философ Т. Нельсон [Nelson 1965]. Он определяет гипертекст как непоследовательное сочинение, текст, который разветвляется, позволяет читателю выбирать первостепенную для него информацию, различные пути чтения. Гипертекст – явление конца XX – начала XXI века, возникшее с появлением постмодернизма как литературного направления и, разумеется, с появлением Интернета и развитием блогосферы. После того как появились блоги, каждый человек получил возможность творить в собственном гипертекстовом пространстве. Гипертекстуальность блогов не исчерпывается простыми ссылками на другие страницы в Интернете, как и само понятие «гипертекст» не ограничивается только интернет-страницей со ссылками. К признакам гипертекста в блоговых записях можно отнести упоминания других блогеров, а также внетекстовые элементы – картинки, фотографии, указание музыки, которую автор слушает в момент создания поста.

Намеки, аллюзии или ссылки на известные тексты активизируют образы, которые находятся в сознании читателя. В результате происходит расширение границ текста. За одним словом или фразой может стоять целый пласт информации. Исходный текст может быть небольшим по объему (это логично – небольшой текст читать легче), но объем информации, скрытый под гиперссылками этого текста, может быть безгранично широк. Использование гиперссылок позволяет автору выразить свое отношение к рассматриваемой проблеме, заявить о своих культурных и нравственных ориентирах. А наличие такой возможности, как комментирование всего сообщения или какой-либо его части, может преобразовать гипертекст в дискурс, т. к. в этом случае запись (пост) с комментариями к ней становится коммуникативно единой, целостной речевой единицей, которая характеризуется наличием адресанта и адресата, отличается прагматической направленностью (общей интенцией, модальностью).

Интересным объектом для изучения лингвистики речи становятся микро- и макротексты, а также сверхтексты. Представляется, что эти конструкты демонстрируют развитие форм речи, что свидетельствует об актуальности лингвистики речи, получающей все новые объекты исследования.

Таким образом, говоря о соотношении понятий «язык – речь – дискурс – текст (гипертекст)», необходимо отметить, что речь – функционирование единиц языка в определенной коммуникативной ситуации, детерминируемое необходимым присутствием адресанта и адресата, – может иметь конкретные проявления:

1) **дискурс** – речевое общение, при котором учитываются статусно-ролевые характеристики адресанта и адресата, интенция и модальность, хронотоп, особый в каждом случае, этический и эстетический идеал участников диалога, тактики и стратегии речевого поведения;

2) **текст** – высшая единица речевой деятельности, одновременно и процесс порождения смысла, движения идеи, и результат, закрепленный в письменной или устной форме (научный, официально-деловой, литературный, публицистический, медиатекст и др. имеют письменную форму бытия, а, к примеру, фольклорное произведение передается из уст в уста и существует в памяти народа);

3) **гипертекст** – информативно разветвленное текстовое пространство, предполагающее активную роль читателя (слушателя) в выборе наиболее важной для него информации;

4) **сверхтекст** – «совокупность высказываний, текстов, ограниченная темпорально и локально, объединенная содержательно и ситуативно, характеризующаяся цельной модальной установкой, достаточно определенными позициями адресата и адресанта, с особыми критериями нормального / анормального» [Купина, Битенская 1994: 215].

По словам Г. Я. Солганика, «термин «текст» синонимичен речи, если последнюю понимать в узком смысле – как совокупность речевых произведений <…>. Текст не обязательно образует речевое произведение. Текстом может быть и отдельное высказывание, и крупное произведение, и совокупность текстов (ср. термины «микротекст», «макротекст», «гипертекст» и др.)» [Солганик 2010: 16]. Дискурс «тоже близок к речи, однако имеет более широкое наполнение – это связная речь в совокупности с нелингвистическими обстоятельствами ее протекания, во взаимосвязи с жизнью, с говорящим – производителем речи» [Там же].

Исследование этих единиц с позиций речеведения должно начинаться с анализа роли адресанта и адресата в порождении речи, с определения принципов кодирования – декодирования информации, содержащейся в конкретном речевом конструкте. Как указывает Г. Я. Солганик, «языковые и неязыковые средства становятся речью лишь тогда, когда происходит их соединение с говорящим лицом, с *я,* т. е. в речевом акте» [Указ.соч.: 8]. По мнению ученого, речь отличают такие качества, как персонализованность (эгоцентричность), адресованность, индивидуальность и в то же время типизированность. И эти свойства проявляются именно в процессе речевого акта, когда речь и становится собственно речью. Именно поэтому столь важным оказывается изучение модального плана речи, структурно-стилистических особенностей конкретного речевого конструкта, которые выражают движение мысли говорящего (пишущего) – производителя речи, «поскольку нет речи, которая не была бы коммуникацией» [Косериу 1963: 191], а следовательно, она всегда направлена на адресат.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арутюнова Н. Д.* Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: 1990. С. 136-137.
2. *Буянова Л. Ю., Кондрашов П. Ю.* К соотношению терминов и понятий «дискурс – речь – текст» // Современная лексикография и терминография: достижения, проблемы, перспективы. Сб. науч. трудов. Краснодар, 2003. С. 140-152.
3. *Валгина Н. С.* Теория текста. М.: 2003.
4. *Виноградов В. В.* Проблема автора в художественной литературе // О теории художественной речи. М., 1971. С. 105-211.
5. *Гальперин И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
6. *Горелов И. Н., Седов К. Ф.* Основы психолингвистики. М., 2005.
7. *Греймас А. Ж.* Семиотика: объяснительный словарь теории языка // Греймас А. Ж., Курте Ж. Семиотика. М., 1983. С. 483-550.
8. *Данилевская Н. В.* Макротекст // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М., 2003. С. 216.
9. *Дедова О. В.* О специфике компьютерного дискурса // Русский язык: исторические судьбы и современность. М., 2004. С. 387.
10. *Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2004.
11. *Какорина Е. В.* СМИ и интернет-коммуникация (области пересечения и проблемы взаимодействия) // Язык современной публицистики. М., 2005. С. 67-98.
12. *Киров Е. Ф.* Цепь событий – дискурс / текст – концепт // Русский язык: исторические судьбы и современность. М., 2004. С. 396.
13. *Косериу Э.* Новое в лингвистике. М., 1963. Вып. III. С. 143-343.
14. *Кронгауз М. А.* Семантика. М., 2005.
15. *Кубрякова Е. С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004.
16. *Купина Н. А., Битенская Г. В.* Сверхтекст и его разновидности // Человек – текст – культура. Екатеринбург, 1994. С. 214-233.
17. *Лейчик В. М.* Дискурс – речь – текст // Международная конференция «М. В. Ломоносов и развитие русской риторики». Москва, 24 ноября 2004 г. М., 2004. С. 106-110.
18. *Леонтьев А. А.* Признаки связности и цельности текста // Сб. научн. трудов МГПИИЯ им. Мориса Тореза. Вып. 103. М., 1976. С. 60-67.
19. *Руднев В. П.* Словарь культуры XX века. М., 1997.
20. *Сидоров Е. В.* Коммуникативный принцип исследования текста // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 45. 1986, № 5. С. 425-432.
21. *Солганик Г. Я.* Основы лингвистики речи. М., 2010.
22. *Тураева З. Я.* Лингвистика текста. М.,1986.
23. *Храпченко М. Б.* Текст и его свойства // Вопросы языкознания. 1985, № 2. С. 3-9.
24. *Шведова Н. Ю.* Синтаксическое время // Филологические науки, 1978, № 3. С. 88-97.
25. *Nelson T. N.* A File Structure for the Complex, the Changing, and the Indeterminate // *In*: ACM 20th National Conference – Proceedings (Clevelend, Ohio, 1965). Pp. 84-100.

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Общество в русской языковой картине мира

Society in the Russian Language World View

Жданова Лариса Александровна

Zhdanova Larisa Alexandrovna

В статье на основе анализа семантики и сочетаемости слова *общество* рассматриваются представления носителей русского языка об обществе. Инвариантным для всех современных значений слова *общество* признается компонент ‘множество людей’ и наличие объединяющего начала, в качестве которого для основного значения слова признается принадлежность к государству (вывод сделан на основании современных словоупотреблений). Государство является субъектом власти, а общество – ее объектом, однако статус общества во властном отношении двойственен, так как общество мыслится как субъект власти по отношению к своим членам и отдельной личности. В статье выявляются метафоры, направляющие сочетаемость слова *общество* (основные – МЕХАНИЗМ и ЗДАНИЕ), обсуждается надличностный характер общества и его бытие во времени, на основе чего выявляются различия между концептами общества, народа и нации.

This article is based on the analysis of semantics and collocations with the word «society» and considers the representations of this word among Russian-speakers. Invariant for all modern meaning of the word ″society″ is recognized as a component of ‘many people’ and the presence of unifying principle. The basic meaning of the word is recognized nationality (the output is based on modern usage of the word). ″The state″ is the subject of power, and society – its object, but the status of power in society is dual, because the society is defined as a subject of the power in relation to its members and individuals. In the article is identified metaphors with the word ″society″ (main of them are MACHINERY and BUILDING) and discussed transpersonal nature of the society and its existence in time, based on which is revealed the differences between concepts of society, the people and the nation.

Ключевые слова: картина мира, метафора, общество, государство, народ, нация

Keywords: world view, metaphor, society, state, people, nation

Общество в русской языковой картине мира

Л. А. Жданова

В современных исследованиях языковой картины мира (ЯКМ) значительное место уделяется социальной сфере, в том числе т. н. «наивной социологии». Ключевыми для данного фрагмента ЯКМ являются представления носителей языка об обществе, неразрывно связанные с представлениями о государстве, власти, а также о народе и нации ([Жданова 1996; Ермаков и др. 2004] и др.).

Инвариантным для всех современных ЛСВ слова *общество* является компонент ‘множество людей’, причем объем множества (количество членов общества) последовательно уменьшается от первого значения к последнему до минимума (два члена – 6-е зн.)[15]. *Обществом*, однако, признается лишь такая совокупность людей, в которой присутствует некое объединяющее (общее) начало, будь то «исторически обусловленные социальные формы совместной жизни и деятельности» (1-е зн.), «общность положения, происхождения, интересов» (2-е зн.), «какая-либо цель» (3-е зн.), «избранность» (5-е зн.), единство места (6-е зн.) и т. п.

Не пытаясь пересмотреть словарное толкование основного значения, отметим следующее: анализ словоупотреблений по данным Национального корпуса русского языка (НКРЯ) показывает, что «исторически обусловленной социальной формой совместной жизни и деятельности» для современного носителя русского языка является конкретное государство, а не господствующий в нем строй. Так, в основном корпусе НКРЯ словосочетание *феодальное общество* дает 14 вхождений, *капиталистическое общество* – 25 вхождений, тогда как *российское общество* – 151 вхождение, *американское общество* – 40 вхождений, обнаруживаются также *китайское, казахстанское, украинское, эстонское, латвийское, британское,*

15 О’БЩЕСТВО, -а, *ср*. **1.** Совокупность людей, объединенных исторически обусловленными социальными формами совместной жизни и деятельности. *Феодальное о. Капиталистическое о.* **2.** Круг людей, объединенных общностью положения, происхождения, интересов. *Дворянское о. Образованное о. Крестьянское о.* (крестьянская община; устар.). **3.** Добровольное, постоянно действующее объединение людей для какой-н. цели. *О. любителей книги. Всероссийское о. охраны природы. Спортивные общества.* **4.** Та или иная среда людей, компания. *Попасть в дурное о. Душа общества.* **5.** В дворянской среде: узкий круг избранных людей. *Принят в обществе. Бывать в обществе.* **6.** *кого-чего*. Совместное пребывание с кем-н. *Чуждаться чьего-н. общества. В обществе старых друзей.* [Ожегов, Шведова 1992].

югославское и другие О. (расположены по убыванию частотности в основном корпусе НКРЯ). Показательно также распределение частотности по годам: для синтагм *феодальное О.* и *капиталистическое О.* (словарные иллюстрации к основному значению) пик употреблений приходится на середину XX века, а для синтагм с производными от названий государств (*российское, американское, казахстанское О.* и др.) пик начинается с середины девяностых годов XX-го века и продолжается до конца диаграмм.

Следует заметить, что основное значение слова *общество* имеет относительно недолгую историю. В словаре В.И. Даля *общество* представлено в рамках статьи к глаголу *общать* («приобщать, соединять, смешивать; считать вместе, заодно» [Даль 1981: 634]), при этом интересующего нас значения в явном виде нет. *Общество* определяется как «собрание людей, товарищески, братски связанных какими-либо общими условиями» [Даль 1981: 634]. Более близко к современному значению *общество* ('граждане государства') значение сочетания *гражданское общество* – «граждане одного государства, все невоенное», где предполагается и возможность стратификации. Ср. пример В.И. Даля: «*Дворянское, купеческое общества составляют части гражданского общества*». Таким образом, *гражданское общество* мыслится здесь как сумма более «мелких» обществ, но все же не включает всех граждан государства. Истоки некоторых современных представлений об обществе рассыпаны по всей статье к слову *общать*. Так, в толковании *общины* присутствует «общество как нечто отдельное и цельное <…> состоящее под общим управлением», а *крестьянское общество, міръ* определяется как «собрание всех домохозяев, кому на <…> сходке дано право голоса». Таким образом, можно сделать вывод, что во второй половине XIX века интересующий нас ЛСВ слова *общество* еще не оформился в явном виде, хотя прообразы современных представлений об обществе уже существовали. С течением времени некоторые отмеченные В.И. Далем значения утратились, другие модифицировались (ср. современный термин *гражданское общество*), а само слово *общество* значительно расширило сферу употребления и усложнило семантическую организацию.

Кроме слова *общество* (ЛСВ-1) совокупность людей, объединенных в пределах государства, может обозначаться словом *население* (*Н. страны, перепись Н.*), однако *население* становится *обществом* только тогда, когда вступает во взаимоотношения с государственной властью. С *обществом* также сополагаются *народ* и *нация*. Типичным для актуальной языковой картины мира является такое положение дел, при котором государство мыслится как обладатель, субъект власти, а общество – ее объект. (Ср.: *Долгие годы в России существовала немыслимая пропасть между государством и обществом, между людьми и властью*). Слова *народ, нация, об-*

щество могут быть кореферентны (*Президент обратился ко всему обществу / народу / нации*), все они способны обозначать то множество людей, на которое направлена государственная власть, но каждое из них «высвечивает» особые качества этого множества людей.

Наивно-языковые представления об обществе могут быть реконструированы на основе ставшего уже традиционным анализа метафорической сочетаемости абстрактного слова.

Общество в коллективном сознании может представляться как вычлененный из пространства компактный предмет с очерченными границами, соразмерный человеку и способный перемещаться в пространстве (ср.: *Не сомневаемся, что новый президент желал вытащить общество из кризиса,* где кризис представляется в виде ямы, в которую провалилось общество). Фактура общества связывается с твердым веществом, дробимым на части-осколки (*Общество раскололось. Не только по регионам и политическим партиям. Трещина взаимного непонимания прошла по кишлакам и семьям*). Факты дробления квалифицируются как отрицательные, соединение «осколков» в одно целое выдвигается в качестве цели: *Сплочение / объединение общества необходимо.*

Общество метафорически представляется как некое ВМЕСТИЛИЩЕ (оконтуренное пространство), в пределах которого существуют люди (народ, нация, население): *жить в обществе, деятельность людей в обществе*. Общество организует находящихся в нем людей, что детализируется в структурных метафорах [Лакофф, Джонсон 1980] МЕХАНИЗМ и ЗДАНИЕ, выявляющихся из сочетаемости слова *общество*.

МЕХАНИЗМ: *управлять обществом, рычаги управления обществом* (ср. также: *Говорят, что следующий век Азии – да, там больше заведенности в обществе; Нынешней России ключ зажигания необходим*). Метафора МЕХАНИЗМ предполагает наличие управляющего субъекта (по всей видимости, субъекта государственной власти). В связи с этим можно вспомнить об актуальности и детализированности «механистической» метафоры, отражавшей положение личности в обществе и общества в государстве, в сталинскую эпоху (ср. пресловутые «винтики»).

Релевантной для выявления особенностей концептуализации общества в русском языковом сознании является оппозиция «общество – личность». Представление об обществе как о механизме предполагает внутреннюю иерархию, неравнозначность различных деталей для успешной работы целого. В этом состоит одно из

отличий концепта общества от концептов народа и нации, лишенных внутренней иерархии. По всей видимости, именно это позволяет отдельной личности отождествлять себя с народом, нацией (*мой народ, моя нация*) и квалифицировать тем самым себя как их полноправного представителя при невозможности самоотождествления с обществом (**мое общество*). Возможно лишь *наше общество*, где «снимается» неравнозначность отдельных элементов и где *мы* равно 'я + все остальные', то есть совпадает по объему с *обществом*. Ср.: *За последние три года мы прожили уже 30 лет из жизни других обществ. Наше общество…*

Общество в коллективном сознании является надличностным, так как представляется в виде механизма, способного упорядочивать, организовывать своих членов, а значит – доминировать над ними. Характерно, что каждый является *членом общества*, но *частью народа, нации*. Статус члена накладывает определенные обязанности (*перед обществом*) и уподобляет 'общество-1' организации, союзу, 'обществу-3', то есть структуре с внутренней иерархией и строго регламентированными отношениями между членами. Однако если вступление в организацию является по преимуществу добровольным и осознанным, то *членами общества* становятся одновременно с рождением и независимо от собственного желания (ср. клише: *появился на свет новый член общества* – о новорожденном). Точно так же личность может быть отторгнута обществом независимо от ее желания: *У него не спрашивали ответа – просто объявляли прокаженным, человеком вне общества; Жить со сломанной душой среди общества, уверенного в политической правоте происходящего, нелегкое испытание*. Здесь общество интерпретируется как оконтуренная субстанция, отторгающая все, нарушающее ее однородность, за свои пределы.

В отличие от принадлежности к обществу, право на определение принадлежности к народу (нации) на уровне языкового сознания предоставлено личности: нельзя самому объявить себя *вне общества*, но можно *причислить себя к другой нации, отречься от народа*. Показательно распределение значений прилагательных *антинародный* и *антиобщественный*. В *антинародном* вводится противопоставление народа как нерасчлененного совокупного объекта власти ее субъекту, действия которого оцениваются (*антинародная политика*). *Антиобщественный* является характеристикой дискретного элемента внутри общества, части, противопоставленной целому (*антиобщественное поведение*).

Таким образом, народ и нация в коллективном сознании равнозначны личности, тогда как общество доминирует над ней и наделяется по отношению к ней властными полномочиями (*общество заставляет, требует*), хотя само является объектом власти в оппозиции «общество – государство». Надо заметить, что отноше-

ние носителей языка к обществу как субъекту власти все же лучше, чем к государству. *Член общества* пытается *заслужить одобрение общества*, что вряд ли возможно применительно к *государству*. Ср. также *отвечать перед О., ответственность перед О., быть полезным О., приносить пользу, служить, служение О., зависеть от О.* Чаще говорится о *влиянии общества*, но о *диктате государства*. Выражения, обозначающие добровольное служение, более уместны и употребительны по отношению к *обществу*, но не к *государству*.

ЗДАНИЕ. Общество тяготеет к образу ЗДАНИЯ, СООРУЖЕНИЯ с разграниченным внутренним пространством, со своей топографией и четкими ориентирами по вертикали. Общественное здание имеет этажи (*уровни*), в нем есть *места* (*ниши*) для каждого члена общества, который может *менять свое положение в обществе*, перемещаясь со одного места на другое. Значимым является перемещение по вертикали (с одного уровня-этажа на другой вверх или вниз). Нижние уровни являются наименее, а верхние – наиболее значимыми, ценными. «Общество-здание» существует отдельно от окружающего мира и в зависимости от степени связанности с ним может характеризоваться как *открытое* или *закрытое*.

Главным элементом «общества-здания» является общественная ЛЕСТНИЦА, у которой есть *верхние ступени, нижние ступени, основание, подножие*. На вершину «общественного здания» (и «лестницы») может помещаться власть, которая, таким образом, мыслится и как часть общества (*верхушка общества, стоять на вершине общества, подняться на вершину общественной лестницы, все общество сверху донизу*) и в то же время стоит над ним, отделена от него (*стоять над обществом, ставить себя выше общества,… должно быть совпадение базовых ценностей лидеров и общества*).

Оппозиция «общество (‘низ’) – власть (‘верх’)» развивается и в метафоре ОПОРА. Власть нуждается в опоре и получает (или не получает) ее в обществе. В качестве опоры для обладателя власти (или претендента на нее) может выступать все общество в целом (*все общество поддерживает / не поддерживает президента, депутата*) или отдельные его элементы (*…сегодня он опирается уже на другие силы,… опору в обществе он нашел*).

Таким образом, метафора ЗДАНИЕ представляет общество как статичное образование с внутренней иерархией, существующее отдельно и вне связи с другими аналогичными образованиями. Метафора ЗДАНИЕ применительно к обществу хорошо проработана и отражает основные ценностные ориентиры носителя языка, находящегося «внутри» общества-здания.

Та же метафора ЗДАНИЕ, однако, актуализируется и в случае, когда коллективный носитель языка дистанцируется от общества, оценивает его как бы «снаружи». Тогда метафора ЗДАНИЕ развивается в метафоре СТРОИТЕЛЬСТВО, реализующей процессное значение. Члены общества являются здесь носителями активного начала, а непосредственно общество представлено в виде строящегося здания, которое возводится обычно на месте разрушенного старого (по сценарию «Интернационала»:… *разрушим / до основанья, а затем / мы <…> новый мир построим*). Ср.: *создание, построение нового общества, старое общество рухнуло, разрушено,… в прежнем обществе,… конечно, мы не могли жить в том обществе, которое было;… мы заплатили жизнями за то общество, которое строим; В России предпринята цивилизованная попытка построения цивилизованного общества.* В «общественном» строительстве, как и в настоящем, есть *план построения* и даже *модель общества* (*идеальное общество*). Метафора строительства была особенно актуальна в послеоктябрьский период, в постсоветский период часто использовалась в аспекте «разрушение».

Итак, в «наивной» картине мира общество обладает собственной архитектоникой, его внутреннее строение определенным образом ориентировано в пространстве. Общество как феномен структурировано по двум параметрам: по стратификационному признаку (*класс, слой*) и по признаку партийной принадлежности. Стратификационное членение имеет четкую и даже лексикализованную (*слой, прослойка*) метафорическую «ориентацию по горизонтали», которая уподобляет общество слоеному ПИРОГУ с *нижними, средними, верхними слоями* и *прослойкой*. Признак партийной принадлежности делит этот пирог на неравные «куски» – партии (по вертикали). Ср.: *В нашей партии представлены все слои общества*. Внутреннее деление общества по партийному и стратификационному признакам коррелирует с обозначениями так называемых типов обществ: *классовое, бесклассовое, буржуазное, капиталистическое, рабовладельческое, феодальное* (стратификационный критерий); *коммунистическое, социалистическое* (идеология партии). Таким образом, *партия* и *класс*, с одной стороны, описывают строение общества изнутри, с другой – являются классификаторами для определения конкретных типов обществ.

Одним из основных способов представления общества в коллективном сознании является персонификация. Общество наделяется различными параметрами и характеристиками, применимыми к человеческому существу. Оно *зарождается, рождается, живет, болеет, умирает, разлагается, в течение жизни имеет потребности*. Общество может действовать самостоятельно (*деятельность общества, активность общества*), перемещаться в пространстве (*движение общества вперед, наше общество не пошло по пути политического экстремизма*), в процес-

се своей деятельности (движения) оно может сталкиваться с препятствиями (*О. встречает препятствия на пути, у О. есть проблемы, О. столкнулось с трудностями*). Общество выступает как субъект интерперсональных отношений, в которых обычно доминирует (*О. заставляет, требует, одобряет, от него зависят, против О. борются, перед О. отвечают*).

Существенным компонентом наивно-языкового представления об обществе как об активном субъекте является параметр «здоровье» (*нравственное здоровье общества, здоровое общество*). В последнее время особенно распространено приписывание обществу различных болезней: *Наше общество тяжело больно. Паралич воли, поразивший общество… Такой «экономией» можно довести государство до полного краха, а общество – до полного паралича. Общую оценку экономики и общества можно было бы давать, как по температурному листу больного, наблюдая за процентами колебания преступности.*

К обществу применимы ментальные характеристики: *общественные настроения, воззрения, надежды, ожидания, общество ставит перед собой цели, недоумевает* и под. Общество способно чувствовать: *озабоченность О. по поводу чеченских событий, ликование О. по случаю победы, уверенность О. в политической правоте происходящего, О. негодует*. К обществу применимы требования этических норм: *Так будет продолжаться, пока общество не обретет некие общепринятые нормы поведения*. Оно может характеризоваться с морально-этической стороны: *жестокое, индивидуалистическое, справедливое* и под. Ср. также: *Во все времена о душевном состоянии общества судили по трем вещам: по тому, как оно относится к старикам, женщинам и детям. Наше некогда весьма альтруистическое общество становится все больше похоже на западное, индивидуалистическое. Обществу нанесен большой моральный ущерб.*

Применительно к приведенным выше контекстам со словом *общество* следует различать два разных явления: собственно персонификацию (все «физические» и «физиологические» метафоры) как «перенесение признаков и свойств человека на… отвлеченные понятия» [Розенталь, Теленкова 1985: 207] и метонимию (перенесение ментальных и морально-этических характеристик части множества на все множество людей, обозначаемое словом *общество*).

Примечательны различия в представлениях об обществе и народе / нации по отношению к временной оси. Народ и нация имеют вневременной характер, один раз возникнув, тождественны себе на протяжении всей своей истории независимо от претерпеваемых количественных или даже качественных изменений. Народ

и нация, подобно человеку, не могут переродиться, но могут лишь перестать существовать совсем или дать жизнь другим народам (нациям). Исчезновение народа или нации является необратимым и квалифицируется как трагедия. Они изначально единичны и неповторимы. Показательно в связи с этим отсутствие у *народа (нации)* определений с темпоральным значением (*прежний, прошлый* и т. п.). Общество же существует «здесь и сейчас», неединично ни во времени, ни в пространстве. Общества последовательно сменяют друг друга на временной оси или сосуществуют, будучи ограничены рамками государств. Общество детерминировано властным отношением (в рамках государства или его аналога), и поэтому при неизбежной смене субъекта власти, как правило, исчезает *старое общество* и появляется *новое*. Различия темпоральной структуры общества и народа / нации проявляются в том, что последовательность обществ во времени имеет «национальную» принадлежность (ср.: *русское общество середины XIX в., конца XVIII в., французское общество 1-й четверти XX в., современное монгольское общество* и т. д. Характерно, что применительно к *народу* возможно лишь *русский народ в середине XIX века…*, но не **народ середины века*).

Таким образом, каждый народ (нация) за свою историю проходит через целую череду генетически связанных обществ (точнее, связь между ними состоит в преемственности власти, относительной общности территории и ее обитателей, т. е. населения, народа, нации). В терминах метафоры СТРОИТЕЛЬСТВО бытие общества на оси времени можно представить как разрушение старых и возведение новых общественных зданий одними и теми же строителями (одним и тем же народом, нацией).

Последовательность обществ на временной оси может интерпретироваться как единый *процесс общественного развития* с различными *стадиями*. В этом случае общество имеет свою *историю* и *законы развития* и является объектом изучения *науки об обществе*.

Следовательно, общество, с одной стороны, включено в историческое время и на каждом синхронном срезе является одной из стадий общеисторического развития, с другой стороны, будучи отдельной и самостоятельной сущностью, имеет свои «внутренние» временные характеристики и описывается посредством распространителей с процессным значением (*развитие, история общества* и пр.).

Из вышесказанного вытекает вывод о том, что термин *общество* в рамках выделяемого словарями основного значения ‘совокупность людей…’ (см. дефиницию) имеет две модификации: первая в основном совпадает со словарным определени-

ем и реализует представление об обществе как о самостоятельной и отдельной от других сущности, а вторая, усеченная, лишена основного компонента ‘совокупность людей’ и сохраняет лишь семы ‘исторической обусловленности’, ‘социальности’, иначе – сохраняет свою «валентность на власть». Вторая модификация обычно реализуется применительно к оси времени, так как именно здесь «высвечивается» разделенность в языковом сознании *народа* / *нации* / *населения* как ‘совокупности людей’ и общества как некого властного механизма, организующего начала.

С двойственным статусом общества во властном отношении связано его положение на метафорической «властной вертикали». Общество как объект власти занимает низлежащее положение по отношению к субъекту власти (государству, властным структурам, конкретному обладателю власти), однако, занимая позицию субъекта власти (обычно по отношению к личности), доминирует над ней.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ермаков С. В., Ким И. Е., Михайлова Т. В., Осетрова Е. В., Суховольский С.* В. Власть в русской языковой и этнической картине мира. М., 2004.
2. *Жданова Л. А.* Общественно-политическая лексика: структура и динамика. Дисс. … канд. филол. наук. М., 1996.
3. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. М., 2004.

СЛОВАРИ

1. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1981.
2. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1992.
3. *Розенталь Д. Э., Теленкова М. А.* Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1985.

ИСТОЧНИКИ

http://ruscorpora.ru

Материалы газет «Аргументы и факты», «Комсомольская правда», «Московский комсомолец» за период 1990-2005 гг.

СОЦИОЛИНГВИСТИКА

Европа в зеркале социолингвистического эксперимента (взгляд из России)

Europe in the Mirror of Sociolinguistic Experiment (View from Russia)

Фролова Ольга Евгеньевна

Frolova Olga Evgenievna

В статье рассматривается восприятие Европы носителями русского языка как пространственной категории и культурного символа.

The article deals with the perception of Europe by Russian language speakers as the spatial category and the cultural symbol.

Ключевые слова: языковая картина мира, эксперимент, коннотации, Европа

Keywords: language world view, experiment, connotations, Europe

Европа в зеркале социолингвистического эксперимента (взгляд из России)

О. Е. Фролова

Осмысление места Европы как пространства и культурного символа представляет собой интересную лингвистическую проблему[16]. Нами предпринята попытка описания российского образа Европы. Цель – выяснить, как в начале XXI в. Европа воспринимается россиянами.

Нами были проведены два опроса. Первый из них был направлен на описания денотата топонима *Европа*, второй – его семантики и ассоциаций, связанных у участников эксперимента с данным стимулом.

Анкета выглядела следующим образом:

Ваш возраст
Студент *гуманитарной специальности*
естественнонаучной специальности
технической специальности
Ваш пол

1) Какие страны географически входят в Европу?
2) Какие страны входят в Евросоюз?
3) Какие страны Вы относите к Европе в культурном плане?

Далее следовала таблица, состоящая из 53 строк по числу стран и четырех столбцов: топоним, география, Евросоюз, культура. В таблицу были включены названия 53 европейских стран: *Австрия*, *Азербайджан*, *Албания*, *Андорра*, *Армения*, *Белоруссия*, *Бельгия*, *Болгария*, *Босния и Герцеговина*, *Ватикан*, *Великобритания*, *Венгрия*, *Германия, Греция*, *Грузия*, *Дания*, *Израиль*, *Ирландия*, *Испания*, *Исландия*, *Италия*, *Казахстан*, *Кипр*, *Косово*, *Латвия*, *Литва, Лихтенштейн*, *Люксембург*, *Македония*,

16 История восприятия Европы в России требует отдельного рассмотрения (см.: [Любарский 2006]).

Мальта, *Молдавия*, *Монако*, *Нидерланды*, *Норвегия*, *Польша*, *Португалия*, *Приднестровская республика*, *Россия*, *Румыния*, *Сан-Марино*, *Сербия*, *Словения*, *Словакия*, *Турция*, *Украина*, *Финляндия*, *Франция*, *Хорватия*, *Чехия*, *Черногория*, *Швеция*, *Швейцария*, *Эстония.*

В первом опросе приняли участие 108 респондентов – 63 студента первого курса медицинского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, а также 45 студентов второго курса факультета лингвистики и межкультурной коммуникации Московского института лингвистики. Возраст респондентов 15-22 года. Приблизительно 70% участников – девушки. Местожительство респондентов на момент опроса – Москва и Московская область. Опрос проводился осенью 2011 и весной 2012 г.

Респонденты должны были поставить отметки напротив названий стран в соответствующих графах, отметив вхождение того или иного государства в географическое, экономическое (ЕС) и культурное пространство Европы.

Перейдем к описанию полученных результатов. Для удобства интерпретации мы разбили результаты на три группы: в первую вошли страны, получившие 90-100%, во вторую – 80-90%, в третью – 70-80%.

Начнем с географии. Как выяснилось при анализе ответов респондентов, география, по-видимому, не воспринимается ими как объективная данность. В первую группу вошли 13 стран: Германия – 108 (100%), Франция – 106 (98,1%), Польша – 104 (96,3%), Чехия – 104 (96,3%), Швейцария – 104 (96,3%), Австрия – 101 (93,5%), Испания – 101 (93,5%), Люксембург – 101 (93,5%), Бельгия – 100 (92,6%), Венгрия – 99 (90,7%), Великобритания – 98 (90,7%), Италия – 98 (90,7%), Швеция – 98 (90,7%). Вторую группу, если так можно выразиться, менее европейских в географическом смысле стран, составили 18 государств: Финляндия – 97 (89,8%), Босния и Герцеговина – 96 (89%), Греция – 96 (89%), Дания – 96 (89%), Латвия – 96 (88,9%), Норвегия – 96 (88,9%), Болгария – 95 (88%), Нидерланды – 95 (88%), Литва – 93 (86,1%), Ватикан – 93 (86,1%), Хорватия – 93 (86,1%), Румыния – 91 (84,2%), Эстония – 91 (84,2%), Словения – 90 (83,3%), Лихтенштейн – 89 (82,4%), Португалия – 89 (82,4%), Ирландия – 89 (82,4%), Словакия – 87 (80,5%). В третью группу вошли 3 страны: Сербия – 79 (79,6%), Черногория – 79 (73,1%), Украина – 77 (71,3%).

В первой группе оказались, в большинстве своем, самые развитые в экономическом отношении государства Западной Европы, а также Чехия, Венгрия и Польша, входящие в списки наиболее популярных туристических маршрутов.

Второй столбец анкеты касался членства государств в Евросоюзе. Как известно, ЕС образован в 1992 г. на основании Маастрихтского договора, вступившего в силу 1 ноября 1993 г., в ЕС входят 27 стран: Австрия, Бельгия, Болгария, Великобритания, Венгрия, Германия, Греция, Дания, Ирландия, Испания, Италия, Кипр, Латвия, Литва, Люксембург, Мальта, Нидерланды, Польша, Португалия, Румыния, Словакия, Словения, Финляндия, Франция, Чехия, Швеция и Эстония. Однако, во-первых, только 17 стран ЕС входят в зону единой валюты Евро, во-вторых, Шенгенское соглашение, не распространяется на Великобританию [Schengen.su – http://www.schengen.su/schengen.htm].

А теперь посмотрим, как респонденты представляют себе Евросоюз. В первую группу (90-100%) вошли Германия – 101 (93,5%), Италия – 100 (92,6%) и Франция – 98 (90,7%); вторую (80-90%) составили Австрия – 91 (84,2%); Испания – 91 (84,2%); Великобритания – 87 (80,5%); третью (70-80%): Бельгия – 79 (73,1%); Нидерланды – 80 (74%); Швеция – 83 (76,8%). У Германии – самый высокий рейтинг и при ответе на вопрос о ЕС. Греция – страна, находящаяся в наиболее тяжелом финансовом положении, получила только 69 голосов (63,9%). Вопросы о географии и ЕС позволяют судить о том, каким образом носители русского языка и культуры представляют себе Европу как денотат. Анализ ответов показывает, что география для респондентов отказывается «окрашенной» экономически.

Европейская культура представлена в опросе так: в диапазон 90-100% попали 3 страны: Германия – 101 (93,5%), Франция – 101 (93,5%), Великобритания – 100 (92,6%); во вторую группу 80-90% 2 государства: Италия – 94 (87%), Швейцария – 96 (88,9%); наконец, в третью группу 70-80% – 6 стран: Австрия – 85 (78,7%), Бельгия – 78 (72,2%), Испания – 85 (78,7%), Нидерланды – 80 (74%), Чехия – 84 (77,8%), Швеция – 86 (79,6%).

И вновь, мы полагаем, что и при ответе на этот вопрос, респонденты исходили из уровня экономического развития страны: не случайно Германия с более молодой культурой опережает античные государства Грецию – 51 (47,2%), Кипр – 33 (30,5%) и христианский Ватикан – 67 (62%) участников.

При анализе ответов на третий вопрос мы должны внести уточнение в интересующее нас понятие культуры. Само слово многозначно. Согласно толковому словарю у него 7 значений: *культура* – «1. Совокупность достижений человеческого общества в производственной, общественной и духовной жизни *Материальная культура Духовная культура* <…> || Совокупность таких достижений в определению эпоху у какого-л народа или класса общества *Социалистическая культу-*

ра <…> || *археол.* Общность археологических памятников определенной эпохи в развитии первобытного общества *Трипольская культура.* 2. Уровень, степень развития какой-л. отрасли хозяйственной или умственной деятельности *Культура земледелия. Культура речи* <…> 3. Наличие условий жизни, соответствующих потребностям просвещенного человека *Культура быта.* 4. Просвещенность, образованность, начитанность…» [МАС 2: 148]. В эксперименте мы имели в виду первое значение существительного *культура*, однако в анкете не было приведено толкование значения данного стимула.

Можно сказать о том, что у респондентов сложились образы Европы и России. Россия входит в Европу географически для 65 человек (60,2%), для 18 (16,7%) Россия состоит членом ЕС. И только 42 респондента считают (39,9%), что российская культура является частью европейской. Вопрос, насколько респонденты владеют набором имен, формирующих русскую «культурную грамотность», остается для нас открытым[17].

Что же показал первый эксперимент? Мы можем сделать несколько выводов. Во-первых, респонденты воспринимают Европу с внешней точки зрения, не включая собственную страну в европейское географическое и культурное пространство. Во-вторых, по мнению студентов, в Европу в меньшей мере входят островные, восточноевропейские государства и республики бывшего СССР. Ответы участников опроса согласуются с толкованием топонима *Европа* в словаре С. Отина: «1. Часть света; 2. Культура, признаки культуры, прогресса; 3. Бытовые удобства; 4. Не наше, не отечественное. 5. Страны (или отдельная страна) Западной Европы; заграница». [Отин 2006: 149, 150]. В интерпретации денотата *Европа* для участников эксперимента происходит процесс сокращения объема понятия: Европой считают только Западную Европу.

Перейдем ко второму опросу. Респондентов просили написать свои ассоциации на стимул *Европа*. В опросе приняло участие 100 человек – студентов Московского института лингвистики и филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. Возраст 17-23 года. Вновь, как и в первом случае, местожительство респондентов на момент опроса – Москва и Московская область. Время проведения – весна 2012 г. Соотношение полов респондентов осталось таким же, как в первом опросе.

Поскольку опрос представлял собой свободный ассоциативный эксперимент, реакции демонстрируют значительный разброс. Для интерпретации полученных результатов мы прибегли к группировке реакций синонимии и по темам. Так, упоминания *архитектуры*, *искусства*, *кино*, *музыки*, *литературы* мы объединили в ру-

16 См. об американской культурной грамотности как совокупности языковых единиц, поддающихся лексикографическому описанию, и о попытке измерить знание американской культуры носителями чешского языка: [Hirsch 2002; Izotov 2010a; Изотов 2010б].

брику *культура*. Термин *культура* встретился в 17 ответах, с учетом упоминаний других видов искусства – в реакциях 29 участников.

Второе тематическое объединение касается цивилизации. «Большой толковый словарь русского языка» (БТС) дает этому слову следующее толкование: «1. Уровень общественного развития, материальной и духовной культуры, достигнутый той или иной общественно-экономической формацией. *Римская, европейская цивилизация. Исчезновение древних цивилизаций*. 2. Современная мировая культура и технические достижения, свойственные ей» [БТС 2002: 1463]. Если попытаться развернуть формулировки *культура* и *технические достижения*, приведенные в толковании БТС во втором значении, то сюда войдут современные технологии, высокий уровень жизни населения, комфорт, хорошие дороги.

Именно под рубрикой *цивилизация* мы сгруппировали ответы: *цивилизация*, *благополучие*, *порядок*, *технологии*, *уровень*, *стабильность*, *комфорт*, *чистота*, *дороги*. Так или иначе, о цивилизации в Европе написали 44 респондента.

Сравним количество ответов, в которых респонденты написали о цивилизации и о культуре, и мы получим такое соотношение: 44% и 29%,. Следовательно, мы можем говорить о том, что и во втором эксперименте обнаружилась цивилизационная, или прагматическая, тенденция в оценке Европы как более развитой и стабильной в экономическом отношении территории.

Подводя итоги, скажем, что два проведенных нами эксперимента показали, что Европа как пространственная категория представляется участникам эксперимента как мозаичное поле, в котором можно выделить центр (Германия, Франция, Польша, Чехия, Швейцария, Австрия, Испания, Люксембург, Бельгия, Венгрия, Великобритания, Италия, Швеция) и периферию, расходящуюся кругами, подобными годовым кольцам дерева. Первый опрос показал, что уровень экономического развития определяет для респондентов и вклад той или иной страны в европейскую культуру. Большее внимание участников опроса к цивилизационным (экономическим) факторам показал и второй свободный ассоциативный эксперимент. Россия, по мнению участников, если и мыслится как государство, принадлежащее к Европе географически, то не входит в культурное пространство Европы, т. к. на этот вопрос мы получили положительный ответ только от 39% участников. Последнее обстоятельство можно интерпретировать как взгляд на Европу с внешней точки зрения. Если же прибегнуть к объяснению отношений Европы и России в терминах оппозиции *свой / чужой*, то следовало бы сказать, что для опрошенных нами молодых москвичей Европа не является чужой, но и своей тоже пока не стала.

ЛИТЕРАТУРА:

1. *Барминьский Е.* Языковой образ мир: очерки по этнолингвистике. М.: Индрик, 2005.
2. *Березович Е. Л.* Русская национальная личность в зеркале языка (опыт сопоставительного изучения различных лингвокультурологических источников) // Русский язык в контексте культуры. Екатеринбург, 1999. С. 31-42.
3. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2002.
4. *Вежбицка А.* Язык. Культура. Познание: Пер. с англ. М.: Русские словари, 1996.
5. *Гудков Д. Б.* Прецедентное имя и проблемы прецедентности, М.: Изд-во МГУ, 1999.
6. *Зализняк Анна.А., Левонтина И. Б. Шмелев А. Д.* Константы и переменные русской языковой картины мира. М., Языки славянских культур, 2012.
7. *Карасик В. И.* Языковая матрица культуры. М.: Гнозис, 2013.
8. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987.
9. *Кобозева И. М.* Немец, англичанин, француз и русский: выявление стереотипов национальных характеров через анализ коннотаций этнонимов //Вестн. Моск. ун-та. Сер.9. Филология. 1995. № 3. С. 102-117.
10. *Красных В. В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003.
11. *Лихачев Д. С.* Концептосфера русского языка // Известия РАН. Серия литературы и языка. Т. 52. 1993. № 1. С. 3-9.
12. *Любарский Г.* Россия и Европа: зазеркальная граница // Социальная реальность. 2006. № 3. С. 87-90.
13. Словарь русского языка (МАС). Под ред. А. П. Евгеньевой. В 4-х. т. М., 1985-1988.
14. *Отин Е.* Словарь коннотативных собственных имен. М. – Донецк: ООО «А Темп», 2006.
15. *Постовалова В. И.* Картина мира в жизнедеятельности человека. // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира: Сб. ст. / Б. А. Серебренников (отв. ред.), Е. С. Кубрякова, В. И. Постовалова и др. М.: Наука, 1988. С. 8-69.
16. *Степанов Ю. С.* Константы: словарь русской культуры. Изд-е 2. М.: Академический проект, 2001.
17. *Толстая С. М.* Семантические категории языка культуры: Очерки по славянской этнолингвистике. М.: УРСС, 2010.
18. *Толстой Н. И.* Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.
19. *Топоров В. Н.* Модель мира // Мифы народов мира. т. 2. М.: Сов. энциклопедия, 1992 (а). С. 161-164.

20. *Урысон Е. В.* Языковая картина мира vs. обиходные представления (модель восприятия в русском языке) // Вопросы языкознания. 1998. № 2. С. 3-21.
21. *Шабес В. Я.* Континуально-дискретная репрезентация ценностных концептов // Проблемы социо- и психолингвистки. Вып. 15. Пермская социопсихолингвистическая школа: идеи трех покорений. К 70-летию Аллы Соломоновны Штерн: Сб. ст. Пермь, ПГУ, 2011. С. 46-73.
22. *Яковлева Е. С.* Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М.: Гнозис, 1994.
23. *Gardiner A.* The Theory of Proper Names. London, 1940.
24. *Hirsch E. D., Kett J. Trefil J.* The New Dictionary of Cultural Literacy. Boston, NY., 2002.
25. *Izotov A.* American Cultural Literacy Phenomena in the Mirror of Czech National Corpus: Literature, Mythology, Folklore. Moscow, Азбуковник, 2010.
26. *Schengen.su* – http://www.schengen.su /schengen.htm.

ИСТОРИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Механизмы формирования научного стиля церковнославянского языка XVII века (на примере географических сочинений)

Mechanisms for the Formation of the Scientific Style of Church Slavonic XVII Century (for example geographical works)

Николенкова Наталья Владимировна

Nikolenkova Natalia Vladimirovna

В статье речь идет о некоторых моделях создания терминов и терминологических понятий, выбираемых переводчиками с латинского на церковнославянский язык, в частности Епифанием Славинецким, на раннем этапе формирования в рамках книжно-письменного языка научного стиля. Ряд лексем, созданных ими, относятся к окказионализмам, но сами модели оказываются востребованными в языке науки нового времени.

In this article we focus on some models to create the terms of concepts and terminology, selected translators from Latin into Old Church Slavonic, including Epiphany Slavinetsky, at an early stage of formation in the books and the written language of scientific style. A number of tokens created by them, are occasional usage, but the models are in demand in the language of modern science.

Ключевые слова: научный стиль, принципы перевода

Keywords: scientific style, principles of translation

Модели формирования научного стиля церковнославянского языка XVII века (на примере географических сочинений)

Н. В. Николенкова

В исследованиях, посвященных истории русского литературного языка, вторая половина XVII века описана как время «обильной переводческой деятельности» [Камчатнов 2005: 249]. Тематическое и жанровое разнообразие выбираемых для перевода текстов (латинских, польских, греческих и т. д.) позволяет говорить о расширении границ книжно-письменного языка и начале его дифференциации в пределах разных функциональных стилей. Выбор сочинений для перевода способствует постепенному формированию нового стиля – научного. Надо заметить, что при регулярном упоминании об этом важном процессе сами научные сочинения не исследованы, а структура их сходства / различия со стандартным церковнославянским языком XVII века не выявлена.

Текст, о котором пойдет речь в нашей работе, регулярно упоминается при описании эпохи патриарха Никона, при разборе трудов Епифания Славинецкого и круга московских книжников-грекофилов. Это перевод огромного труда голландских картографов первой половины XVII века, сборник географических карт с описанием различных стран и земель, составленный Вильгельмом и Иоанном Blaeu в Амстердаме в первой половине XVII века[18].

Внимание к переводу Большого Атласа Блау было привлечено еще в 40-е годы XIX века. В декабре 1846 г. Н. Абрамовым сделан доклад в Императорском Русском Географическом обществе об исследовании им «очень замечательной» рукописи, относящейся к началу 2-ой половины XVII столетия и «писанной монахомъ Епифаніемъ Славеницкимъ»[19]. Дальнейшее, хотя и крайне поверхностное изучение текста подтвердило и «замечательность» его, и авторство Славинецкого. Это в свою очередь побудило Ф. И. Буслаева включить ряд фрагментов из пере-

18 Theatrum orbis terrarium, sive Atlas novus in quo tabulae et descriptions omnium Regionum. Editae a Guiljele et Ioanne Blaeu. Amsterdami. Anno 1645 (мы пользуемся латинским текстом, хранящимся в ГИМ Москвы – № 54000/ГО-5683/1).

19 Космография, относящаяся к началу второй половины XVII стол. Перевод с иностранного монаха Епифания Славинецкого. Сообщено Н. Абрамовым // Известия императорского Географического общества. 1866, Т. 2, № 3. С. 96–97.

вода Атласа Блау в свою Хрестоматию [Буслаев 2004: 1185-1190]. Позднее перевод Атласа Блау привлекался в качестве материала для описания истории научной мысли в России, при этом из всего обширнейшего текста историков науки интересовало лишь вступление, в котором излагается в том числе учение Коперника (единственное свидетельство об определенном знакомстве в России XVII века с гелиоцентрической системой).

Необходимо отметить, что и те весьма немногочисленные фрагменты Атласа, которые были опубликованы, не соотнесены с латинским оригиналом; церковнославянский текст также не был лингвистически изучен. Наше исследование оказывается первым и определяет задачи изучения данного перевода [Николенкова 2010]. Фундаментальность работы, объем и характер заключенных в нем сведений требует признать его первым серьезным естественнонаучным сочинением в области географии, переведенным в допетровский период. Характер сведений по географии, астрономии, политической истории существенно отличает текст перевода от ряда других Космографий, попавших в XVI-XVII веке в Россию.

Латинский оригинал «Theatrum orbis terrarumn sive Atlas novus» составлялся Вильгельмом и Иоанном Blaeu (отцом и сыном) в Амстердаме в период с 1635 по 1665 годы. В Россию попало издание 1645 года – роскошные тома в полный лист, с высоким качеством печати, в переплете из белой кожи заказаны, по-видимому, патриархом Никоном [Никон 2004: 96-97]. При описи «домовой казны» патриарха в числе его личного имущества показаны «семь книг в белых кожах, большие, печатные на Латинском языку… книга описание всеа земли, книга описание ж всех частей поморские земли, две книги козмографии третье части, одна с прибавкою, книга вторая часть земли козмографие ж, две книги четвертой части той же козмографии»[20].

О церковнославянском переводе можно сказать следующее: работа над ним велась во второй половине 50-х годов XVII века. Латинский оригинал был разделен между Епифанием Славинецким, Арсением Сатановским и Исайей Чудовским. Они перевели текст в черновом варианте: эти переводы содержатся в рукописях Син. 779 (Славинецкий, первая часть), 781 (Сатановский, вторая часть), 780 и 41 (Исайя, третья и четвертая часть). Черновые экземпляры Син. 779, 781 и 780 переписаны набело – соответственно Син. 19, 112 и 204. Беловой экземпляр последнего тома (Син. 41) сделан не был. Син. 19 и Син. 112 схожи оформлением: Син. 19 писан одним почерком (русской четкой скорописью), этот же почерк отмечен в

20 (Сочинения Григория Скибинского). Переписная книга домовой казны патриарха Никона (текст по изд.: Переписная книга домовой казны патриарха Никона, составленная в 7166 году по велению царя Алексея Михайловича // ВОИДР. Кн. 15. М., 1852). Рязань, 2009. С. 453.

Син. 112 с листа 71 [Соболевский 1903: 62]. Обе рукописи имеют на первых листах вкладную патриарха Никона (собственноручную) в Ново-Иерусалимский монастырь с датой 1661. Беловик Син. 204 имеет иной тип оформления – писан русским полууставом разных рук, с использованием киноварных заголовков. На лл. 1-9 рукописи – вкладная в Ново-Иерусалимский монастырь от 1666.

Можно предположить, что работа над самими переводами шла практически одновременно во второй половине 50-х годов XVII века, беловой экземпляр первого и второго тома сделан в 1658-1659 гг., чуть позже началась работа над третьим томом, беловик же четвертого тома – описание Англии – не был приготовлен. Объем текста весьма значителен: общий объем при расчете рукописей в лист вместе с черновиком Син. 41 составит 1729 листов.

Переходя к анализу текста, сразу отметим, что по характеру перевода его можно разделить на неравные части. Одна – меньшая – это вступление, «Ввождение в космографию» (далее ВВК). По нашему предположению, этот перевод был сделан ранее второй половины 50-х гг., вероятно, еще в период преподавания Славинецкого и Сатановского в Киевской братской школе (именно поэтому в комплекте черновых рукописей ВВК отсутствует). Характер перевода делает текст более ясным и простым, что определило его распространение. Во второй половине XVII – первой половине XVIII вв. ВВК включается в разные сборники научных сочинений; на сегодняшний день обнаружено пять сохранившихся списков, не находящихся между собой в отношениях протограф – антиграф, что свидетельствует о частотности копирования сочинения. В сохранившихся списках ВВК оказывается в окружении «Диалектики», «Математики», «Риторики» и некого «медицинского наставления» (Q. XVII.6; Q. XVII. 31 и Соф. 1510, хранящиеся в РНБ), что свидетельствует о восприятии ВВК как научного сочинения.

Остальной (больший, основной) объем текста перевода сохранился только в авторских черновиках и беловиках. Мы считаем, что причиной этого был язык перевода, который местами столь темен, что понять его смысл без латинского оригинала невозможно.

Структура ВВК и основной части отличается. ВВК состоит из отдельных глав, в которых содержатся общие сведения астрономического характера, основы общей географии и рассказ об освоении различных частей земли: главы «О разнстве между Космографіею, Географіею, и Хорографіею», «О зонахъ или Поясахъ, и о различныхъ именахъ жителей земныхъ», «О величестве земли и разделеніи странъ по долготе и

широте», «О плаваніихъ древнихъ же и новеиших»[21]. Объем вступления – 18 листов в рукописи Син. 19. В основной части сочинения идут описания отдельных стран и земель, начиная с Северной Европы (Исландия, Норвегия, Дания, Литва и т. д.). Каждая территория описана с точки зрения географической (реки, моря, заливы, горы) и социально-политической (столица, население, вероисповедание, правители).

Несмотря на структурные различия и выявленную дистанцию во времени перевода, можно обнаружить общие признаки, характерные для формирования механизма создания научного стиля.

В первую очередь к ним относятся:

1. Активное создание сложных слов не только на базе сложных слов оригинального текста, но и в соответствии с однокорневыми образованиями. Если на более раннем этапе переводческой деятельности сложное слово перевода означало наличие такого же по структуре в оригинале, то переводчики второй половины XVII века используют уже сложившуюся в церковнославянском языке модель. К примеру, в главе «Литва» встречаем: «Кімвряне ратный народъ егда вІталіи *злослучне* вещи содеяша…» (л. 51 об. Син. 19). Лексема «*злослучне*» образована искусственно. Латинское «īn-fēlīciter» – «несчастливо» – усложнено переводчиком с опорой на одно из значений «felix» («благополучно»), при этом образовано сложное слово, не известное ранее церковнославянскому языку. Но данная модель (с начальным «зло-») широко распространена в церковнославянском языке [СлРЯ XI-VII: 17-36], что свидетельствует о сознательной ориентации переводчиков на известную книжно-письменному языку конструкцию.

   Этот механизм можно обнаружить и в ВВК. Окказионализмы «чистозрительный», «мернорастворенный», «многоценный» опираются на соответствующие значения латинизмов, но не имеют отношения к морфемной структуре переводимых слов. При этом из текста ВВК выявляется еще одна особенность подхода переводчика к работе над текстом: при создании слова с опорой на сложное латинское он пробует различные формы передачи корней, выбирая наиболее подходящий для церковнославянского языка вариант. Скажем, «beneficium» передано как «благодеяние» и «благотворение» (на л. 15 оба варианта в пределах одного абзаца); «geograph-» – как «землесписатель», «странописатель» и т. д. Работа над созданием сложного слова продолжена и в основном тексте (для перевода «mediterraneus» конкурируют «межиземный» и «средоземный», в основной части перевода предпочтительнее оказывается второй вариант).

21 Все цитаты даются по рукописям с существенным упрощением орфографии.

В целом ряде случаев мы можем констатировать, что стремление Славинецкого к выбору композита в переводе со временем превращалось в основной принцип перевода. Скажем, в «Лексиконе латинском» лексема «monarcha» передана как «монарха, единоначальник»[22], в «Лексиконе словено-латинском» предлагается перевод «единовластелинъ». В переводе Атласа Блау мы отмечаем такое словоупотребление: «и Россійскому игу покоренъ, яко кня (з) кіевскій, Россіи древле *самоначальникъ* о (т) нихъ» («Rutenorumque jugo subjecta, ut princeps Kioviensis, Russiae quondam *monarcha*»).

2. Стремление к максимальной архаизации текста, к выбору ушедших / уходящих из языка форм. Стандартной тенденцией в стандартном церковнославянском языке является замена архаичного варианта на современный эпохе создания текста, однако Славинецкий и его товарищи сознательно включают в язык науки мало употребительный вариант. Одним из наиболее ярких примеров будет использование лексемы «непщевати», «непщевание» в соответствии с латинским «sententia». Лексемы с корнем «непще / а / ь-» отмечены в [СлРЯ XI-XVII: 261], но анализ примеров показывает, что к XVII веку они уже выходили из употребления, большая часть примеров относятся к XVI веку, примеры XVII века немногочисленны. Осознанность выбора Славинецким именно малоупотребительной лексемы «непщевати» становится очевидной при сопоставлении перевода «Атласа Блау» с «Лексиконом латинским», составленном в 40-е годы. «Sententia» в нем передана словами «мнение, разумение, сказаение, повест (ь), краткоречение, умишление»[23]. Слово в лексиконе толкуется наиболее понятным образом, однако для создания функционального стиля выбран редкий вариант.

   Тенденция использования архаичных лексем в церковнославянском как в языке науки сохранится и в первой половине XVIII века [СлРЯ XVIII: 38-39]. Словарь Академии Российской для этого корня отмечает, что это «ветхое Славенскаго языка грамматическое учение весьма есть грубое… Наречия обретаются обветшалыя, да и чтущим неудоборазуменныя». Как раз для «ученого» стиля такое использование оказывается возможно. Таким образом, Славинецкого и круг его соавторов отличает филологическая прозорливость – ряд стратегий, использованных в данном переводе, оказались впоследствии востребованными в языке науки XVIII века.

22 Лексіконъ латинский» Є. Славинецького. «Лексикон словено-латинський» Є. Славинецького та А. Корецького. Сатановського / підгот. до вид. В.В. Німчук. Київ: 1973, С. 272; 446.
23 Німчук, указ.соч. С. 368.

3. Стремление к максимально точной передаче латинского оригинала – активное создание лексем путем поморфемного перевода. Окказионализмы этого типа известны из переводов с греческого языка XI-XVII вв., встречаются они и в переводах с латыни (например, в Геннадиевской Библии 1499 г. и в переводах кружка князя Курбского). Традицию создания данных форм продолжает Славинецкий: «сосести» (= consedisse), «избременяются» (= exonerantur); «низтичющь» (= decurrens) и многие другие примеры показывают актуальности данной модели. Иногда приставочное образование формируется в связи с необходимостью точнее передать смысл латинского слова (на с. 51 об. Син. 19 встречаем «отродный» для перевода «oriundam»). В данном случае мы видим преемственность подходов к принципам перевода, сформированным в рамках церковнославянской письменности в течение нескольких веков.

Обобщая сказанное выше и результаты проводимого в настоящее время исследования рукописи, мы можем сделать предварительные выводы о путях формирования научного стиля в рамках книжно-письменного языка XVII века. Основной вывод заключается в том, что научный стиль начинает складываться именно как разновидность церковнославянского языка – «ученого» церковнославянского, как охарактеризовал его А. И. Соболевский. К процессу создания нового стиля переводчики подходят осознанно, применяя уже сложившиеся принципы и находя новые механизмы трансформации оригинала. Научный стиль встраивается в систему высоких «еллинско-славянских» стилей [Виноградов 1982: 13-23], при этом, даже когда «еллино-славенский» теряет свое организующее значение в системе русской литературной речи, научный церковнославянский продолжает сохранять позиции вплоть до XVIII века. Определенные черты, отмеченные нами в переводе Атласа Блау, обнаруживаются даже в языке М. В. Ломоносова [Николенкова 2001]. Поэтому процесс выявления и изучения текстов, относящихся к раннему периоду формирования языка русской науки, кажется нам важным направлением в области истории языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Буслаев Ф. И.* Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков. М., 2004 (репринт).

2. *Виноградов В. В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX веков. Изд-е 3-е. М., 1982.

3. *Камчатнов А. М.* История русского литературного языка: XI – первая половина XIX в. М., 2005.

4. *Николенкова Н. В.* Формирование научного языка XVII-XVIII вв.: предшественники М. В. Ломоносова // Ломоносовский сборник. М., 2001.

5. *Николенкова Н. В.* Церковнославянский перевод Атласа Blaeu: нерешенные вопросы // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология, 2010, № 6. С. 86-98.

6. *Никон,* Патриарх. Труды. М., 2004.

7. Словарь русского языка XI-VII вв. (СлРЯ XI-VII). М., 1975 – наст.вр.; вып. 6.

8. Словарь русского языка XVIII века (СлРЯ XVIII). Л., 1984-1991. (Вып. 1-6); СПб., 1992 – наст.вр. (Вып. 7 и далее); вып. 15.

9. *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV-XVII веков. СПб., 1903.

Количественное восприятие пространства: пролегомены к изучению количественных показателей в «Повести временных лет» (Статья 1)

Quantitative Perception of Space: Prolegomena to the Study of Indicators of Quantity in «Povest Vremennych Let» (Article 1)

Савельев Виктор Сергеевич

Savelyev Victor Sergeevich

В статье рассматриваются различные аспекты, связанные с количественным восприятием пространства носителями (древне) русского языка. В качестве материала исследования используются языковые единицы, значения которых отражают связь между категориями количества, пространства и времени, воплощают принципы дискретного и недискретного восприятия объекта, выражают воприятие пространства как пустого или наполненного, оценивают степень наполненности пространства и расположение в нем объектов по отношению друг к другу и, как следствие, реализуют оппозиции «упорядоченность» *vs.* «хаотичность», «недостаточность» *vs.* «соответствие мере» *vs.* «чрезмерность».

This article is devoted to various aspects of quantitative perception of space, which are reflected in use of adjectives in speech of native speakers of (Old) Russian language. The object of research are the language units, which meanings demonstrate the relation between categories of quantity, space and time, have as a basis discrete and not discrete perception of object, express the perception of space as empty or filled, give an assessment of degree of fullness of space and an arrangement of objects in it on the relation to each other and, as a result, realize oppositions ″the orderliness″ *vs.* ″the randomness″, ″the insufficiency″ *vs.* ″the compliance to a measure″ *vs.* ″the excessiveness″.

Ключевые слова: количественное восприятие пространства, связь между категориями количества, пространства и времени

Keywords: quantitative perception of space, the relation between categories of quantity, space and time

Количественное восприятие пространства: пролегомены к изучению количественных показателей в «Повести временных лет» (Статья 1)

В. С. Савельев

Одной из особенностей наивной картины мира, воплощенной в языке, является то, что носитель языка оценивает объекты воспринимаемого им мира **количественно**. **Категория количества** воплощается, в частности, в значениях различных лексических единиц (в первую очередь, адъективных), анализ которых является целью данной статьи[24].

«В логике категориями считаются предельно общие, фундаментальные понятия, отражающие наиболее существенные, закономерные связи и отношения реальной действительности и познания, какими являются материя, движение, пространство, время, сознание, отражение, истина, тождество, противоречие, содержание, форма, количество, качество, необходимость, случайность, причина, следствие и др.» [Тошович 2005: 105].

Значения, объединяющие лексические единицы, о которых пойдет речь, имеют отношение, прежде всего, к категории **количества**. Категория количества, с одной стороны, связана с другими категориями, в частности – с категориями **пространства** и **времени**, а с другой – проявляется в ряде характеристик, каждая из которых требует особого рассмотрения.

«Количеством Аристотель считал то, что может быть разделено на составные части, каждая из которых является чем-то одним, данным налицо [Аристотель

23 Публикуемая статья является первой в цикле статей, посвященных анализу адъективных показателей количества; в последующих статьях мы планируем обратиться к анализу адъективных показателей количества в «Повести временных лет» (далее – ПВЛ).
Теоретической базой работы являются данные исследователей как истории, так и современного состояния русского языка: очевидность генетического родства многих концептов, реконструируемых как по современным, так и по древним текстам – при всех существующих различиях – приводит к пониманию того, что первоосновы русской культуры – вне времени, но в языке. Собственно, поиск этих начал, сохраняющихся в языке и сохраняющих язык и культуру, – одна из основных задач русской филологии.

1976]. Среди известных категорий Аристотеля (их всего десять) количество занимает вторую позицию после сущности (субстанции). В четырехчленной категориальной системе И. Канта количество занимает первую позицию. Оно расчленяется на три подкатегории: а) единство, б) множество, в) цельность. Г. Ф. Гегель в рамках первой в его системе категории – бытия – выделял, кроме качества, две квантитативные категории: количество и меру. <…> Для Г. Ф. Гегеля количество – внешняя по отношению к бытию, безразличная для него определенность: «Все вещи имеют свою меру, т. е. количественную определенность, и для них безразлично, будут ли они более или менее велики; но вместе с тем это безразличие также имеет свой предел, при нарушении которого (при дальнейшем увеличении или уменьшении) вещи перестают быть тем, чем они были» [Hegel 1975]. <…> В других исследованиях выделяются основные параметры количественной семантики в виде оппозиций: 1) расчлененность / нерасчлененность; 2) кардинальность / ординальность, 3) внешнее / внутреннее количество, 4) определенность / неопределенность, 5) суммарность / дистрибутивность, 6) однородность / неоднородность [Тураева / Биренбаум 1985; 1988]» [Тошович 2005: 110, 114].

Самым тесным образом категория **количества** связана с категорией **пространства**: ставшее классическим различение ньютоновского абстрактного («пустого») и лейбницевского относительного («одушевленного», «населенного») пространств связано с воплощением принципа **дискретности**, необходимого именно для различного количественного определения объекта. «Параметр дискретности / недискретности квантифицируемого объекта связан с тем, что количественная оценка может быть дана как дискретным множествам, так и недискретным объектам. В первом случае оценка дается числу элементов квантифицируемого множества (*пять яблок, несколько человек, многие лингвисты, уйма крыс*); во втором – объектом количественной оценки оказывается «величина» объекта, обычно рассматриваемая с точки зрения некоторого измерения: веса, объема, площади (*пуд соли, литр молока, тридцать метров жилплощади, много воды*). Представление о «количестве» недискретного объекта весьма близко представлению о его размере; не случайно в русском языке, как и в ряде других, сравнительная степень слов *много* и *мало*, указывающих на количество, совпадает со сравнительной степенью прилагательных *большой* и *маленький*, указывающих на размер» [Шмелев 2005: 512, 513].

Способность человека видеть различия и сходства между объектами восприятия (воспринимать мир *дискретно*) приводит к особому осмыслению зрительно постигаемого мира: для наблюдателя пространство представляет собой некое вместилище разнородных и однородных «вещей». Это архаическое представление о пространстве коррелирует с иным пониманием пространства, объективизированным,

мыслимым вне категории человеческого восприятия. «Современные ученые, изучающие концепт пространства, неизменно возвращаются к идеям В. Н. Топорова, высказанным в его работе начала 80-х. В ней он утверждает, что существует два понимания пространства по Ньютону и по Лейбницу и что различия эти сводятся в конечном счете к тому, что одно – отвлечено от человека-наблюдателя, другое, напротив, «одушевлено» его присутствием, определяется «порядком сосуществования вещей» [23, 228]» [Кубрякова 2000: 90][25]. «В работе «Пространство и текст» В. Н. Топоров пишет о двух пониманиях пространства: по Ньютону и по Лейбницу. В первом случае пространство – «нечто первичное, самодостаточное, независимое от материи и не определяемое материальными объектами, в нем находящимися…». Во втором случае пространство – «нечто относительное, зависящее от находящихся в нем объектов, определяемое порядком сосуществования вещей…» [Топоров 1983, 228]» [Яковлева 1994: 16]. «Таким образом, ньютоновское пространство является некоторой объективацией идеи пространства, принципиальным отвлечением от фактора восприятия пространства человеком; у Лейбница же пространство «одушевляется» человеческим присутствием, оно трактуется, прочитывается человеком. Ньютоновское пространство принадлежит физике и геометрии; лейбницевское же относится, скорее, к области человеческих представлений о мире, так сказать, «наивной философии» мира. «Постулаты» этой философии лежат в основании картины мира» [Яковлева 1994: 18, 19]. Именно этот «одушевленный» тип восприятия пространства, связывающий его с «вещами», признается первичным.

«Можно <…> предположить, что первоначально выделяемые тела противопоставлялись той «пустой» среде, из которой они выделялись симультанно с нею. Другое дело, что концепт предмета приобретал с самого начала более определенные очертания и более определенную трактовку, ибо этот концепт был связан с непосредственно наблюдаемыми и перцептуально воспринимаемыми характеристиками (кстати говоря, гораздо более определенными, чем при восприятии движений). Понятие же пространства, чего-то расстилающегося перед человеком во все стороны, среды, в которой человек может свободно перемещаться сам и свободно перемещать доступные ему объекты, промежутка между объектами, протяженности и т. д. – все эти черты бытия лишь постепенно включались в структуру понятия, обозначенного словом «пространство», которое тем самым становилось многозначным и развивало новые и новые значения» [Кубрякова 2000: 90]. «В архаической модели мира пространство оживлено, одухотворено и качественно разнородно. Оно не является

24 Заметим, что допускается возможность и более раннего осознания двоякой природы пространства в его отношении к миру: «…некоторые исследователи считают, что уже стоики Древней Греции различали два понятия «мир» – «мир как все» и «мир как целое»; под первым они понимали соединение «мира» и «пустоты», а под вторым систему «существующих» (вещей, людей, сущностей), связанных отношениями симпатии, – см. Lalande, 1167. Однако пока система стоиков в целом остается не реконструированной, трудно сказать с уверенностью, соответствует ли это различение тому, о котором говорим здесь мы» [Степанов 2004: 224, 225].

идеальным, абстрактным, пустым, не предшествует вещам, его заполняющим, а наоборот, конституируется ими. Оно всегда заполнено и всегда вещно; вне вещей оно не существует» [Топоров 1988: 340]. ««Мир наполнен вещами» – таков древнейший тип ответа на поставленный вопрос. При этом, конечно, пространство мира мыслится как пустое пространство, в котором только и могут разместиться «вещи» (человек в этом, обобщенном, смысле тоже «вещь»)» [Степанов 2004: 113].

Итак, изначальной мерой пространства являются «наполняющие» его «вещи»[26]. Таким образом, важным оказывается, какое именно положение в пространстве занимает вещь (в том числе и сам наблюдатель) по отношению к другим вещам, т. е. каково ее **место**. «Как пишет в своей прекрасной книге А. Я. Гуревич, «пространство в средние века понималось особым образом – об этом свидетельствует и то, что такого понятия, собственно, и не существовало: spatium имело иной смысл – протяженность, «промежуток», locus же означало место, занимаемое определенным телом, а не абстрактное пространство вообще» [11, 19]. Диахронический подход позволяет нам утверждать, таким образом, что если речь идет о реконструкции концептов, входящих в первичные концептуальные системы, а именно они отразились и в генезисе языка, то восстановлению подлежит именно концепт места. Только с современной точки зрения место может быть, действительно, объяснено через пространство, с исторической же точки зрения первичен скорее всего концепт места» [Кубрякова 2000: 86].

Таким образом, можно сказать, что изначально пространство мыслится как совокупность мест, занимаемых вещами, т. е. мыслится дискретно. Именно такое в***и***дение мира человеком отражает естественный язык. «Вербальные описания пространства вне философского и научного контекстов, со всей очевидностью, воплощают стандартно-бытовое понимание пространства. Это обыденное понимание пространства отличается как от научного, так и от мифопоэтического, при этом имея с ними ряд общих черт. Общим для всех концепций пространства (кроме ньютоновского «пустого») является его неразрывная связь с вещами (материальными объектами). Обыденное описание пространства, будь то ландшафт, интерьер или «то, что лежит на столе», представляет собой, по сути, перечисление размещающихся в нем «вещей» с указанием ориентации одной вещи относительно другой. Таким образом, обыденное пространство есть объектно-заполненное пространство. Как и в случае мифопоэтического понимания, оно организуется, конституируется вещами. Однако структура обыденного пространства, создаваемая «населяющими» его объектами, не наделена тем глубоким мировоззренческим смыслом, который характеризует структуру мифопоэтического простран-

26 В исследованиях, посвященных данной теме, термины **наполнение** и **заполнение** пространства используются как синонимичные.

ства. Чертой, сближающей обыденное понимание пространства с мифопоэтическим, является его дискретность, составность, членимость на отдельные фрагменты, соотносимые с организующими его объектами» [Кобозева 2000: 154].

При этом крайне важно то, что «размещение» вещи в пространстве не является случайным: (пред) определенность места данной вещи мыслится как необходимое ее качество. Таким образом, многие понятия, составляющие категорию количества, применяемые по отношению к пространству, выступают как деонтические или аксиологические: степень **наполненности** пространства вещами и **расположение** их по отношению друг к другу мыслятся как соответствующие или несоответствующие **норме**[27] и, как следствие, как положительно или отрицательно оцениваемые – отсюда рождаются оппозиции «упорядоченность»/«хаотичность», «недостаточность» / «соответствие мере» / «чрезмерность» и др.[28]

Идея наполненности и упорядоченности неразрывно связана с противопоставлением **хаоса** и **космоса**[29]. Изначально хаос – это пустота: ««мифологический» *хаос* мыслится как пустота ('зев', 'зевание', 'зияние', 'пустое протяжение'), а также воздух, влага и т. д.» [Брагина 2003: 25]. Пустота хаоса связана с отсутствием, несуществованием: «…если «бытие означает присутствие» [Хайдеггер 1991б], то указание на отсутствие может означать небытие объекта» [Яковлева 1994: 44]. Только бытие может быть истинным, т. е. действительно сущим. Так, раскрывая понятие истины, «В. И. Даль дает развернутое определение, включая в него и культурологические признаки: «*Истина* – противоположность лжи; все, что верно, подлинно, точно, справедливо, что есть (все что *есть*, то *истина*; не одно ль и то же *есть* и *естина, истина*?) …»» [Колесов 2004: 527].

Не будучи истинным, сущим, хаос подвергается трансформации: пустота заполняется вещами. Однако это по-прежнему хаос, т. к. заполнение это не обладает упорядоченностью: «идея пустоты трансформировалась в идею беспорядочной за-

27 «Семантический элемент 'норма' считается неопределяемым. Тем не менее, это весьма богатое понятие, которое можно пояснить, описать: «норма обозначает такое положение вещей, которое должно представляться (или представляется) большинству говорящих как наиболее вероятное в данной конкретной ситуации» [Апресян 1974: 74]» [Языковая картина мира 2006: 714].

28 Вообще, количественная оценка объекта тесно связана с аксиологической его оценкой: «в любом языке количество не просто обозначается, оно осмысляется, интерпретируется, аксиологизируется в соответствии с установками культуры» [Вендина 2007: 270].

29 «Хаос (от греч. χάος, имя от глагола χάσκω 'разверзаюсь, зияю, зеваю') – первичное бесформенное состояние материи. В греческой философии – начало всякого бытия, физическое вместилище вещей. Позднее хаос начинает пониматься как первозданное беспорядочное состояние элементов, способных к умножению и творению. Хаос становится как бы всепорождающим и всепоглощающим началом. Его основное свойство – движение. <…> Космос (греч. κόσμος, первоначально значившее 'наряд', 'украшение') – целостная и гармоническая структура, ряд, строй, устройство, порядок. Космосом называли также сферическую часть Вселенной, окруженную хаосом. В отличие от хаоса, космос внутренне организован, упорядочен, уравновешен и статичен. Хаос безмерен, в космосе царят мера и пропорция. Хаос непрерывен, космос дискретен. Он обладает целостной формой» [Арутюнова 2003: 3].

полненности пространства вещами – «овеществленной пустоты»» [Брагина 2003: 25]. Только упорядоченный хаос становится космосом. «Хаос и космос, порядок и беспорядок одновременно неразлучны и враждебны друг к другу: хаос постоянно стремится к самоорганизации, а космос – к распаду и дезорганизации. Хаос и космос вездесущи. Они распределены по всем сферам Вселенной. Нет такой области, в которой нельзя было бы наблюдать самые разные формы порядка и беспорядка, существующие как в статике, так и в динамике, как в пространстве, так и во времени» [Арутюнова 2003: 6].

Наполненность и упорядоченность как необходимые качества космоса – того гармонического порядка, к которому стремится бытие человека, – становятся теми критериями, которыми человек меряет познаваемый (осваиваемый) им мир.

Освоение пространства, т. е. превращение его в *свой* мир, направлено от человека извне: «мир <…> осваивается человеком от «себя», от ближайшего пространства, – к пространству «вне себя», к более дальнему» [Степанов 2004: 221]. «В формировании пространственных номинаций ярко проявляется принцип, сформулированный в древности Протагором: Homo mensura – «Человек – мера всех вещей». Пространственные номинации образуют четыре концентрических расширяющихся круга, происходя от понятий: *человек – дом – страна – мир*. С понятием «человек» связаны понятия, касающиеся самого устройства человека, его способностей, его движений и действий, наконец, предметов (артефактов), которые он создает» [Гак 2000: 128][30].

Отношение человека к пространству определяется тем, до какой степени он способен познать его. «Окрестность говорящего» – это область пространства, **соизмеримая** с человеком, это результат **освоения** и «**собирания**» пространства. Именно в рамках этой модели абсолютное расстояние значимо, поскольку оно оценивается с точки зрения непосредственных возможностей человека. Функциональная близость в применении к «окрестности» подразумевает возможность человека достичь соответствующей точки в пространстве, не прибегая к услугам сверхмощных (= не стандартных) транспортных средств. «Стандартность» же подразумевает достижение цели путем передвижения по поверхности земли («исхоженность» пространства). «Окрестность говорящего» можно было бы назвать **архаической**

30 «Внутри поля пространства можно выделить ряд структур: 1) типы пространств (в измерениях): точка – линия – поверхность – объем; 2) организация пространства – оппозиции: центр / периферия; открытое / закрытое пространство; 3) позиции объектов, их пространственная соотнесенность (относительное пространство): близко / далеко; справа / слева и т. д.; 4) направления, ориентация; координаты; 5) мера длины, расстояния, поверхности, объема и др.; 6) восприятие пространства: вид, аспект, угол, точка (зрения), подход» [Гак 2000: 127] – то, что пространство наделяется именно этими характеристиками, ярко свидетельствует о том, что точкой отсчета в существующей системе пространственных координат является именно человек.

моделью пространства, поскольку она отражает восприятие пространства древним человеком, а именно – это та часть пространства, которую он способен непосредственно воспринять, в той или иной мере самостоятельно освоить и узнать» [Яковлева 1994: 64][31].

Таким образом, в освоении пространства человек исходит из своей практики: пространство заполнено вещами, именно они способны оказывать влияние (благотворное или пагубное) на человека, следовательно, оценка пространства есть оценка того, что его заполняет. «Вещи не только конституируют пространство через задание его границ, отделяющих пространство от не-пространства, но и **организуют** его **структурно**, придавая ему значимость и значение (семантическое обживание пространства)» [Топоров 1983: 242].

Главное же влияние на человека способен оказать другой человек: мир воспринимается как населенное место, его, прежде всего, наполняют люди[32]. Сопряженность понятий *человек – пространство – мир* проявляется, например, во внутренней форме лексемы *вселенная*: это слово «первоначально является просто переводом греч. oikouménē (óικουμένη) «ойкумена», с тем же значением «обитаемый мир». Следовательно, первоначальное значение русского термина «вселенная» – это именно обитаемый, освоенный человеком мир» [Степанов 2004: 224]. Та же связь обнаруживается и в значении лексемы *племя*: «самым отдаленным во времени смыслом корня *плем-* было выражение заполненности пространства: *ple ‘быть наполненным, полным’ (Бенвенист, 1969, 1, с. 210). Современное научное понятие о роде и племени (племя как совокупность родов) не выражает древнего представления о них. Порождение новых «колен» заполняет «пространство» племени, род возобновляет племя» [Колесов 2000: 32].

Как уже отмечалось, заполнение пространства требует определенной организации, и это также отражается в древнеславянской лексике: в частности, *народ* и *люди* – это не просто множества людей, но структурно организованные множества. «Как можно судить по древнейшим текстам, а также по переводам с греческого, исконным значением слова *народъ* было ‘толпа, бесконечное множество, сбор (ище)’, причем это множество всегда организовано по какому-либо признаку, и прежде всего – как воинские объединения» [Колесов 2000: 143]. «*Люди* – самостоятельные, способные к какому-либо делу мужи, свободные и «свои», объе-

31 «Кроме того, «окрестность говорящего» (= область действия абсолютных оценок) подразумевает **известность**, освоенность говорящим описываемого участка пространства. Относительно какого-либо «условного», умозрительного пространства абсолютные оценки не используются» [Яковлева 1994: 28].

32 «Представление о мире как населенном людьми пространстве сохранялось до XVII в., всегда противопоставляясь понятию «всего света»» [Колесов 2000: 244].

диненные общим вождем и предприятием, подвластные светскому закону. Только за пределами древнерусского общества, уже в Московской Руси, «люди» станут зависимыми, дворовыми, слугами. <…> Лично свободный, но социально зависимый человек не существует отдельно, он представлен в общей группе себе подобных» [Колесов 2000: 150].

Естественно, что в качестве нормы воспринимается организация, структура *общества* (от *общий*), которое является своим, *ближайшим* – и по крови, и по пространству. ««Мир» в древнейших культурах индоевропейцев – это то место, где живут люди «моего племени», «моего рода», «мы», место, хорошо обжитое, хорошо устроенное, где господствуют «порядок», «согласие между людьми», «закон»; оно отделяется от того, что вне его, от других мест, вообще – от другого пространства, где живут «чужие», неизвестные, где наши законы не признаются и где, может быть, законов нет вообще, где нам страшно» [Степанов 2004: 86, 87]. Отсюда рождается оппозиция, состоящая из ряда противопоставлений в рамках концепта **«свой» / «чужой»**.

Противопоставляются:

- *мир* и *воля*: «Специфическое русское понятие *воли* берет свое начало в архаическом противопоставлении *мира* как «своего», обжитого, устроенного пространства и *воли* как пространства «чужого», неустроенного (ср. сопоставление мира и воли в историческом аспекте в [Топоров 1989а]). Иными словами, можно сказать, что в архаичной модели мира *мир* соответствовал привычной норме, а *воля* – непредсказуемым отклонениям от нормы» [Шмелев 2002: 343];

- *свобода* и *воля*: «В отличие от *воли*, *свобода* предполагает как раз порядок, хотя порядок, не столь жестко регламентированный. Не случайно слово *свобода* этимологически связано со словом *свой*, т. е. в противопоставлении *своего*, освоенного и чужого, неосвоенного связывается именно со *своим* – т. е., в архаичных терминах, с *миром*, а не с *волей*» [Шмелев 2002: 344];

- *страна* и *земля*: «Подтверждение этому можно увидеть и на употреблении слова, некоторым образом противопоставленного слову *земля*. Земля – своя, наша, его – это родина, что-то близкое, в том числе и «благоверная земля гречьская». Все, что вовне и извне, – *страна*. Та же земля, но чужая, не своя, не наша. В цитатах, которые приводит Иларион, противоположность *земля* – *страна* не так заметна, но для Илариона подобная противоположность важна» [Колесов 2004: 291] и др.

Человек осваивает пространство, помещая его в оценочную систему координат, в которой эталоном сравнения служит известное *свое*, а потому неизвестное *чужое* оценивается как отклонение от нормы. Таким образом, пространство не едино, а разноценно. «Через мир вещей и через человека (последующий уровень творца вещей) пространство собирается как иерархизованная структура соподчиненных ему смыслов. Для этой эпохи вместо непрерывности и сплошной протяженности гомогенного пространства реконструируется представление о разнородном и, так сказать, «корпускулярном» пространстве с разной ценностью (значимостью) его частей» [Топоров 1983, 242]. «Неоднородность, иерархичность и оценочность пространства» фиксируется разными фольклорными жанрами. «Пространство в текстах традиционного фольклора разделяется прежде всего на «свое» и «чужое», причем «чужое» чаще всего не структурировано в отличие от освоенного «своего». Расположено «чужое» в «ином», далеком месте, преимущественно по горизонтали – за горами, за лесами, за морем; такую четкую диспозицию миров дает, например, свадебный фольклор» [Никитина 2000: 349].

Разделение пространства на *свое* и *чужое* невозможно без осознания того, что между ними существует некая граница: пространство мыслится как ограниченное, помещенное в определенные пределы. «Край», «конец» и «предел» – одно и то же, границы родины, которые обозначены как границы рода. Все, что за этими гранями, – «околняя вся страны» (Индикоплов, с. 22), т. е. то, что вокруг да около, чужое и неясное. В «Повести временных лет» – то же представление о запрете «преступати предела чюжего» (Лавр. лет., с. 616, 1073 г.), «заповедавъ имъ не преступати предела братня» (там же, с. 546, 1054 г.). ««Предел» – это внешний знак чужой территории, граница рода («отчины», «отечьства»), за которой начинается чужая волость. <…> *Предѣлъ* обозначает, таким образом, не пространство, а только очерчивающую его границу; судя по форме слова, оно не является калькой с греческого, это, по-видимому, искусственное образование, включившее в себя смысл многих греческих слов уже на заре развития славянской книжности» [Колесов 2000: 261].

Для того чтобы осознать пространство, необходимо поместить его в определенные рамки: связано это с ограниченностью как жизненного пространства человека, так и его возможностей сенсорного восприятия. «Наше восприятие пространства, осознание пространства и представление о пространстве с необходимостью включают в себя некоторые пределы. Воспринимать, осознавать и мысленно представить себе бесконечную, ничем не ограниченную величину мы вообще не можем. Само понятие бесконечности является лишь умозрительным конструктом, и в его основе лежит не

положительный признак, а его отрицание, снятие естественно заданного признака, признака конечности, то есть, в известном смысле, насилие над психологической реальностью. Конец или предел является необходимой психологической опорой для восприятия любой данности. Пространство является данностью, вне которой человек себя не мыслит, и в своих отношениях с пространством человеку требуются как минимум две психологические опоры. Это, во-первых, субъект сознания – «Я», всегда помещающий себя в центре идеального пространства, и противостоящая субъекту граница, или границы, которые замыкают пространство вокруг него. Эти общие моменты находят отражение в семантике слов, которыми мы пользуемся для обозначения разного рода пространственных пределов: *граница, грань, предел, черта*, – но в каждом из этих слов они проявляются по-своему. Это изначально пространственные слова – они применимы во всех случаях, когда предмет сообщения получает пространственную интерпретацию, и употребляются при описании самых разных типов пространств. Это, в частности, отличает «ограничивающие» слова от слова *конец*, семантически близко с ними соприкасающегося, но изначально связанного с временными параметрами. Другое, существенное отличие интересующих нас слов от слова *конец*, заключается в том, что они не абсолютны, они предполагают существование какого-то пространства и по другую сторону и возможность выхода в это пространство – за границу, за предел, за грань, за черту. Семантика ограничения имеет, таким образом, и другой аспект, который можно назвать «семантикой» разграничения. В значениях слов *граница, грань, предел, черта* эти два аспекта проявляются по-разному и не обязательно совместно. Наиболее ярко семантика ограничения и семантика разграничения выражены в слове *граница* – не случайно глаголы, обозначающие действия, связанные с некоторым качественным определением участка пространства и отделением его от соседнего, качественно иного участка, – *ограничить, отграничить, разграничить* являются производными именно от этого слова. Семантическая специфика остальных слов этого ряда выявляется в сопоставлении с словом граница» [Лебедева 2000: 93].

Итак, *свое*, «правильное», пространство – это пространство, населенное *своим* родом, упорядоченное, организованное по *своим* законам[33]. Свое пространство противопоставлено чужому, как космос противопоставлен хаосу: находящийся по ту сторону границы своего пространства непознанный, неизведанный мир чужого пространства как бы пуст, незаполнен; познаваемое чужое пространство, постепенно открывающееся проникающему за пределы своего пространства человеку, кажется организованным неправильно, т. е. неорганизованным.

33 Понятие *свой* может сужаться и расширяться («Свои», «обитатели своей земли»… – это люди, связанные родственными, договорными или дружескими отношениями» [Степанов 2004: 89]): так, для русича грек-христианин – свой по вере, но чужой по земле.

Вообще же оценочное, «неравнодушное», отношение к чужому пространству связано с тем, что оно мыслится как опасное: враждебность его таится в непохожести на свое пространство. Опасность таит чужой человек и место, которому он принадлежит. «Родовому гнезду (дому) во всей конкретности его проявлений противоположен внешний мир. Если в доме все знакомо до мелочей, привычно и любо, то за его пределами человека ожидают невообразимые по коварству и злобе, а потому страшные, испытания. В описаниях этих чуждых пределов уже не встретим подробностей, знакомых до мелочей и оттого родных, а потому в нем все немило. Враждебность природы в представлениях славян сосредоточена в дремучем лесе, ворог поднимается в чистом поле, белый свет – беспредельность мира – встречает Иванушку на пороге его дома. По нарастающей развиваются и представления о враждебном, чужом; конкретность столкновений с природой сменяется отвлеченностью христианских понятий о человеческих отношениях с миром и, наконец, сосредоточивается в холодной абстрактности космических пределов» [Колесов 2000: 221].

«**Свой** – всегда свой, он указывается безо всякой оценки и без уточнений. Достаточно того, что он твой друг, постоянно с тобой, твой родич и потому связан своей судьбой с тобой навсегда. Постепенно ряд «своих» все растет, его пополняют новые лица и типы, но становясь «своим», человек одновременно как бы обращается в безликую массу того, что и есть родня. Чужак же всегда имел оценочные определения. Собственно, именно с подобных оценочных признаков позднее и «снимается» представление о **чужом** – это диво «чудное», чудо-юдо поначалу, а потом и «странное» (ибо приходит с чужой стороны), а позже еще и «кромешное», ибо таится в «укроме» и «окроме» нас, даже «опричь» нас, т. е. **вне** нашего мира кромешная сила, опричное зло («опричники»), которых остерегаются как чужого, странного, кромешного – чуждого. Но как ни расширяется мир в глазах человека, в этом мире всегда остается нечто – чужое, неясное, что в сознании и отмечают темной краской: и оттого, что «чужая душа – потемки», да оттого еще, что в белом свете «своих» бросаются в глаза только черные тени «чужих»» [Колесов 2000: 69].

Необходимость маркировать чужое, указав признак, присущий ему, а именно: тот признак, в котором фиксируется отклонение от своей нормы, – вполне объяснима. «Известно (об этом, в частности, много писала Н. Д. Арутюнова, ср. [Арутюнова 1988]), что человек вообще замечает и обозначает (маркирует) то, что отклоняется от нормы или выделяется на нейтральном фоне. Градуируемые признаки типа большой / маленький, высокий / низкий, широкий / узкий, длинный / короткий – это уже отклонение от нормы, от среднего значения параметра для дан-

ного класса объектов (так они трактуются в известной работе Э. Сэпира [Sapir 1944 / 1985)], так они толкуются и в модели «Смысл <=> Текст», в частности в работах Ю. Д. Апресяна [Апресян 1974]: высокий – 'больше нормы высоты'; длинный – 'больше нормы длины' и т. д.)» [Кустова 2005: 295].

«Количественные отношения осваиваются практическим сознанием через их психологизацию – формирование отношения к нему, и основываются на следующих процедурах: 1) сравнение предметов между собой и их количественная градация; 2) сравнение с собственными размерами (ср. *трава по колено, куст с меня ростом*) и использование их в измерении (*локоть, аршин, фут, дюйм*); 3) измерение подручными средствами (*стакан сахару, ведро воды*); 4) выделение особо значимых точек: нормы – «ни много, ни мало», минимума и максимума, которые оказываются наиболее эмоциально окрашенными, ведь они обозначают пределы, границу вещи и мира – особо выделенные точки пространства» [Рябцева 2000: 109]. В связи с этим становится важным такой признак, как *размер*: он свидетельствует о *силе*, которой обладает объект, и, соответственно, о возможной пагубности ее применения в том случае, если объект окажется враждебным. Так, «маленькие предметы психологически выделены – они не представляют для человека опасности, угрозы или трудностей, и потому часто их скромные размеры вызывают умиление, снисхождение или пренебрежение, ср. *пташка, букашка, козявка, мелочь, малость, мелкота, мелюзга, пигалица, безделушка, бирюлька, фитюлька, висюлька, писулька, закуток, каморка, лазейка*» [Рябцева 2000: 109].

Количественная оценка пространства возникает в точке пересечения двух параметров:

1. **степень наполненности** ограниченного пространства,

2. **упорядоченность элементов**, наполняющих пространство, наличие структуры.

Пространство, имеющее границы, должно быть заполнено «вещами». **Степень** его **наполненности** выявляется при соотнесении с **нормой** – представлением данного социума об идеальном соответствии количества «вещей» и их «вместилища». Отступление от нормы оценивается негативно, стремление к норме – положительно. Так, в качестве признака, положительно характеризующего князя, в ПВЛ часто упоминается его градостроительная деятельность, возведение церквей: это и есть наполнение своего физического пространства до соответствия норме некоего умозрительного пространства (своя земля должна быть *устроена*, в христианской земле дожны быть церкви и монастыри). Именно поэтому

достоин осуждения Святослав: **послаша киꙗнѣ къ С҃тославу, г҃люще: «Ты, кнѧже, чюжеи ꙁемли ищешь и блюдешь, а своеꙗ сѧ лишивъ»** (6476 / 968) – он думает не об обустройстве родной земли, а о земле чужой: **Р҃е С҃тославъ къ м҃трь своеи и къ боꙗром своимъ: «Не любо ми есть в Киевѣ жити, хочю жити в Переꙗславци в Дунаи, ꙗко то есть среда ꙁемли моеи, ꙗко ту всѧ благаꙗ сходѧтьⷭ҇»** (6477 / 969)[34].

Отклонение от нормы выражается в недостаточной или, наоборот, в чрезмерной наполненности пространства[35]. Возможные типы количественного соотношения вещей и пространства-вместилища можно представить в виде шкалы[36]:

34 В качестве материала нашего исследования мы используем текст ПВЛ, воспроизведенный в издании «Полное собрание русских летописей, изданное по Высочайшему повелению Императорскою Археографическою Комиссиею. Том второй. Ипатьевская летопись. Издание второе» (СПб., 1908). В тех случаях, когда в тексте Ипатьевского списка, положенного в основу издания [ПСРЛ 1908], обнаруживаются лакуны, они восстанавливаются по Хлебниковскому списку, сличение с которым производится в том же издании [ПСРЛ 1908]. В тех случаях, когда чтения Ипатьевского списка представляются ошибочными исследователям ПВЛ, занимавшимися изданием текста летописи, приводятся сноски к соответствующим местам: приводятся чтения из Хлебниковского списка, а также спиков, по которым восстанавливается Лаврентьевская летопись – Лаврентьевский, Радзивилловскому и Академическому (по изданию [ПСРЛ 1926]). При этом в сносках всегда приводятся чтения Хлебниковского и Лаврентьевского списков, а в случае указания лишь на один из них отсутствие указания на второй свидетельствует о совпадении его чтения с чтением Ипатьевского списка. Указание вариативных чтений кажется нам полезным и необходимым для анализа фрагментов ПВЛ, объяснение которых вызывает затруднения без обращения к текстам разных списков, сохранивших летопись.
В разбивке слов мы в основном следовали изданию [ПСРЛ 1908], произведя при этом разбивку текста на предложения и использовав пунктуационные знаки, отсутствующие в ПВЛ, в соответствии с современными нормами. В скобках после примера указывается год, под которым помещен цитируемый фрагмент (по принятому в ПВЛ византийскому летосчислению, ведомому от сотворения мира, и летосчислению от Рождества Христова). В некоторых случаях мы сочли необходимым дать перевод соответствующих фрагментов.

35 «Психологически значимым является недостаточное или избыточное количество – меньше или больше нормы (ср. маловодный, малорослый), – оно вызывает проблемы, поэтому по аналогии с предметным миром этот смысл переносится и в мир социальный: малограмотный, малодушный, малопонятный» [Рябцева 2000: 109].

36 «Понятие шкалы входит в число важнейших понятий современной теоретической лингвистики: с его помощью описывается не только величина, но и различные оценки объекта – эстетическая, этическая, прагматическая и т. п. С представлением о шкале тесно связано понятие нормы: норма мыслится как точка отсчета, заданная на той или иной шкале» [Языковая картина мира 2006: 752].
Так, например, понятие шкалы используется при описании параметрических прилагательных со значением размера: «на шкале величины … выделяются три участка, каждый из которых может рассматриваться как отдельная, самостоятельная «подшкала» со своей точкой отсчета.
Первый участок – это область, не слишком удаленная от центра шкалы; в качестве точки отсчета выступает относительный или абсолютный эталон, т. е. величина среднего объекта из класса однотипных или величина человека. Из прилагательных, указывающих на размер, эту часть шкалы описывают группы: 1) *большой, крупный;* 2) *маленький, мелкий, небольшой*. Ясно, что отклонение от эталона, описываемое данными словами, не может бьпь слишком большим – в противном случае характеризуемый размер уже выходит за границы области, прилегающей к эталону.
Второй участок – это та часть шкалы, которую описывают лексемы *огромный, громадный, колоссальный, гигантский, исполинский*. Точка отсчета на этом участке шкалы – величина очень большого объекта.
Наконец, третий участок, выделяемый на шкале размера, – это та ее область, которую описывают лексемы *крохотный, крошечный, малюсенький*. Точка отсчета на этом участке шкалы – величина очень маленького объекта» [Языковая картина мира 2006: 723, 724].

отсутствие наполнения (пустота – отрицательная оценка) – **недостаточная наполненность** (отрицательная оценка) – **минимальная наполненность** (соответствие норме) – **достаточная наполненность** (полное соответствие норме) – **максимальная наполненность** (соответствие норме) – **чрезмерная наполненность** (превышение нормы – отрицательная оценка).

На практике количественная норма устанавливается через параметр **«мера»**[37]. Мера – эталонный результат из**мер**ения. Недостаточно или чрез**мер**но наполненные пространства нарушают меру. Мера устанавливает нижний и верхний предел наполненности пространства: **минимум** и **максимум**. Минимальная и максимальная наполненность не тождественны достаточной наполненности: последняя представляет собой идею **до́лжного**, своеобразную «золотую середину», к которой следует стремиться. Минимум и максимум – это не до́лжное, но **допустимое**. И то и другое соответствует норме, но рождает дополнительный смысл: минимум и максимум – это граница, предел для нормального количества в данном пространстве, и «переход» этой «границы» будет означать несоблюдение меры. Таким образом, мера существует для того, чтобы «ограничивать» количество[38].

««Параметры минимум-максимум связаны с темой предела, актуальной и в практической, и в духовной жизни; это «критические точки», сопряженные с особой экспрессивностью и внутренней напряженностью, с драматичностью и выразительностью» [11, 46]. Они подразумевают начало и конец, границы хаоса и порядка, рубеж и его достижение или переход, край, грань, черту, некий поворотный пункт. Слова, обозначающие границы и предел, способны потому выражать идею интенсивности или максимальности, ср. *крайне неудачно, предельно ясно, на грани провала*. Так же и количественные определения *полный, весь, целый*, которые исходно значат «все количество» и психологически связываются с достижением

37 Незнание меры *(не знать меры в чем-л.)* объясняет неправильное поведение человека, но не оправдывает его.

38 «Мера как оценочное понятие занимает важное место и в этике. Так, именно мера ограничивает волю. *Довольно* означает ‘достаточно’: «и ранами и гладом томящи того, и недовольно быть ему» (Патерик, с. 147); во всех древних переводах так же: «Времени же доволну бывшю» (Жит. Ал. Невск., с. 6); «Да буду доволенъ на то, о нем же глагола» (Жит. Стеф. Сурож., с. 84), т. е. пусть будет достаточно сил совершить задуманное. Это значение является общим, оно древнее, и проявляется, когда хотят выразить довольство, обеспеченность, некую сумму свойств, вполне достаточных для какого-либо дела или для жизни. Другими словами, оно обозначает меру, которая всегда известна. «Не пий безъ года, но здоволъ, а не до пианьства», – поучает Лука Жидята в начале XI в. новгородцев (Поуч. Лук., с. 226; в других списках слово заменяется: въ меру). Воля вполне ограничена мерой, и каждый знает ее предел. Тот, кто «довольнъ» – он же «постиженъ» (Слав. Апостол, III, с. 26, 30), т. е. достигает предела; он способен на дело, и русский книжник предпочитает именно это причастие постиженъ. Воля всегда соотносится с тем, о чем можно сказать довълееть; это слова одного корня, и все переводы с греческого используют именно глагол для передачи arkúsan, arkéi ‘достаточно’, arkéō ‘быть достаточным’. Бог, начиная последовательный ряд волеизъявлений, определяет предел «полномочий» каждой нисходящей ступени иерархии» [Колесов 2000: 122].

предела, и потому приобретают смысл «очень / предельно (много)»: *дом полная чаша, полно народу, полная неразбериха, полный / круглый дурак, на всю / полную катушку, полный / целый / весь день / дом*» [Рябцева 2000: 111][39].

Следует различать нарушение существующего предела (на который указывает мера) и несоблюдение границ вследствие отсутствия таковых: **бесконечность** и **безначальность** есть свойства, присущие не земному бытию человека, но божественным сущностям. «**Бесконечный** ‘не имеющий предела’ как калька с греческого ἀπέραντος ‘беспредельный’ в сочетании, обозначающем «вечную жизнь» на небесах, встречается только в оборотах, которые постепенно заменяли друг друга по мере привлечения в состав авторского текста разных источников. С современной точки зрения это синонимы, но их семантическая близость возникает как вторичное семантическое соотношение слов, употребленных в составе устойчивых формул, ср: «въ *бесконечьные веки*» (Мол. 169, также XIII, 418.29) – «въ *бесконечны живот*» (XII, 347.15; XV, 344.21) – «*бесконечную жизнь*» (XIII, 421.21; XУ, 333.61) и, наоборот (в отношении к смерти): «праведници в вѣчную жизнь, а грѣшници в *бесконечную* смертную *муку*» (XII, 347.41; 349.6, XIII, 426.5) – «*плача* оного *бесконечного*» (Мол. 990б., метонимия: ‘чрезмерный’).…**Безначальный** ‘самовластный, никому не подвластный’ – в сочетании со словом *Отец* (*Бог-Отець*), ср.: «Боже нашь, иже нашего ради спасения от *безначального* ти Отца пришедъ» (Мол. 194, также 161 об., ср. «Боже всемогый и безначальный Господи» – Мол. 89). Эта калька с греч. ἀναρχος ‘безначальный’ (ср. *анархия*). Переносное метонимическое значение ‘извечный’ связано с воплощениями безначального Отца: «безначальный свѣтъ» (Мол.) и «безначальное слово» (ЖО, 90)» [Колесов 2004: 324, 325].

Наибольшее удаление от *нормы* обнаруживается в понятии «пустота». ««Пустое» пространство – это пространство, в котором ничего не происходит: «абсолютная пустота», по И. Бродскому (*Теперь представим себе абсолютную пустоту. // Место без времени*); в частном случае «пустым» является пространство, не заполненное вещами, видимыми или мыслимыми» [Яковлева 1994: 38].

39 Интересна связь между понятиями минимума-максимума и страхом. «Страх – самое древнее и самое сильное чувство из всех, что способны испытывать живые существа, оно заложено в их биологической природе (в виде инстинкта самосохранения) и связано с ограниченностью сил и возможностей; от страха, как ни от какого другого чувства, можно умереть в прямом смысле. В языке есть множество подтверждений тому, что страх – особо выделенное чувство; в частности, слова *страшный, ужасный, жуткий* стали в разговорном языке самыми распространенными интенсификаторами, в том числе и количества: *ужасный грохот, страшный ливень, страх / ужас / жуть как много / какой умный, жутко холодно / жарко, ср. страх / гибель / смерть комаров* «несметное количество». Малое вызывает умиление или пренебрежение, большое – восхищение, опасение или страх: *страх, как много, смех, как мало*, ср.*? страх, какой маленький*, так что интенсивность – это приближающееся к пределу (количество)» [Рябцева 2000: 111].

На первый взгляд, в возникшей системе оппозиций, члены которых в равной степени удалены от понятия «средней» нормы, т. е. «достаточной наполненности» (**минимальная наполненность / максимальная наполненность, недостаточная наполненность / чрезмерная наполненность**), понятию **пустоты** ничего нельзя противопоставить. Однако это не так: если **пустота** мыслится как *пространство без вещей*, то противоположностью ей будет ***отсутствие пространства для вещей***. На то, что оба члена данной оппозиции значимы для человека, указывает его практическая деятельность: он стремится не только наполнить пустое пространство вещами, но и найти пространство для «бездомных» вещей. Именно поэтому завоевательская деятельность своих князей оценивается в ПВЛ положительно: они наполняют пространство своего рода захваченными вещами, а когда свое пространство **пере**полняется, расширяют его за счет чужого пространства[40].

Недостаточная / чрезмерная заполненность пространства влияет на возможность его организации, препятствуя **упорядочению элементов**, созданию системы, четкой структуры. Отсутствие порядка подразумевает отсутствие (взаимо) связей между «вещами»: сложно соединить в определенном порядке элементы, находящиеся слишком далеко друг от друга или слишком близко друг к другу. Для Руси более актуальной во все времена была первая ситуация. «Огромные пространства легко давались русскому народу, но не легко давалась ему организация этих пространств в величайшее в мире государство, поддержание и охранение порядка в нем. На это ушла большая часть сил русского народа. <…> Требования государства слишком мало оставляли свободного избытка сил (Н. Бердяев «Судьба России». М., 1990. с. 67)» (цит. по: [Степанов 2004: 173, 174]).

Связь между недостаточной заполненностью пространства и его неоформленностью проявляется в языке в употреблении слов с приставкой *раз (с)* – . «… Приставка *раз-* входит в широкий круг разнообразных единиц (лексических, синтаксических и др.) русского языка, несущих в себе идею «безответственности» («бесцельности», «беззаботности»), которая является весьма важной составляющей русской языковой картины мира. <…> При этом носителем указанной концептуальной конфигурации является именно морфема *раз-… – ива- / -ва- / -а-*, которая строит данный концепт при помощи метафоры «рассредоточения в пространстве». <…> Приставка *раз-* несет в себе (1) идею занятия большего пространства, (2) идею рассредоточенности, а также (3) идею уничтожения путем рассеивания, т. е. вследствие этой рассредоточенности. <…> Первая из этих идей соответствует содержащейся в слове *разврат* идее «превышения нормы» (потребления

40 Война – по сути – это поиск чужого пространства для своих вещей или чужих вещей для своего пространства. Мирной формой того же рода деятельности является *о**свое**ние* земель: в этом случае расширение своего пространства сочетается с его наполнением вещами (возделывание почвы, строительство и т. п.).

конфет, денежных затрат и т. д.). Вторая идея включает приставку *раз-* в круг языковых средств, выражающих весьма важную для русской языковой картины мира оппозицию, противоположным членом которой является идея сосредоточенности, собранности (этот концепт связывается, наоборот, с идеей компактности, малого пространства). <…> Что касается третьей идеи (уничтожение путем рассеивания), то она указывает на то, что *разврат* с точки зрения русского языка это то, в результате чего уничтожается **суть** (нравственная, так как идет речь о человеке: выходя за некие рамки, он оказывается во власти хаоса). <…> В этической сфере имеет место следующая корреляция: компактность метафорически переосмысляется как космос, порядок, а рассеяние – как хаос, беспорядок» [Зализняк, Шмелев 2005: 430, 431, 433][41].

Итак, пространство оценивается через количественные характеристики, что отражается в лексике: пространства, граничащие со своим миром, древнерусский человек именует по их количественным признакам.

«Со временем возникло множество слов, с помощью которых пытались обозначить основные признаки лесного враждебного мира и тем самым познать его, прояснить для себя, победить хотя бы в своем воображении. Но всегда почему-то оказывалось, что подобные признаки, как бы много их ни появилось, были пугающими, настораживающими: *дебри* – глубь-глубина глубокая, *пуща* – дремучая глухость лесной пустыни (*пущ-а* от *пуст-ой*, обозначает пространство, в котором нет человека), *чаща* – поросшее сплошным лесом пространство, которое не перейти) (*чащ-а* от *част-ый лес*), и т. д. <…> Однако лес – лишь самая ближняя грань чужого мира. <…> Постепенно, по мере того как слова *здоровъ* или *лесъ* становились терминами, они заменялись другими словами, по возможности сохранявшими внутренний образ враждебного внешнего мира. Для Древней Руси таким важным понятием было понятие *поля*, потому что поле с XI в. стало воплощением внешнего мира, грозящего неисчислимыми бедами. <…> Поле – это не луг, не низина, а прежде всего простор. Такое значение искони присутствует в самом корне, так как слово поле родственно прилагательному *полый* ‘свободный’, ‘открытый’ или ‘явный’. Если же углубиться в даль времен и сопоставить значение славянского слова с родственными языками, окажется, что в слове поле содержится древний корень со значением ‘серый, светлый’. Значит, п о л е – это свет и вселенная для людей первобытного общества. С течением времени слово как бы сужает свое значение: бескрайний мир сжимается до небольшого участка земли возле родной деревни. В «Повести временных лет» это проявляется уже в XI в.: «Бе бо тогда поле вне

41 См., например, значения совр. *распустить*: это и сделать пустым пространство, лишив его внутренней устроенности *(распустить всех по домам)*, и, разрушив структуру, уничтожить «вещь» (распустить косу), и перейти границу, не соблюдя меру в поведении *(распустить руки)*.

града» (Лавр. лет., с. 51, 1036 г.). То, что когда-то казалось бескрайним простором, превращается в простую поляну. <…> Чистое поле – это пограничная полоса, рубеж, на котором героя ждут испытания. Поле – первоначальное обозначение такого рубежа: «в поле съезжаются – родом не считаются», – т. е., другими словами, в бою не считаются с родовыми отношениями, с родством. <…> Слову *чистый* в древнем языке свойственны такие же значения – ‘ясный’, ‘светлый’, ‘без примесей’, ‘свободный’, следовательно, также ‘пустой’ и ‘открытый’. Кроме того, в древности этот глагольный по происхождению корень имел еще и значение ‘разделять’, как разделяло поле, которое являлось естественной границей между деревнями или странами» [Колесов 2000: 222, 224, 225, 231, 226].

Дебри – глубокое пространство, *пуща* – пустое пространство, в котором нет человека, *чаща* – частый лес, т. е. лес, **пере**полняющий пространство (чрезмерное количество), *поле* – полое, т. е. пустое пространство, *чистое* поле – «пустота без примесей», «пустая пустота»… К описанным В. В. Колесовым словам можно добавить встречающиеся в прямой речи героев ПВЛ лексемы *пустыня*, *пустошь*, параметрические *земля* (то, что внизу), *глубина* (дно водоема), *берег* (гора, высота) (см.: [Фасмер 2003a: 153, 415; 2003b: 93; 2003c: 411]) – в них отражается интерес человека к количеству (в т. ч. и размеру) наблюдаемого.

***

Итак, среди особенностей, характеризующих человеческое восприятие мира, существует следующая: **пространство оценивается количественно**. Об этом свидетельствует анализ не только современных, но и древнерусских текстов и, в частности, «Повести временных лет», к исследованию которой мы перейдем в нашей следующей статье.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арутюнова Н. Д.* О движении, заблуждении и восхождении // Логический анализ языка. Космос и хаос: концептуальные поля порядка и беспорядка. М., 2003. С. 3-10.
2. *Брагина Н. Г.* Мифологический хаос (культурный след в языке) // Логический анализ языка. Космос и хаос: концептуальные поля порядка и беспорядка. М., 2003. С. 18-31.
3. *Вендина Т. И.* Категории этики как количественные определители в языке русской традиционной духовной культуры // Логический анализ языка. Квантификативный аспект языка. М., 2005. С. 576-586.
4. *Гак В. Г.* Пространство вне пространства // Логический анализ языка. Языки пространств. М., 2000. С. 127-134.
5. *Зализняк Анна А., Шмелев А. Д. Компактность* vs. *рассеяние* в метафорическом пространстве русского языка // Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., 2005. С. 424-433.
6. *Кобозева И. М.* Грамматика описания пространства // Логический анализ языка. Языки пространств. М., 2000. С. 152-162.
7. *Колесов В. В.* Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. СПб., 2000.
8. *Колесов В. В.* Слово и Дело. Из истории русских слов. СПб., 2004.
9. *Кубрякова Е. С.* О понятиях места, предмета и пространства // Логический анализ языка. Языки пространств. М., 2000. С. 84-92.
10. *Кустова Г. И.* Количественные значения качественных слов // Логический анализ языка. Квантификативный аспект языка. М., 2005. С. 295-305.
11. *Лебедева Л. Б.* Семантика «ограничивающих» слов // Логический анализ языка. Языки пространств. М., 2000. С. 93-97.
12. *Никитина Е. С.* Келья в три окошечка (О пространстве в духовном стихе) // Логический анализ языка. Языки пространств. М., 2000. С. 348-356.
13. Полное собрание русских летописей, изданное по Высочайшему повелению Императорскою Археографическою Комиссиею (ПСРЛ). Том второй. Ипатьевская летопись. Издание второе. СПб., 1908.
14. Полное собрание русских летописей, издаваемое постоянною Историко-археографической комиссиею Академии наук СССР (ПСРЛ). Том первый. Лаврентьевская летопись. Вып. 1: Повесть временных лет. Издание второе. Л., 1926.
15. *Рябцева Н. К.* Размер и количество в языковой картине мира // Логический анализ языка. Языки пространств. М., 2000. С. 108-116.
16. *Степанов Ю. С.* Константы: словарь русской культуры. М., 2004.
17. *Топоров В. Н.* Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983. С. 227-284.

18. *Тошович Б.* Квантитативная категоризация и категориальная квантификация // Логический анализ языка. Квантификативный аспект языка. М., 2005. С. 104-126.
19. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Издание четвертое, стереотипное. М., 2003a, т.1.
20. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Издание четвертое, стереотипное. М., 2003b, т.2.
21. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Издание четвертое, стереотипное. М., 2003c, т.3.
22. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Издание четвертое, стереотипное. М., 2003d, т.4.
23. *Шмелев А. Д.* Русский язык и внеязыковая действительность М., 2002.
24. *Шмелев А. Д.* Параметры количественной оценки в естественном языке // Логический анализ языка. Квантификативный аспект языка. М., 2005. С. 511-520.
25. *Апресян В. Ю., Апресян Ю. Д., Бабаева Е. Э., Богуславская О. Ю., Иомдин Б. Л., Крылова Т. В., Левонтина И. Б., Санников А. В., Урысон Е. В.* Языковая картина мира и системная лексикография. М, 2006.
26. *Яковлева Е. С.* Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М., 1994.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

«Метаморфозы» настоящего времени в поэтическом тексте

«Metamorphosis» of the Present Tense in the Poetic Text

Милютина Марина Георгиевна

Milyutina Marina Georgijevna

В статье обсуждаются возможности реализации частных значений настоящего времени в условиях поэтического контекста.

In the article the possibilities of implementation of the present tense particular meanings in poetic context are discussed.

Ключевые слова: частное значение, настоящее время, поэтический контекст, Белла Ахмадулина

Keywords: particular meaning of time, present tense of verb, poetic context, Bella Akhmadulina

«Метаморфозы» настоящего времени в поэтическом тексте

М. Г. Милютина

«…настоящему, чтоб обернутьсwя будущим, требуется вчера».

И. Бродский

Несмотря на то, что исследования, связанные с проблемой функционирования глагольных времен в художественном тексте, проводятся начиная с XIX века, задача изучения значений временных форм в поэтическом тексте до сих пор не решена окончательно. При этом можно констатировать, что грамматическое исследование поэзии, особенно лирической, – область филологического знания, не только более проблематичная в исходной своей точке, чем изучение грамматики художественной прозы, но и более интересная [Сидорова 2000: 300]. Об этом свидетельствуют и слова Р. О. Якобсона: «в поэзии <…> путеводная значимость морфологической и синтаксической ткани сплетается и соперничает с художественной ролью словесных тропов, нередко овладевая стихами и превращаясь в главного, даже единственного носителя их сокровенной символики» [Якобсон 1983: 462].

В поэтическом языке «запрограммирована» многозначность слов и грамматических форм, поэтому в нем происходят трансформации в сфере семантики в целом, будь то семантика лексическая или грамматическая. Другое дело, что семантические сдвиги и преобразования смысла в рамках первой (лексической семантики) начали изучаться гораздо раньше, чем в рамках второй (семантики грамматической). Между тем неоднозначность грамматическая также является «смыслопорождающим фактором» [Зализняк 2006].

В настоящее время недостаточная изученность грамматического аспекта поэтического текста все более преодолевается, при этом внимание лингвистов начинают привлекать не только переносные значения (метафоры) в области лексической семантики, но и явления подобного рода в области грамматики, когда понятие морфологической транспозиции прямо квалифицируется как «грамматическая метафора» [Ремчукова 2000: 82-83].

Лирический текст занимает особое положение в системе языка. Именно здесь проявляются особенности функционирования временных форм, которые либо не характерны для прозы, либо в условиях тесноты стихового ряда проявляют себя еще более активно и широко. В частности, поэтическому тексту свойственна такая черта, как функциональная амбивалентность видо-временных форм предикатов, приводящая к принципиальной неоднозначности, множественности их интерпретаций [Сидорова 2000: 10; Тураева 2009: 13-14].

В стихотворном тексте появляется «четвертое измерение» и в дополнение к квазипространству формируется квази-время, вытесняющее и замещающее время «реальное» [Шапир 1995: 19], «время речевого потока переживается» [Jakobson 1979: 577]. Поэтому в поэтическом языке становится возможным совмещение временных планов; ср. у И. Бродского: ***Вчера*** *наступило* ***завтра****, в три часа пополудни.* ***Сегодня*** *уже «никогда»,* ***будущее*** *вообще* (*Из Альберта Эйнштейна*); ***Грядущее настало****, и оно переносимо… (E. R.).*

Таким образом, приступая к анализу функционирования форм времени в лирическом произведении, следует учитывать такие важнейшие его признаки, как взаимодействие, а нередко и смысловое сплавление двух суть антитетичных образов времени: времени как «мига», «абсолютной преходящести» и времени как «непреходящести», «постоянства значения того, что изображается». Об этом пишет Н. А. Николина [Николина 2005]. На эти свойства лирики, обусловливающие и специфику лирического времени в том числе, обращают внимание и другие исследователи, в том числе Л. Я. Гинзбург [Гинзбург 1974] и Т. И. Сильман [Сильман 1977].

Проследим за особенностями функционирования настоящего времени (его поэтическими метаморфозами) на примере анализа отрывка из стихотворения Б. А. Ахмадулиной «Павлу Антокольскому».

Официант в поношенном крахмале
Опасливо **глядит** издалека,
а за столом **цветут** цветы в кармане
и молодость **снедает** старика.

Он – не старик. Он – семь чертей пригожих.
Он, палкою по воздуху стуча,
Летит мимо испуганных прохожих,
едва им доставая до плеча.

Он – десять дровосеков с топорами,
дай помахать и хлебом не корми!
Гасконский, что ли, это темперамент
и эти загорания в крови? <…>

Мы выделили жирным шрифтом в этом отрывке только те формы глаголов, которые явно представлены в контексте и на формально-грамматическом уровне выражают значение абсолютного времени (формы *стуча, доставая* выражают значение времени относительного). Таких форм всего четыре, и все они выражают идею настоящего.

Все выделенные глаголы имеют форму изъявительного наклонения НСВ настоящего времени, поэтому являются ядерными, центральными средствами, выражающими идею времени. Настоящее, кроме того, выражено в представленном отрывке также и на синтаксическом уровне в предложениях с составным именным сказуемым (*он – не старик; он – семь чертей пригожих; он – десять дровосеков с топорами*; *Гасконский, что ли, это темперамент*…). Таким образом, можно заключить, что начало стихотворения выдержано в едином темпоральном ключе настоящего времени, варианты значения которого нас и будут интересовать, именно поэтому взят за основу наших рассуждений этот отрывок.

Сложность представления и, соответственно, восприятия значений настоящего времени в этом контексте очевидна, поскольку перед нами особый вариант употребления настоящего – настоящее образно-поэтическое.

Предваряя наши дальнейшие размышления по поводу тех смысловых возможностей и «превращений», которые происходят с формой настоящего времени в контексте лирического стихотворения, следует отметить необыкновенную семантическую гибкость и емкость, которая характеризует именно настоящее. Казалось бы, с точки зрения привязанности к точке отсчёта именно настоящее наиболее «уловимо»: его спасиализация равна точке на оси времени. Но это лишь ошибочная видимость, обман зрения, обусловленный пространственной системой координат и графических представлений.

Не случайно в лингвистической литературе отмечается особая сложность и специфичность форм настоящего времени (см. в частности работу Е. Н. Прокопович [Прокопович 1982: 211]).

«В плане материального бытия, – пишет А. В. Исаченко, – происходит неукоснимый переход «еще не прошлого» – в «прошлое». Такой постоянный переход осуществляется в бесконечно кратком временном отрезке, разделяющем «не прошлое» от «прошлого». Этот бесконечный отрезок времени не имеет своего прямого коррелята в мире эмпирическом. Этим и объясняются те непреодолимые затруднения, на которые неизбежно наталкивается всякий языковед, пытающийся раскрыть грамматическую семантику форм настоящего времени» [Исаченко 2003: 420].

Пытается показать сложность и многомерность настоящего и Ю. П. Князев, утверждая: «Представление о настоящем времени как о формах, обозначающих серединную фазу ситуации, охватывающую прошлое и будущее без чётких временных ограничений отражает другие семантические обертоны настоящего времени: отсутствие временных границ, незавершенность и обобщённость» [Князев 1997: 136].

Е. В. Петрухина констатирует, что все разновидности значения настоящего времени объединены общим признаком «открытого бытия» (термин М. А. Шелякина), т. е. одновременности с «актуальной действительностью говорящего», которая определяется говорящим с учетом не только своего опыта и знаний, но и опыта и знаний других лиц. [Петрухина 2009: 136; Шелякин 2001: 94].

А. В. Бондарко вслед за Н. С. Поспеловым выделяет значение «настоящего изобразительного (описательного)» времени в работе [Бондарко 1971], а также в [Русская грамматика 1982, т. 1: 631], считая этот семантический вариант употребления настоящего периферийным и интерпретируя его следующим образом: «Оно отражает эстетическую, художественно-изобразительную функцию языка <…> Цель и сфера функционирования изобразительного настоящего определяет особое его отношение к семантическому признаку локализованности / нелокализованности действия во времени. В данном случае это противопоставление не всегда проявляется чётко. Изображается картина или сцена. Действия предстают перед взором говорящего. Они как будто конкретны и актуальны. И вместе с тем они выходят за рамки простой конкретности и актуальности. То, что изображает такое настоящее, актуально и вместе с тем «вневременно», типично. Картинка выходит за пределы «непосредственного видения», восприятия и, как художественное обобщение, приобретает известную независимость от момента речи, освобождается от прикрепленности к этому моменту» [Бондарко 1971: 73-74].

Необходимо заметить, что настоящее изобразительное располагается на периферии настоящего неактуального, является его функциональной разновидностью, но при этом оно имеет черты настоящего актуального. Следовательно, его нель-

зя однозначно отнести к какому-то одному частному значению настоящего времени. Настоящее изобразительное является зоной пересечения полевых структур настоящего актуального и настоящего неактуального.

Не случайно в своей более поздней работе [Бондарко 2002: 274] А. В. Бондарко вводит несколько иной термин для обозначения рассматриваемой нами разновидности настоящего – «образно-поэтическое актуальное настоящее». Рассуждая об особенностях образно-поэтического настоящего актуального, А. В. Бондарко пишет: «Сфера образно-поэтического актуального настоящего имеет полевую структуру: выделяется центр прототипа и относительная периферия <…> Центр – это образно-поэтическое актуальное настоящее в условиях явно выраженной образно-поэтической перцептивности. Имеются в виду ситуации следующего типа: «я» (образ поэта-перцептора) – «сейчас» (образ момента восприятия и представления зримого мира) – «это» – воспринимаемая и представляемая картина» [Бондарко 2002: 278].

На примере анализа стихотворений А. С. Пушкина в указанной работе А. В. Бондарко выявлено несколько вариантов образно-поэтического настоящего, находящихся в той или иной степени отдаления от прототипа.

«Явно выраженная образно-поэтическая перцептивность закономерна в поэзии XIX века, поскольку классическая поэзия, начиная с Пушкина, моделирует свой мир, опираясь на живую речь», – утверждает Я. Э. Ахапкина, обратившаяся к анализу значений настоящего образно-поэтического в поэзии О. Э. Мандельштама [Ахапкина 2001: 144]. Однако в «позднейших поэтических системах возможно перераспределение элементов центра, ближней и дальней периферии поля образно-поэтического настоящего (теоретически можно предположить, что в предельном варианте – вплоть до формирования иного ядра), поскольку отбор языковых средств для выражения семантики настоящего актуального опирается на индивидуальное поэтическое мировидение, и, следовательно, регулярно встречающиеся в текстах конкретного поэта средства изображения настоящего актуального, специфические для выражения данной семантики именно в его творчестве, могут отличаться от специфических и регулярных средств выражения этой семантики в непоэтической речи и классической поэзии. Так, например, для идиостиля О. Э. Мандельштама нехарактерна конкретизация времени и места» [Ахапкина 2001: 145].

Не касаясь в статье других стихотворений Б. А. Ахмадулиной, тем не менее отметим, что для стихотворений раннего периода ее творчества наличие специальных лексических маркеров, конкретизирующих семантику времени и пространства, также нехарактерно.

Итак, вернемся к анализу частных значений настоящего времени в приведенном отрывке. Перед нами начало стихотворения, выстроенное, как уже было указано, в едином ключе образно-поэтического настоящего, которое проявляет себя по-разному: от близкого к центру поля актуального образно-поэтического настоящего в условиях выраженной разными способами перцептивности (*глядит*, *цветут*, *летит*) – до периферийного настоящего качественного неактуального (*снедает*; *не старик*; *семь чертей пригожих*; *десять дровосеков с топорами*; *гасконский темперамент*, *загорания*).

Начало рассматриваемого стихотворения написано в репродуктивном регистре и его можно заключить в модусную рамку «я (поэт-перцептор) вижу», этот регистр плавно перетекает в другой – информативный, который можно заключить в модусную рамку «я (поэт) знаю».

Перцептивность выражена, во-первых, через локализаторы, конкретизирующие пространственный дейксис (*издалека*, *за столом*); во-вторых, через семантику глаголов, употребленных в прямом и переносном значении (*глядит*, *цветут*, *летит*), обозначающих видимые процессы и состояния. Перед нами глагол зрительного восприятия – *глядеть*; инхоативный (становления) глагол – *цвести* (Е. В. Падучева относит такие глаголы к группе временных состояний наблюдения [Падучева 1996: 137]) и глагол однонаправленного движения, перемещения в пространстве – *лететь*. В-третьих, перцептивность выражена через признаковые слова, обозначающие оценку субъекта, связанную со зрительным восприятием предметов (*поношенный крахмал*) и ситуаций (*опасливо глядит*).

Уже в конце 1 строфы намечается переход к информативному регистру (*И молодость снедает старика*), поскольку переносное (метафорическое) значение глагола *снедать* отправляет нас к умозрительной, образной оценке ситуации, которая продолжается затем и во второй строфе. Именно поэтому значение настоящего этого глагола интерпретируется уже отнюдь не как актуальное образно-поэтическое, а как значение либо близкое к неактуальному, либо как собственно неактуальное. Таково значение настоящего постоянного, для которого «характерна широкая, а потому и относительно неопределённая локализация действия во времени», которое «занимает переходное, промежуточное положение между актуальным и неактуальным настоящим» [Бондарко 1971: 68].

Первое и второе предложения второй строфы, а также первое предложение третьей строфы – это предложения квалификативно-оценочного типа. С их помощью даётся характеристика третьего лица (Павла Антокольского), что заставляет

нас интерпретировать этот вариант настоящего образно-поэтического как настоящее неактуальное качественной характеристики. Следует отметить, что настоящее качественное является особой разновидностью абстрактного (неактуального) настоящего. «Между значением обычности, обобщённости и квалифицирующим оттенком есть внутренняя связь, – пишет А. В. Бондарко, – действие, осуществляющееся обычно, обладающее той или иной степенью регулярности, может стать признаком субъекта» [Бондарко 1971: 70].

Игра с регистрами позволяет прочитать временное значение глагола *летит* неоднозначно: в первую очередь, как настоящее неактуальное качественной характеристики: поскольку он – не старик, его снедает молодость, он обычно не идет, а летит мимо прохожих, но в контексте стихотворения действие *летит* изображается вместе с тем и как актуальное, совпадающее с условно-поэтическим моментом наблюдения (моментом речи говорящего). Перцептивность, помимо значения самого глагола, о котором уже говорилось, подчеркивается с помощью целого ряда показателей. Во-первых, с помощью уточняющего способ передвижения обособленного обстоятельства (*палкою по воздуху стуча*); во-вторых, с помощью локализатора, конкретизирующего пространственный дейксис (*мимо прохожих*); в-третьих, с помощью признакового слова и второго обособленного оборота, выражающих а) оценку наблюдателя, связанную со зрительным восприятием предметов (*испуганные прохожие*), б) размерную оценку наблюдателя относительно субъекта изображаемой ситуации (*едва им доставая до плеча*). Такое неоднозначное понимание значения настоящего времени глагола *летит*, безусловно, усложняет его интерпретацию, но при этом и углубляет образное восприятие описываемых событий.

Очевидно, значение анализируемой формы настоящего времени глагола *летит* по своему содержанию близко в данном случае употребления к частному типовому значению СВ – наглядно-примерному, которое А. В. Бондарко интерпретирует следующим образом: «…речь идет об особом экспрессивном приеме изображения повторяющегося, обычного действия: выделяется один из многих актов повторения как своего рода пример, дающий наглядное представление о других подобных актах <…>. В этом способе представления повторяющихся ситуаций присутствует элемент образности, изобразительности <…>. Так типичное передается через конкретное и единичное» [Бондарко 1971: 22]. По своей стилистической функции, связанной с моментом актуализации речи, данное значение, не будучи переносным, сопоставимо как с настоящим историческим, так и с настоящим эмоциональной актуализации. К слову сказать, о подобном варианте частного значения, «близкого к наглядно-примерному», но только у формы прошедшего времени НСВ речь идет у Н. А. Николиной в работе [Николина 2005: 73-187].

Интересно, что и сам глагол *летит* (глагол однонаправленного движения НСВ) не мешает предложенной нами интерпретации, хотя более подходящим для выражения повторяющегося действия был бы глагол неоднонаправленного движения *летает*: *Он, палкою по воздуху стуча,* ***летает*** *мимо испуганных прохожих, едва им доставая до плеча.* Но употребление этого глагола (*летает*) сняло бы актуальную напряженность процессности, а значит, и перцептивность восприятия ситуации как быстрого, легкого передвижения-полета, выраженную в стихотворении глаголом *летит*.

В этом же ключе, в принципе, можно интерпретировать и значение настоящего времени глагола *цветут* (*а за столом цветут цветы в кармане и молодость снедает старика*). Фиктивный характер актуальности настоящего при этом формируется метафорическим употреблением данного глагола в контексте стихотворения. Но особенно явно этот фиктивный, образный характер актуального настоящего глагола *цветут* выступает на фоне сопоставления данной формы с формой глагола *снедает* (*молодость снедает старика*), близко к ней расположенной в рамках контекста. Если частное значение вида (а перед нами единая видо-временная форма, в которой значение внешнего времени обусловлено и координируется значением времени внутреннего) глагола *цветут* можно интерпретировать как процессное (связанное с реальной наблюдаемостью «положения дел»), то значение глагола *снедает* в сочетании с существительным *молодость* не даёт нам возможности такой интерпретации: «*Снедать – НСВ. Кого. Книжн. Мучить, терзать (о чувствах, переживаниях)* [СТСРЯ 2001: 764]. Это значение глагола *снедать* явно переносное (см.: [Виноградов 1991: 1008]).

Все сделанные замечания указывают на неоднозначный, «текучий» характер трактовки форм настоящего времени в анализируемом отрывке, подтверждая выводы Н. А. Николиной, анализировавшей семантику и функционирования форм времени в поэтическом тексте в работе [Николина 2005]. В частности, Н. А. Николина пишет о том, что «даже актуализация момента наблюдения, выделение языковыми средствами временного дейктического центра не снимает условности точки отсчёта в поэтическом тексте, не локализует чётко ситуацию на временной оси. Сигналы его актуализации в художественном произведении лишь своеобразная стилизация речевой ситуации наблюдения, непосредственного и эмоционального восприятия» [Николина 2005: 111].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ахапкина Я. Э.* Образно-поэтическое настоящее актуальное в ранней лирике О. Э. Мандельштама // Исследования по языкознанию. К 70-летию члена-корреспондента РАН А. В. Бондарко. СПб., 2001. С. 144-154.
2. *Бондарко А. В.* Вид и время русского глагола: значение и употребление. М.: Просвещение, 1971.
3. *Бондарко А. В.* Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка / Рос. Академия наук. Ин-т лингвистических исследований. М.: Языки славянской культуры, 2002.
4. *Виноградов В. В.* История слов. М.: Институт русского языка РАН, 1999.
5. *Гинзбург Л. Я.* О лирике. Л.: Советский писатель, 1974.
6. *Зализняк Анна А.* Многозначность в языке и способы ее представления. М.: Языки славянских культур, 2006.
7. *Исаченко А. В.* Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. М.,2-е издан.: Языки славянской культуры. 2003.
8. *Князев Ю. П.* Настоящее время: семантика и прагматика / Ю. П. Князев // Логический анализ языка. Язык и время. – М.: Изд-во «Индрик», 1997. С. 131-138.
9. *Николина Н. А.* Семантика форм времени и их функционирование в поэтическом тексте // Поэтическая грамматика. Том 1 / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова / И. И. Ковтунова, Н. А. Николина, Е. В. Красильникова (отв. ред.) и др. М.: ООО «Издательский центр «Азбуковник», 2005. С. 73-187.
10. *Падучева Е. В.* Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. М.: Языки русской культуры, 1996.
11. *Петрухина Е. В.* Русский глагол: категории вида и времени. М.: МАКС Пресс, 2009.
12. *Прокопович Е. Н.* Глагол в предложении: Семантика и стилистика видо-временных форм. М.: Наука, 1982.
13. *Ремчукова Е. Н.* Морфологическая транспозиция как тип функционального варьирования грамматической формы // Проблемы функциональной грамматики. Категории морфологии и синтаксиса. СПб.: Наука, 2000. С. 79-90.
14. Русская грамматика. М.: Наука, 1982. Т. 1.
15. *Сидорова М. Ю.* Грамматика художественного текста. М., 2000.
16. *Сильман Т. И.* Заметки о лирике. Л.: Советский писатель, 1977.
17. Современный толковый словарь русского языка (СТСРЯ). СПб.: Норинт, 2001.
18. *Тураева З. Я.* Лингвистика текста. Текст: Структура и семантика. М.: Просвещение, 2009.

19. *Шапир М. И.* «Versus» *vs.* «Prosa»: пространство-время поэтического текста // Philologica, 1995, т. 2, № ¾. С. 7-47.
20. *Шелякин М. А.* Функциональная грамматика русского языка. М., 2001.
21. *Якобсон Р. О.* Поэзия грамматики и грамматика поэзии // Семиотика. М.: Радуга, 1983. С. 462-482.
22. *Jakobson R.* 'Retrospect' // R. Jakobson, Selected Writings, The Hague – Paris – New York, 1979 [vol.] V: On Verse, Its Masters and Explorers, P. 569-601.

Рассказ-очерк В. М. Шукшина как результат взаимодействия первичных и вторичных речевых жанров

V. M. Shukshin's Story-Essay as the Result of Interface of Primary and Derived Speech Genres

Кукуева Галина Васильевна

Kukueva Galina Vasiljevna

Статья посвящена описанию рассказов-очерков, представляющих собой гибридный художественно-речевой жанр в типологии малой прозы В. М. Шукшина. На примере анализа усложненных рассказов-очерков как результата межтекстового деривационного процесса между первичным и вторичным речевыми жанрами устанавливается явление размывания четких границ между ядром и периферией жанрового поля, что приводит к утрате различительной силы очерковых примет с выдвижением с сильную позицию жанровых признаков анекдота, сценки и новеллы. Взаимодействие разноприродных жанровых признаков свидетельствует об активных межтиповых пересечениях, влияющих на лингвотипологическое описание текстов малой прозы писателя в целом.

The paper deals with the description of story-sketch which is hybrid artistic-speech genre in typology of Shukshin's minor prose. The occurrence of smearing of clear boundaries between the center and the circumference of genre field is ascertained in illustration of analysis of complicated stories-sketches as the result of intertextual derivational process between primary and derived speech genres, and this occurrence leads to the loss of discriminating power of essay's signs and putting forward of genre marks of anecdote, sketch ad novel in strong position. The interaction of different natural genre signs is evidence about active interspecific intersections which have an influence on lingual-typological description of the texts of writer's minor prose in general.

Ключевые слова: рассказ-очерк, межтекстовая деривация, производный тип текста, художественно-речевой жанр

*Keywords***:** story-essay, intertextual derivation, derived type of text, artistic-speech genre

Рассказ-очерк В. М. Шукшина как результат взаимодействия первичных и вторичных речевых жанров

Г. В. Кукуева

Шукшиноведение конца XX – начала XXI веков направлено на осмысление глубоких сущностных взаимосвязей отдельных аспектов творчества писателя, что позволяет выдвинуть идею рассмотрения наследия В. М. Шукшина как динамически развивающейся целостной системы (Е. В. Кофанова). На этом фоне представляется возможным осмыслить проблему «гибридности», «пластичности» текстов малой прозы, в частности рассказов-очерков. В ходе анализа для нас методологическую ценность представляет концепция первичных и вторичных речевых жанров М. М. Бахтина. Сопряжение концептуально важных положений данного учения с методикой эвокации (V. Skalicka, А. А. Чувакин) обеспечивает раскрытие механизмов преобразования первичного текста во вторичном на основе деривационных отношений, которые понимаются вслед за Е. С. Кубряковой, Ю. Г. Панкрац, А. А. Чувакиным как связи, которыми объединяются первичные и основанные на них вторичные языковые единицы и которые типичны для отношений между исходными и производными знаками языка[42]. Рассмотрение тех или иных текстов под знаком производности возможно в том случае, если, во-первых, имеет место факт взаимодействия текстов, во-вторых, взаимодействующие тексты находятся в отношениях частичного тождества, в-третьих, один из сопоставляемых текстов оказывается сложнее в функционально-семантическом отношении. Проведенный ранее анализ малой прозы писателя дает все основания говорить о том, что статус первичного текста приобретают собственно рассказы [Кукуева 2008]. Правомерность наших рассуждений основывается на том, что данные тексты характеризуются 1) экспликацией типологических признаков, свойственных всей малой прозе писателя в целом; 2) деривационной валентностью; 3) способностью к функционально-семантическому преобразованию признаков первичных устных и письменных речевых жанров в акте художественно-эстетической коммуникации.

42 В работе мы опираемся на идеи деривации, изложенные в работах Л.Н. Мурзина [1982].

Гипотеза существования рассказов-очерков как отдельной внутрижанровой разновидности в творчестве В. М. Шукшина продиктована общими тенденциями развития литературы 60-х годов XX века: стремление к сближению объективности и документальности, искусства и науки отразилось в поисках новых литературных форм. Для Шукшина проблема жанровой специфики текстов малой прозы концентрировалась вокруг вопроса, касающегося соотношения реальности и художественной условности. Эстетика «правды жизни», поэтика простоты легли в основу принципа человекоцентричности, направленного на изображение «жизни души», требующей праздника. Именно этот принцип, по определению самого писателя, позволил создать «*невыдуманные рассказы*» – рассказы-очерки, в которых даже самый типичный факт, часто встречающийся в произведениях, подвергается художественному «обогащению». Стоит отметить, что очерк в чистой жанровой форме не присущ произведениям Шукшина. Документальность в текстах рассказов-очерков получает особую художественно-эстетическую нагрузку. Одна ее сторона обращена к авторскому воздействию на читателя: факт претерпевает творческую трансформацию из предмета действительности в особый художественно моделируемый предмет, отражающий авторское видение действительности. Другая сторона эстетического направлена на формирование художественно-речевой семантики, рассмотрение субъектно-речевых планов, специфика которых способна пролить свет на особенности жанровой и композиционной организации высказывания.

Характеристика текстов рассказов В. М. Шукшина как сложных диалогичных художественно-речевых жанров позволяет применить к их описанию аксиомы Р. Барта, среди которых первостепенное значение имеют следующие: «текст – это не структура, а структурация; это не объект, а работа и деятельность; это не совокупность обособленных знаков, наделенная тем или иным смыслом, подлежащим обнаружению, это диапазон существования смещенных следов» [Барт 2001: 17]. Утверждение Р. Барта значимо, во-первых, потому, что в нем заложено обоснование внутрижанровой дифференциации текстов малой прозы на основе фактора идейно-эстетического преобразования. Во вторую очередь, расшифровка мысли исследователя приводит нас к осмыслению механизма образования производного текста, наглядным примером которого могут служить рассказы-очерки, создающиеся на базе других речевых жанров и сохраняющие с ними частичное совпадение

Как результат межтекстового деривационного процесса рассказы-очерки писателя отличается соединением жанровой этикетки рассказа, с документальностью, правдивостью и детальностью художественно конструируемых событий, дающих

социальный срез укладу жизни той или иной среды. Доминантой подобных текстов представляется архитектоническая гибкость эвоцирования иноприродных первичных жанровых признаков.

Степень плотности первичных разножанровых признаков на всех уровнях организации текстов рассказов-очерков позволяют выделить в жанровом поле[43] ядерный тип и производные от него путем деривации типы ближней и дальней периферии. В области формирования периферии жанрового поля рассказов-очерков участвуют два процесса: усложнение и ассимиляция. В рамках данной статьи нами будут рассмотрены усложненные рассказы-очерки как явление ближней периферии, наглядно демонстрирующей признак «пластичности» текстов малой прозы писателя. С учетом направленности межтекстового деривационного процесса на отражение формальной, семантической и функциональной производности единиц анализ текстов осуществляется по линии формы, содержания и композиционноречевой организации.

Усложненные рассказы-очерки характеризуются активностью выдвижения двух доминантных первичных жанровых признаков очерка: детали, типизации образов персонажей. Степень активности признаков детерминируется проблемно-тематическим содержанием текстов. Остальные жанровые признаки очерка рассматриваются как вспомогательные, склонные к трансформации посредством эвоцирования признаков анекдотического, сценического и новеллистического повествования.

С точки зрения формы данные тексты отличаются свободной композицией, как первичным жанровым признаком очерка. Краткий зачин напоминает экспозиционную часть драматического произведения: в нем сообщается место, время, состав участников события: «*Некто Кондрашин, Геннадий Сергеевич, в меру полненький гражданин, голубоглазый, слегка лысеющий, с надменным, несколько даже брезгливым выражением на лице, в девять часов без пяти минут вошел в подъезд большого глазастого здания* <…>» («Мнение»). В рассказах нет единого, быстро развивающегося конфликта. В центре повествования представлена проблема нравственного состояния «среды», воплощенная в отдельных личностях («Лёся», «Мнение», «Хмырь»). Открытость финалов усложненных рассказов-очерков («Мнение», «Психопат», «Хмырь»), наличие лирических отступлений («Лёся») усиливают пафос проблемности, характерный для очерковой литературы.

43 В работе используется концепция жанрового поля (М.Ю Федосюк), применяемая к исследованию речевых процессов. Предложив сгруппировать в поле языковые единицы, служащие средствами выражения речевого жанра, ученый ввел понятие жанрового поля [Федосюк 1997: 111], в котором выделяется ядро, где размещены компоненты, противопоставляющие данный жанр всем другим, и периферию, где формальные различия между разными жанрами нейтрализуются.

Содержание рассматриваемых текстов раскрывается не только и не столько в передаваемой информации (что важно для жанра очерка), сколько в ярких образах персонажей, выписанных с учетом анекдотических и сценических примет. При характеристике внешности, анкетных данных признаки первичных речевых жанров анекдота и сценки выступают в качестве вспомогательных, в сопряжении с деталью – признаком очеркового повествования – способствуют типизации «человеческих ликов», а сами рассказы сближаются со сценкой-фарсом. Герои предстают как условные маски, обозначающие определенный тип характера: «***Хмырь**, будем его так называть для ясности, хотя вообще-то он не хмырь <…>. Эта… назовем ее **Здоровячка**, эта от души кокетничала, хихикала, может, даже волновалась*» («Хмырь»). Выводя на сцену социальные маски героев, В. М. Шукшин пытается заострить морально-нравственную проблему человеческих взаимоотношений.

Во фрагментах текстов, повествующих о поведении и поступках персонажей, высокую степень плотности проявляют первичные жанровые признаки анекдота, сценки, новеллы. Активность игрового начала, зрелищности, парадоксальности, столкновения бытового и бытийного хронотопов нейтрализует бессобытийность и описательность очерка, выводит на первый план динамику действия, конфликтное столкновение, зрелищность, окрашивает содержание рассказов юмористическими тонами, способствует пересечению усложненных рассказов-очерков с рассказами-анекдотами, рассказами-сценками, новеллами. Наблюдается перевоплощение персонажей, сопровождаемое театрализованностью поведения и парадоксальностью поступков. Так, конфликтное столкновение хронотопов персонажей и анекдотичность явно видны в рассказе «Психопат». Герой Сергей Иванович Кудряшов трижды, как подобает персонажу анекдота, проходит все круги ада, связанные с приемом процедур в больнице. Ссора «вывихнутого» героя с медсестрой и врачом – социальными типами – эксплицирует проблему взаимодействия человека, живущего естественными чувствами, с «ложными интеллигентами». Медперсонал в рассказе не работает, а исправно играет роли ради получения зарплаты, именно поэтому при конструировании их образов доминируют детали внешности: «*молодая*», «*рослая*», «*молодой*», «*с бородкой*», рефреном звучат: «*невнимательный*», «*остроумный*».

В художественноречевой структуре усложненных рассказов-очерков особую функциональную нагрузку приобретает собственно авторский речевой слой. Однако, пребывая в позиции стороннего наблюдателя, повествователь разрушает традиционную для очерка «объективно-повествовательную» форму изложения. Субъективность авторской точки зрения просматривается, во-первых, в выдвижении наиболее значимых эпизодов из жизни героев: «*История, кото-*

рую я хочу рассказать, случилась позже, когда Лёся, собственно, занимался уже разбоем» («Лёся»), во-вторых, в активном использовании модальных слов, сослагательного наклонения глаголов как знаков субъективного авторского видения: «*Он, **пожалуй,** слегка изображал из себя кинематографического американца <…>. Он, **может быть**, и **походил бы** на американца, этот Кондрашин, если б нос его, вполне приличный нос, **не заканчивался бы** вдруг этаким тамбовским лапоточком*» («Мнение»). Субъективная точка зрения автора звучит и в самой манере конструирования портрета персонажа, где на первое место выдвигаются признаки алогичности и парадоксальности. Так, например, роль, исполняемая героем, не является зеркальным отражением его сущности, напротив, она представляет собой иронический или драматический «перевертыш» желаемого: «*может быть, и походил бы на американца <…>, если б нос его <…> не заканчивался бы вдруг этаким тамбовским лапоточком*» («Мнение»). Предельно субъективны лирические отступления автора-повествователя, служащие знаком публицистичности усложненных рассказов-очерков: «*И вот этот конец (а так кончали многие, похожие на Лёсю) странным образом волнует меня. Не могу как-нибудь себе объяснить эту особенность – жадничать при дележке дарового добра, вообще безобразно ценить цветной лоскут – в человеке, который с великой легкостью потом раздаривать <…>. Положим, лоскуты – это и было тогда – богатство. Но ведь и богатство шло прахом*» («*Лёся*»). Открыто рассуждая о проблеме человеческих пороков: жадности, алчности, воровстве, – автор выходит на диалог с аудиторией, призывает читателя к выражению собственного отношения.

В интерпретации истории героя и конструировании его образа особую роль играет ремарочный компонент. Содержательная емкость репрезентативных ремарок, сообщающих о перемещениях, жестах персонажей, связана с высокой степенью плотности таких разножанровых признаков, как деталь, сценичность, театральность, зримость. Соединяя воедино данные признаки, ремарка сигнализирует об определенных авторских интенциях, об истинном (иногда сатирическом) отношении автора к типу человека, воспроизведенному в образе персонажа. Например, главный герой рассказа «Мнение» свои прямые профессиональные обязанности заменяет умелой тонкой игрой. Деталь «*губы трубочкой*» полифункциональна. С ее помощью Кондрашин легко меняет маску «кинематографического американца с небрежными жестами» на маску «*делового, озабоченного чиновника*». Данная деталь в сочетании с театрализованными жестами героя фиксирует его реакцию на любой «внешний раздражитель»: «*Он на секунду-две опять сделал **губы-трубочкой**… И посмотрел прямо в суровые глаза «шефуни»*.

Речевые партии персонажей актуализируются в составе диалогических единств, структура и семантика которых указывает, с одной стороны, на активность примет драматического текста, с другой – на осложнение повествования несвойственным очерку конфликтным столкновением разных пространственно-временных континуумов (признак новеллистического повествования). Краткие, емкие взаимообусловленные реплики-стимулы и реплики-реакции формируют динамику повествования, организуют отдельно взятую сцену, проигрываемую перед читателем. Например, в рассказе-очерке «Хмырь» вопросно-ответная форма повествования занимает основную часть художественного пространства, репрезентирует сцену флирта со всеми его атрибутами: «переодеванием», разговором с целью знакомства, налаживанием отношений, договоренностью о встрече. Рассмотрим текстовый фрагмент:

– *Здравствуйте.*
– *Здравствуйте, – сказала Здоровячка, немного удивившись.*
– *Почему в одиночестве?*
– *Почему? … Я смотрю.*
– *Так это без толку – так смотреть. Красивые места надо, знаете, смотреть вместе с кем-нибудь… Хмырь поначалу еще пулял туда-сюда взгляды – все приглашал посмотреть, как он охмуряет. Но Здоровячка так легко, охотно пошла навстречу соблазну <…>. Скоро им обоим стало хорошо.* («Хмырь»)

В приведенном фрагменте диалогического единства переспросы-подхватывания устанавливают взаимонаправленную, динамическую связь между репликами. Структурное сокращение ремарочного компонента указывает на зримость, сценичность разыгрываемого диалога.

Мотив игры-флирта проникает и во внутреннюю речь героя, где выстраивает возможный сценарий поведения: «*И подумал, что, пожалуй, с этой дурочкой можно бы потихоньку флиртануть – так, недельку потратить на нее, потом сделать вид, что ничего не было*» («Мнение»).

Нейтрализация первичных жанровых признаков очерка в данных текстовых фрагментах, выдвижение на смену им сценичности, театральности, позволяют говорить о тяготении усложненных рассказов-очерков к рассказам-сценкам, свидетельствуют об очерковом приеме типизации отдельно взятого образа через изображение единичного, яркого прототипа.

Драматизированный диалог в рассматриваемом подтипе эксплицирует конфликтное столкновение континуумов персонажей:

– *Идиотство, – сказал он (Психопат), чуть не плача. – Ну идиотство же полное!.. Позовите врача.*
– *Зачем? – спросила сестричка.*
– *Позовите врача! – требовал Психопат. И встал и начал нервно ходить по кабинетику, согнув левую руку и прижав ее к боку, и раздражаясь все больше и больше. – Это идиотизм! <…>.*

Пришел врач: молодой, с бородкой <…>.

– *Что тут у вас? – Да с этакой снисходительной усмешкой в глазах – прямо Миклухо-Маклай, а не лекарь заштатный. Эта-то усмешка и взбесила вконец Психопата.*
– *Да у вас тут, знаете, коней куют, а я укол пришел делать…* («Психопат»).

Поводом для конфликта Психопата – носителя бытового времени-пространства, и медперсонала, пребывающего в бытовом континууме – «*кабинетике*», служит банальная ситуация, связанная с медицинскими процедурами. Развертывание конфликта постепенно обнажает театральность, неестественность поведения персонажей, принадлежащих бытовому времени-пространству. Обострение конфликта осуществляется посредством включения в речь психопата признаков сценичности и игрового начала: «*– Ду ю спик инглишь, сэр? А как насчет картошки дров поджарить? Лескова надо читать, Лескова! <…>. А то – гитара-то гитара, а квакаем пока. А уж думаем – соловьи. <…> Работать надо учиться, сынок, работать*».

Погашение конфликта осуществляется, как правило, двумя способами: посредством выдвижения монологов-рассуждений героя, выводящих бытовой скандал на уровень бытийного («Психопат»), или благодаря уходу персонажа от конфликта («Хмырь»). Первый способ нейтрализации особо важен для семантики и композиции текстов с жанровой этикеткой «очерк». Монолог героя с уходом в философские рассуждения эксплицирует «нравоописательную» часть проблемы. С помощью персонажной речи воспроизводятся реальные типические черты изображаемой жизни, при этом «слово» героя сливается со «словом» автора: «*Я не ругаюсь с вами, я, правда, хочу понять: неужели так можно жить? Ведь не знает человек ни дела своего, ни… Даже знать-то не хочет, не любит, а сидит – хмурится важно… <…>. Господи, боже мой-то, да неужели только за кусок хлеба? Да что вы, люди! Куда же мы так пришлепаем-то?*» («Психопат»). Эмоциональное восприятие ситуации, просматривающееся в обилии риторических вопросов и восклица-

ний, обращенных не только к участникам скандального события, но и к читателю, свидетельствует о проникновении новеллистических интонаций.

Итак, усложненный рассказ-очерк как результат межтекстовой деривации формируется, во-первых, благодаря высокой степени плотности типизации и детали как признаков первичного речевого жанра, во-вторых, трансформации второстепенных признаков очерка через выдвижение на всех уровнях организации текстов жанровых примет анекдотического, сценического и новеллистического повествования. Эвоцирование разноприродных жанровых признаков свидетельствует о деривационной производности усложненных рассказов-очерков, о размывании и смещении жанровых границ внутри производного текста.

Взаимовлияние разножанровых признаков на всех уровнях организации повествования является важнейшим фактором, не только объясняющим динамическую целостность рассказов В. М. Шукшина, но и раскрывающим вектор типологического описания текстов малой прозы с учетом специфики жанрового поля и возможных внутри него переходов и пересечений.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Барт Р.* S / Z / Р. Барт; пер. с фр. Г. К. Косикова и В. П. Мурат. – М.: Эдиториал УРСС, 2001.

2. *Кукуева Г. В.* Рассказы В. М. Шукшина: лингвотипологическое исследование: монография / Г. В. Кукуева. – Барнаул: БГПУ, 2008.

3. *Мурзин Л. Н.* О деривационных механизмах текстообразования / Л. Н. Мурзин // Теоретические аспекты деривации: межвуз. сб. науч. трудов. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 1982. С. 27-30.

4. *Федосюк М. Ю.* Нерешенные вопросы теории речевых жанров / М. Ю. Федосюк // Вопросы языкознания. 1997. № 5. С. 102-120.

РЕЦЕНЗИИ

Рецензия на: Текст: теоретические основания и принципы анализа: учеб.-науч. пос./Под ред. проф. К. А. Роговой. – СПб.: Златоуст, 2011. – 464 с.

Современная лингвистика вступила в эпоху текстоведения. Процесс этот, однако, происходит не быстро и не гладко, монографическое осмысление проблем текстуальности выдвигается ещё сравнительно редко. Тем ценнее коллективное исследование «Текст: теоретические основания и принципы анализа», подготовленное в Санкт-Петербургском государственном университете под руководством доктора филологических наук К. А. Роговой. Данное учебно-научное пособие отражает деятельность исследовательского семинара «Анализ и интерпретация текста», которым более 20 лет руководит профессор К. А. Рогова. В этой обобщающей работе сочетается теоретическое осмысление текста как лингвостилистического феномена и практически ориентированная демонстрация представленной теории на текстовом материале разной функционально-стилевой и жанровой принадлежности.

Принципиально значима последовательно проведённая в книге опора на понятие «категория текстуальности». Текст как продукт речевой деятельности рассматривается на базе набора взаимосвязанных категорий, в совокупности отражающих содержание, условия и отношения этой деятельности. Каждая из текстовых категорий опирается на определённые структурные показатели и языковые средства, так что осмысление содержания текста осуществляется многомерно, но по единому общему плану. Именно в силу этого предложенное исследование приобретает систематизирующий характер, что очень важно как в аналитическом плане, так и в аспекте текстопорождения, который также имеют в виду авторы пособия.

В качестве предмета рассмотрения избраны наиболее общие текстовые категории, которые в совокупности (за исключением интертекстуальности, связанной со взаимодействием нового текста с уже существующими) отражают коммуникативную ситуацию общения посредством текстов. Это интенциональность, цельность, связность, информативность, воспринимаемость, ситуативность. Данный набор, как отмечают и сами авторы, сопряжён с пересекаемостью категорий, смысловыми и формальными категориально-текстовыми наложениями. Это особенно заметно при характеристике категорий интенциональности и цельности, цельности

и информативности. Однако выделение коммуникативно-содержательных доминант текста методически целесообразно, тем более что последовательность представления категорий отражает их иерархию.

Во главу угла логично ставится прагматическая по своей сути категория интенциональности (целеполагания) задающая направление содержательной (семантико-психологической) категории цельности. Полностью поддерживая данную позицию в целом, заметим, что требуется корректировка понятий замысла и образа автора. Замысел – это, безусловно, категория интенции, связанная с образом результата, тогда как образ автора далеко не ограничен рамками интенциональности. Связность трактуется авторским коллективом издания как формально-логическая категория, подчинённая цельности. Категория информативности наиболее спорна в плане её самостоятельного положения в предложенном ряду, здесь особенно велико количество повторов и указаний на взаимосвязь данной категории с другими. Вместе взятые, названные категории характеризуют текст как имманентное образование и результат авторского целеполагания. Далее следуют категории воспринимаемости (адресованности) и ситуативности, что логично выводит поиск текстового смысла в область коммуникации.

Предлагаемые в книге категории текстуальности обладают различным теоретическим весом и объяснительной силой при анализе смысла целого текста. Наиболее аналитически ценны категории интенциональности, ситуативности и цельности (тематической (диктумной), модально-оценочной (модусной), структурно-композиционной и стилистической); значительный вклад в выявление авторского замысла вносит категория интертекстуальности. В то же время информативность, воспринимаемость и связность текста представляются категориями добавочными, лишь уточняющими и детализирующими уже выявленные текстовые смыслы.

Характерно, что оперируя заявленными мегакатегориями, при формулировке заданий к текстам авторы активно используют интуитивно понятную любому читателю категорию темы, которая в теоретической части не находит отдельного описания как значимая категория текстового анализа и затрагивается лишь как один из аспектов формирования цельности в главе об информативности текста. Думается, специальное рассмотрение темы в рамках категории информативности позволило бы избежать повторов в этих главах. Создается также впечатление, что стремление следовать набору категорий текстуальности, предложенному Р.-А. де Богрaндом и В. Дресслером, не позволяет авторам пособия в полной мере использовать при анализе текста не только категорию темы, но и категории модальности (тональность и оценочность).

По замыслу авторского коллектива, интерпретация речевых произведений в аспекте выделенных категорий одновременно закладывает и основу активных навыков создания текста по образу и подобию рассмотренных структур. Для этого необходим функционально-текстовой и жанровый разворот категориально-текстового анализа. Ему отдана обширная вторая часть книги. Такое решение представляется особенно ценным как в теоретическом, так и в методическом плане. Оно снимает абстрактность общего категориально-текстового анализа и позволяет соединить теорию с практикой такого анализа на уровне жанра-текстотипа.

Каждая из теоретически обоснованных в первой части издания категорий текстуальности отслеживается в формально-смысловом плане на материале шести функциональных разновидностей русской речи: официально-деловой, научной, религиозной, публицистической, обиходно-разговорной, художественной. Предлагаемый анализ текстов очень интересен и методически полноценен. Во-первых, высокой оценки заслуживает сам подбор текстов: издание включает в себя литературные образцы высокого текстового качества, разнообразные в содержательном и типичные в жанровом отношении. Во-вторых, хорошо выдержана ориентация на познавательную активность обучаемого: данная часть пособия содержит большое количество вопросов и заданий к представленным текстам. Часть из них требует выявления текстовых сигналов анализируемой категории, другая часть нацелена на систематизацию фактов, аналитические обобщения, выражение собственного мнения о текстовых смыслах. В-третьих, что очень важно, в книге предусмотрена и возможность сравнения собственного ответа с правильным, по мнению авторов пособия: каждая из глав второй части заканчивается разделом «Предполагаемые ответы». Это увеличивает возможности использования системы заданий и упражнений при работе с иностранцами, а также её применения в самообразовании.

Анализ текста неизменно осуществляется с хорошо взвешенными пропорциями теоретического и практического компонентов. Новые конкретные теоретические сведения подаются порционно, основные проводятся через повторения, практические задания требуют от обучаемого тренировки различных логико-лингвистических умений и завершаются заданиями, направленными на собственное текстовое творчество обучаемого. Ясно прослеживается, какой большой аналитический опыт стоит за данной книгой, особенно в области анализа художественных и публицистических текстов.

Дидактической целью является обучение читателя способам глубокого понимания и интерпретации смысла текстов различных стилей и жанров. Практически каждая глава снабжена приемами и схемами анализа текста, адекватными иссле-

дуемой категории текстуальности. Таким образом, пособие снабжает обучаемого достаточно богатым и упорядоченным аналитическим инструментарием для выявления авторского замысла, выяснения способа организации затекстового смысла. Аналитический подход к тексту обеспечивает возможность перекрёстной верификации результатов анализа текста в рамках одной категории текстуальности на фоне результатов, достигнутых в процессе применения других приемов категориально-текстового анализа. К сожалению, в пособии не дается образца комплексного анализа одного текста в аспекте всех заявленных категорий текстуальности.

Методическим достоинством подхода к пониманию и интерпретации текста на основе категорий текстуальности является то, что предложенные авторами алгоритмы анализа текста, с одной стороны, задают ясные ориентиры для анализа, а с другой – оставляют обучаемому достаточную свободу интерпретации. Предложенная методика формирует не только умение грамотного чтения – извлечения глубинных смыслов текста, рефлексии над его содержанием и формой, но и креативное мышление, способствуя развитию и специальных, и общекультурных компетенций.

Итак, в книге последовательно и аргументированно утверждается ключевая роль категорий текстуальности в понимании текста, доказывается доминантный статус категории цельности текста и демонстрируется её вариативность в текстах различных стилей и жанров. Авторами предлагаются различные аналитические модели, позволяющие вскрыть разнообразные механизмы формирования смысла текста и его восприятия как активной познавательной деятельности читателя.

Значимым итогом предпринятого авторами многоаспектного исследования считаем последовательное выявление речевых способов выражения категорий текстуальности. Опознавая их содержание на базе речевой формы, внимательный читатель не только учится реконструировать авторский замысел и интерпретировать смысл целого текста, но и получает возможность самостоятельно действовать по текстовому образцу.

Учебное пособие «Текст: теоретические основания и принципы анализа» полностью выполняет своё жанровое предназначение, но не менее важно, что эта работа утверждает позиции категориально-текстового подхода и стимулирует новые текст-лингвистические исследования.

И. Н. Борисова
Т. В. Матвеева

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ ВЫПУСКА

Александрова Ирина Борисовна – кандидат филологических наук доцент кафедры стилистики русского языка факультета журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Aleksandrova Irina Borisovna – PhD (Philology), Associated professor of Lomonosov Moscow State University, Faculty of Journalism, Dept. of Russian Language Stylistics (Moscow, Russia)

Дедова Ольга Викторовна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Dedova Olga Viktorovna – Doctor of Philology, Professor of Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philology, Dept. of Russian Language Studies (Moscow, Russia)

Жданова Лариса Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Zhdanova Larisa Alexandrovna – PhD (Philology), Associated professor of Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philology, Dept. of Russian Language Studies (Moscow, Russia)

Кукуева Галина Васильевна – доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Алтайской государственной педагогической академии (Барнаул, Россия)

Kukueva Galina Vasiljevna – Doctor of Philology, Professor of Altai State Pedagogical Academy, Dept. of General Linguistics and Russian Language Studies (Barnaul, Russia)

Кулибина Наталья Владимировна – доктор педагогических наук, профессор Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина (Москва, Россия)

Kulibina Natalia Vladimirovna – Doctor of Pedagogy, The Pushkin State Russian Language Institute (Moscow, Russia)

Куприенко Марина Сергеевна – аспирант кафедры русского языка филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Kuprienko Marina Sergeevna – post-graduate, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philology, Dept. of Russian Language Studies (Moscow, Russia)

Милютина Марина Геогргиевна – доктор филологических наук профессор кафедры русского языка, теоретической и прикладной лингвистики Удмуртского государственного университета (Ижевск, Россия)

Milyutina Marina Georgijevna – Doctor of Philology, Professor of Udmurt State University, Dept. of Russian Language Studies, Theoretical and Applied Linguistics (Izhevsk, Russia)

Никитина Елена Николаевна – кандидат филологических наук (Москва, Россия)

Nikitina Elena Nikolaevna – PhD (Filology) (Moscow, Russia)

Николенкова Наталья Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Nikolenkova Natalia Vkadimirovna – DhD (Philology), Associated professor of Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philology, Dept. of Russian Language Studies (Moscow, Russia)

Савельев Виктор Сергеевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Savelyev Victor Sergeevich – Doctor of Philology, Professor of Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philology, Dept. of Russian Language Studies (Moscow, Russia)

Славкин Владимир Вячеславович – кандидат филологических наук доцент кафедры стилистики русского языка факультета журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова

Slavkin Vladimir Vyacheslavovich – PhD (Philology), Associated professor of Lomonosov Moscow State University, Faculty of Journalism, Dept. of Russian Language Stylistics (Moscow, Russia)

Фролова Ольга Евгеньевна – доктор филологических наук, старший научный сотрудник лаборатории фонетики и речевой коммуникации филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Frolova Olga Eugenievna – Doctor of Philology, Senior Researcher of Laboratory of Phonetics and Speech Communication, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philology (Moscow, Russia)